

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Факультет иностранных языков

STUDIA LINGUISTICA

ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В ФОКУСЕ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

XXIII

Санкт-Петербург
Политехника-сервис
2014

Печатается по рекомендации
Ученого совета факультета иностранных языков
РГПУ им. А.И. Герцена

ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент **И.А. Каргаполова** (ЛГУ им. А.С. Пушкина); доктор филологических наук, профессор **Т.А. Казакова** (СПбГУ)

УДК 81.0

I.K. Arkhipov (Saint Petersburg, Russia)

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова** (ответственный редактор);

кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Редактор английских текстов:

кандидат филологических наук, профессор **И.Г. Серова**

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор **Н.Н. Кириллова**

кандидат филологических наук, профессор **И.П. Шишкина**

Технический редактор:

инженер-лаборант **Д.П. Екименкова**

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXIII. Язык и человек в фокусе современной науки. Сб. научных трудов. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – 322 с.

ISBN 978-5-905

Труды отечественных и зарубежных лингвистов, представленные в сборнике STUDIA LINGUISTICA XXIII, посвящены актуальным вопросам современной науки о языке, основным направлениям и перспективам её развития, тем вызовам, с которыми она сталкивается в условиях современной интеллектуальной и языковой ситуации, и тем исследовательским решениям, которые могут явиться ответами на эти вызовы.

В фокусе внимания авторов сборника оказываются сложные вопросы исторической динамики языка, объективации в языке ментальной деятельности человека, роли языка в понимании и хранении человеческой культуры. Широкий спектр рассматриваемых проблем подтверждается разнообразной тематикой статей сборника и отражается в названиях его рубрик: «Языковая динамика в исторической перспективе», «Язык в пространстве смысла», «Язык и процесс познания: когнитивные аспекты языка», «Язык, человек и общество: культурные смыслы в языке», «Язык, текст и творческое сознание».

Сборник предназначен специалистам-филологам, студентам филологических специальностей и более широкой аудитории, интересующейся проблемами языка, текста и культуры.

ISBN 978-5-905

THE ENGLISH ARTICLES AT HISTORICAL CROSSROADS: A COGNITIVE ANALYSIS

The paper deals with evaluating the cognitive potential of semiosis of lexical and grammatical meanings of substantives in the course of history of the English language. The articles are shown to provide signals which point to the structural status of lexical units of polysemous nouns. Patterned polysemy underlies these processes as well as usage of nouns.

Keywords: cognition, reference, article, potential significate, actual significate, lexical polysemy

When speculating on the nature and particular pathways of linguistic change, it is records of data that is actually available to historians. In such situations, real input is generally hidden in history while output becomes input for conjecture. Thus, it may be suggested that certain hypotheses on age-long phenomena may perhaps be solved on analogies with present-day ones if some most characteristic features of the human body are taken into account.

As far as the English article system is concerned, the input is limited to the facts that, according to Hewson, the Old English system was flawed in “having only a definite article, and no indefinite article” [Hewson, 1997, p. 104]. Besides, “the development of the definite article in Old English...has nothing whatsoever to do with Functional Sentence Perspective” [ditto, p. 106]. If the role of the theme is to signal old information, then it might be expected that it would normally be marked by definite reference. Indeed, in a language such as English where the subject is often the theme, there is well-documented resistance to the use of indefinite subjects followed by the copula:

(1)(?) A *book* is on the table

(2) There is a *book* on the table [ditto, p. 106].

As far as old English indefinite reference is concerned, it was lamely represented by the pronoun *sum*, or the numeral *ān*. “The

strong form of the numeral *ān* was sometimes used to mean *a certain*. When declined weak, it had the meaning of “alone”. This ambiguity is described by Hewson as “the historical hiatus between the development of the definite and the indefinite article in English” [ditto, p. 104, 108]. The author claims that the crisis was resolved with the advent of a new category – *a phrasal noun*. That in turn could have thrown light on the “binary relationship between definite and indefinite *within the system of the substantive itself* (italics are mine – I.A.), a feature which distinguishes the substantive from the other parts of speech” [ditto, p. 106].

This approach is based on an insight into the internal binarity of the phrasal noun which consists of a head and an element which describes it. However, while he attaches a lot of importance to the relationship of components of the phrasal noun, Hewson stops short of giving any details about a relevant underlying mechanism. What he claims is just that “every noun, in short, is composed of lexeme plus referent, and the lexeme is by nature an invariant, whereas the referent is by nature multivariant” [ditto, p. 108]. Such observations fall into line with discussions of language structure. For instance, A.A. Kibrik cites arguments that it is either “discrete” or “continuous” and comes up with a third option of “focal phenomena (phonemes, meanings, etc.) (which) are simultaneously distinct and related” [Kibrik, 2012, p. 82].

In order to address the issue of the precise mechanism, it is important, first of all, to specify an agency – language relationship from which this discussion is to proceed. It may be one based on the Saussurean view on language as “*envisagée en elle-même et pour elle-même*” (a phenomenon in itself) [Saussure, 1916, p. 166]. To illustrate, Ye.A. Reiman believes that, “the meaning of the (*Det+ noun* – I.A.) “complex” is instantiated via an “individuating influence” of article on the fixed semantics of a substantive lexeme” [Reiman, 1988, p. 25–26]. It is obvious that, in this case, we are dealing with a most resilient claim of 20th century linguistic rhetoric that language system consists of interacting self-contained entities. On this view, distribution can influence a word or text, for that matter, causing their meanings to change. However, in actual fact, nothing of this kind can happen in reality because it is speakers who create linguistic units and their content on line [Zlatev, 2003]. Thus, the following discussion is based on “the interpretation of

the organism-environment relation...to follow the post-Cartesian paradigm whereby the organism is regarded as the active agent and the environment as something that only supports the actions of the organism or provides the basic factors for its niche. Hence, the organism is perceived as agent and dynamic carrier of the mind and the environment as “objective” background for its actions”. Hence, in every case of communication, the genesis of a linguaform and its semantics present as a “common result” of an organism-environment system [Järvilehto, 2009, p. 112].

Their interaction in a consensual domain is brought about by a need to adapt to a respective niche which, in turn, functions as a counterpart. In such cases, words acting as the two main components of a phrasal noun co-occur to form a collocation predetermined by a correspondence [Lipka, 1992] of their meanings. To sum up, such collocations describe the function of the lexical components of organism-environment systems on an agency – niche basis. It should be kept in mind that such a system is brought into action and controlled at the will and intentions of individual speaker. At the same time, every normal adult speaker **knows** that he knows enough of his language [Maturana, 1970, p. 1] to use it to a degree that he can adequately adapt to environment. That, among other things, means that he knows the systemic meanings of the (*Det+noun*) components as well as how to use them effectively.

History-wise, such discussions can be traced to the exploring the “binarity” of substantive semantics [Hewson, 1997]. Hence, the whole problem boils down to whether it is the binary structure of the *Det+noun* phrase or the binarity of substantive alone is the source of the phenomenon at point. While the author describes the status, semantics and functions of phrasal noun components – articles and lexemes – some of his conclusions are somewhat superficial because, basically, he appears to proceed from the above-mentioned concept of “individuating influence” of articles on the fixed semantics of the substantive. On this view, target reference is brought about as a multivariant determiner joins an “invariant lexeme”. However, it remains unclear whether “invariant” implies “unvarying”, on the one hand, and which factor precisely determines the multivariant status of the determiner, on the other.

To answer these questions, the following analysis of the semiotic patterns of reference is carried out in terms of interactions of

agents and environment rather than relationships of abstract roles of participants. Below, the actual meanings of the noun *book* are established vis-a-vis function of determiners, in a mix of example sentences provided by Hewson and myself.

There seems to be every reason to believe that the meaning of the “invariant (and/or unvarying?) lexeme” is represented by the following utterance:

(3) What kind of *book* do you need?

In Hewson’s terminology, the actual meaning of the word *book* in this setting is a “**potential significate**”. It designates an unlimited concept: it “is like putting a label on a bottle”. The purpose of the potential significate, which expresses the highest degree of abstraction, is to distinguish between categories [Hewson, 1997, p. 107–108]. (Cf. also: You can’t gain your freedom by *hook* or (by) *crook*; Did you go by *bus* or by *car*? I went by *tram*). Such a phrase is feasible because the status of the actual unit-word – a potential significate – corresponds to a context where an abstract aspect of the thing called *book* is in focus. This status is further supported by such an affordance [see also in Linell, 2012, p. 116, 119] as the prepositional phrase “What kind of...”. In it, the noun *kind* refers to such a highly abstract notion as “established order of things”. All these factors provide a clue to zero reference.

As the analysis of the semantics of the noun in discourse is continued, it becomes clear that, in a phrase

(4) Send me a *book* to read,

speaker refers his interlocutor to an **instance** of the potential significate *book*. Hence, the latter is to proceed from the notion of “that is possible or permissible to label *book* -”...because “we have already, implicitly or explicitly, labeled (it) *book*”. Being confronted with a different context – sending a material object – he needs to provide a different affordance to suit it. Since what he needs is an instance of the kind called *book*, the unit-word (*a*) *book* acquires a status of **actual significate**. Hence, speaker “describes” his intention [Hewson, 1997, p. 107] by the following means: (1) the actual significate *book*, (2) an indefinite article *a/an* whose systemic meaning is a fusion of “one” and “introductory” [Hewson, 1972]; (3) a preceding phrase “Send me...” which unmistakably implies dealing with a discrete entity, and (4) relevant macro-context conceivably contributing to the same. More specification lacking, the actual

significate *book* must, by implication, be read as “any one” (*book*). To summarize, what speaker actually does is to point to a concomitance of these factors in the situation at hand.

Conversely, in

(5) Send me the *book* you’ve read,

speaker points to another concomitance. As he starts from the potential significate *book* again and a same shape is about to slip from his lips, speaker realizes that the systemic invariant meaning will be at odds with the situation at hand. To avoid infelicity, he would generate (1) another actual significate *book* plus such affordances as (2) a definite article *the* whose systemic meaning instructs to refer to previous experience – “referential”, or “anaphoric”; (3) the micro-context “Send me...”, or a reference to “having read” *book* (a discrete object) previously; (4) relevant macro-context conceivably contributing to the same. This concomitance of the semiotic factors is signaled to hearer to orient him to compute the intended meaning. Hearer would do exactly the same in both situations (4) and (5) due to the cues received from the affordances of the respective concomitances of the semiotic factors.

To sum up, understanding comes about “in the process of recursive structural coupling that takes place in humans...in a consensual domain of interactions” [Kravchenko, 2012, p. 147]; it “arises as we mesh *wordings* with experience of dealing with objects in a (partly) shared social world” [Cowley, 2012, p. 2]. Besides, the problem of article usage sometimes referred to as “very special” because it involves forms with “special” meanings appears to be solved on an equal footing with regular polysemous words.

Now it is time to focus on the relationships between the components of the (*Det+noun*) complex. It is easy to see that distribution is genetically predetermined by the resonance of a given concept expressed by a word with that of another word or words. Such patterns underlie relevant relationships of objects and phenomena in the real world, on the one hand, and their linguistic descriptions, on the other. Hence, the knowledge of such relationships is an indispensable part of individual worldview of language users. As a result, all words used in normal communication co-occur on the strength of resonating concepts. That is key to the semantics of multitudes of lexical combinations whatever their status may be: their meanings are easily computed by hearers/readers on

the basis of their congruent individual worldview [Kubryakova, 1981, p. 158–163, 176–178] *ad hoc* at the tip of their fingers. Definitely, a similar pattern underlies the (*Det+noun*) structure: as illustrated above: it becomes feasible due to conceptual resonance rather than “outside pressure” exerted by either of them. Nor is there any sign of idiomatity involved in such relationships: they, on the contrary, consistently show regularity. To illustrate by our example sentences, zero reference is joined by potential significates while both articles – by the respective actual ones. Hence, these relationships of the components definitely point to status of free phrases. Anyway, whatever the status suggested by Hewson might be, it does not seem to conform to that of “phrasal verb” on which the concept of “phrasal noun” had been supposedly patterned: phrasal verb is an idiomatic verbal phrase consisting of a verb and adverb or a verb and postposition or prepositions and nouns. Such combinations are usually idiomatic in meaning and should be memorized [usefulenglish.ru].

As far as the structural status of the (*Det+noun*) components is concerned, it may be concluded that, on the one hand, they are definitely discrete: the articles are monemes while meanings of vary from the potential significate to actual ones and so on, back-and-forth. On the other hand, articles and nouns are involved in frequency-based mechanisms of physiological processes. All of them involve tension – a condition, in any part of the body, of being stretched or strained – followed by relaxation. It is exactly what the body responds with when it is exposed to visual and/or audio signals. Cf. “When the body is stressed and orders the adrenal medulla to secrete epinephrine, *a multitude of simultaneous processes occur in different tissues*” (italics are mine – I.A.) [Hoffmeyer, 2010, p. 30]. That means that such processes and their effects, in particular, must be continuous because every tension is followed by relaxation and the process is recycled on and on. It is noteworthy that such pattern conforms to those of circular vacillations of linguistic content in the terms suggested by G. Guillaume: “l’esprit humain engage sa ronde en lui-même” [Guillaume, 1973, p. 268]. Thus, at discourse level, “continue” (universal) references change to “unit” ones (singular) [Hewson, 1972] and so on, back-and-forth.

Coming back to the analysis of the historical evidence, it is possible to extrapolate the linguistic status of the components of

the phrasal noun from the full-fledged system of Modern English articles and lexical polysemy mechanisms.

The deficient system of Old English reference was completed in Middle English when the indefinite article emerged. That must have been due to a growing realization by language community of a need to express references other than zero or definite. Thanks to the faculty of memory, they must have realized that, apart from things in full view, there are **other** objects and phenomena that had or might have had something to do with their bodies. Thus, a wider range of distinctions between the concrete (observable), on the one hand, and the general and abstract, on the other, began to register on their minds. As nouns became more sensitive to content variation capturing still finer differences in reference, two innovations came about. One was the emergence of the article *a/an* to refer to and to introduce “novel” singular or universal objects and phenomena. That, in turn, opened an opportunity for any noun to take initial position in a sentence.

To summarize, our evidence seems to support a point that it is content variation of substantives of the *Det+noun* complex that has predetermined the function of the category of their reference on line all along. This, however, shouldn’t be surprising because it corroborates the Saussurean perception of word as an entity central to language: the plasticity of substantive semantics is indispensable for adaptation to constantly changing environment.

This hypothesis is also supported by an apparent “coincidence”: on the one hand, objects, both real and imaginary, are what humans are actually and constantly concerned with, and this is what accounts for the plasticity of mind; on the other, objects are designated by substantives. This function, however, is counterbalanced by the semantic stability of the English articles which has its roots in the history of Germanic demonstrative pronouns. As a result, such an arrangement provides a potential of balance between the fluidity of substantive semantics, on the one hand, and the rigid discreteness of the articles, on the other.

Our findings may be of interest from a methodological viewpoint too. Since this study was conceived on a general assumption that human nature does not change essentially a lot [see also Maturana, 1970], it is important to check whether our analysis is consistent. Unless apparent fault is detected, the results should be considered

valid, despite vast time gaps of, say, 9–13 centuries, if the latter prove to be congruent with available evidence [Kravchenko, 2009, p. 53], thus, acknowledged as legitimate sources of information. To illustrate, for instance, the findings of our colleagues suggest that the established century-old content variation of English vocabulary has been pivotal in the semiotic relationships of components of lexical combinations [see also Romyantseva, 2012]. This points to the continuity of the core cognitive mechanisms of lexical polysemy shared by the function of the English article system.

References

- Cowley S. J. Cognitive dynamics: language as values realizing activity // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 1–32.
- Guillaume G. Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume, recueil de textes inédits préparé en collaboration sous la direction de R. Valin. Leçon du 29 mai 1958. Québec, 1973. P. 268–276.
- Hewson J. Article and Noun in English. Hague – Paris, 1972.
- Hewson J. The evolution of definite and indefinite articles in English // *Trends in Linguistics. Studies and Monographs* 101, Language History and Linguistic Modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak on his 60th Birthday / Offprint. Berlin – New York, 1997.
- Hoffmeyer J. A biosemiotic approach to health // *Signifying Bodies: Biosemiosis, Interaction and Health*. Braga, 2010. P. 21–41.
- Järvilehto T. The theory of the organism-environment system as a basis of experimental work in psychology. *Ecological Psychology*, 2009. 21, 112–120.
- Kibrik A.A. Non-discrete effects in language, or the critique of pure reason 2. The Fifth International Conference on Cognitive Science: Abstracts. Vol. 1 (Kaliningrad, 18.06.12–24.06.12). Kaliningrad, 2012. P. 81–83.
- Kravchenko A.V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 125–153.
- Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // *Pragmatics and Cognition*. 2009. № 17(3). P. 527–548.
- Kubryakova Ye. S. Types of Linguistic Meanings. The Semantics of Complex Word. Moscow, 1981 (in Russian).
- Linell P. On the Nature of Language: Formal Written-Language-Biased Linguistics vs. Dialogical Language Sciences // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 107–24.
- Lipka L. An Outline in English Lexicology. Tubingen, 1992.
- Maturana H.R. Biology of cognition // *Biological Computer Laboratory Report BCL 9.0*. Urbana, 1970. As reprinted in *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht, 1980. P. 5–58.
- Reiman Ye. A. The English Article. Its Function in Discourse. Leningrad, 1988 (in Russian).
- Romyantseva A.S. Procedures for describing the semantic core and its function of the polysemous adjective *hard* // *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki*. Rostov-on-Don, 2012. №3. P. 136–142 (in Russian).
- Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Publié par Ch. Bally et Alb. Sechehaye avec la collaboration de Alb. Riedinger. Lausanne; Paris, 1916.
- Zlatev J. Meaning = life (+ culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning // *Evolution of Communication*. 2003. № 4(2). P. 1–37.

Электронные источники

Useful English: [сайт]. URL: usefulenglish.ru (дата обращения: 01.06.2014)

Архипов Игорь Константинович (Санкт-Петербург, Россия)

АРТИКЛИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению когнитивного потенциала формирования лексических и грамматических значений существительных в истории английского языка. Показано, что артикли сигнализируют об изменениях структурного статуса содержания многозначных слов. В основе этих процессов лежат механизмы регулярной лексической полисемии.

Ключевые слова: познание, референция, артикль, системное значение, актуальное значение, лексическая полисемия

УДК 81' 38

Ю.П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

СИТУАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ПЕРИОДА ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается влияние ситуации как одной из важных характеристик дискурса на процесс формирования стиля. Исследуется потенциал использования процедуры дискурс анализа для изучения категории художественного стиля, предлагается опыт дискурс анализа текстов средневековой словесности.

Ключевые слова: стиль, текст, дискурс, процессуальность, ситуация, контекст, риторика

Характерный для современного этапа развития науки междисциплинарный подход, с присущим ему синтезом понятий и подходов и, одновременно, их автономностью [Крылова, Матвеева, 1988, с. 65], позволяет уточнить характер связей между стилем, текстом и дискурсом, дать более полные ответы на вопросы об особенностях процессов стилепорождения.

В работах, посвящённых дискурсу и связанным с ним кругу вопросов, приоритетное положение в ряду его основных характеристик отводится процессуальности [Гурочкина, 2005, с. 81; Миловидов, 2000, с. 23; Maingueneau, 2004, р. 32 и другие].

Этот качественный параметр определил обращение исследователей к теории дискурса при анализе художественных текстов.

Процессуальность тесно связана с условиями или ситуацией, в которых она осуществляется и которые определяют характер её протекания [Миловидов, 2000, с. 22].

Ситуация представляет собой некий отрезок реальной действительности, информацию, которую передаёт всякое произведение языка и которая в структурном плане предстаёт как система с отношениями [Транов, 1976, с. 98].

Ситуация помогает более полно описать взаимоотношения текста, стиля и дискурса. Благодаря ситуации, как указывает Е.А. Гончарова, текст и присущий ему стиль превращаются в дискурсивные феномены [Гончарова, 2012, с. 22].

Ситуация включает нелингвистическую и лингвистическую составляющие. Нелингвистическая составляющая (внетекстовые ряды) известна под термином “контекст”, который представляет собой среду, обстоятельства – внетекстовую реальную систему смыслов и метасмыслов, актуальных для дискурсанта [Brown, Yule, 1983, р. 25].

Лингвистическая или текстовая компонента ситуации обозначается термином “ко-текст” (co-text) [Brown, Yule, 1983, р. 469].

Их взаимодействие В.А. Миловидов определяет через дефиницию художественной коммуникации, понимаемой как “процесс, протекающий во времени”, субстратом которого является язык.

Смежную точку зрения высказывает английский лингвист Д. Лайонс, который характеризует отношения текста и контекста как комплементарные, что подразумевает соединение единиц текста друг с другом неким контекстуально соответствующим способом [Lyons, 1981, р. 198].

Стиль всегда являет собой субституцию и отбор, текст – среду, в которой он получает наиболее полное воплощение, будучи в то же самое время результатом “развёртывания и затвердевания дискурса” [Миловидов, 2000, с. 24].

По мере развития теории дискурса расширяется и сфера его применения. Как отмечает М.Л. Макаров, ранее дискурс-анализ оставался за рамками процедур анализа, используемых при изучении текстов, отстоящих от исследователя во времени. Причина тому, очевидно, кроется в господствовавшем на тот момент понимании дискурса как “речи, погружённой в жизнь” [Арутюнова, 1998, с. 137], и как следствие, реконструировать связи текста с живой жизнью не представлялось возможным. В последнее время наблюдается всё большее укрепление тенденции использования методологии дискурс анализа, как и самого термина дискурс, к языковому материалу различной культурно-исторической отнесённости, а также произведениям художественной литературы [Макаров, 2003, с. 88].

Прежде чем обратиться к собственно средневековому материалу, следует рассмотреть вопросы, связанные с процессом формирования стиля – модуса формулирования.

На ситуативность стиля в своих трудах обращает внимание М.Н. Кожина. В основе образования языковой системы (языкового сознания), указывает исследователь, находятся взаимосвязан-

ные элементы, общие принципы их эксплуатации и возможность творческого использования языка.

Влияние ситуации заключается в “настройке” языковой системы соответственно целям, задачам, сфере и ситуации общения “в совокупности с целым комплексом более или менее существенных для коммуникации экстралингвистических факторов для передачи необходимого содержания достижения адресата” [Кожина, 1984, с. 11].

В результате организации коммуникативно-функциональной системности в процессе речеобразования возникает “речевая прибавка” (функциональный прирост качества), которая являет собой функциональную (речевую) системность, принципиально отличную от системы единиц языка (общепринятых понятий языковой системы) именно основанием (принципом) системы.

Процесс функционирования системы единиц языка включает два этапа.

Первый этап представляет собой элементарный уровень, который подразумевает наличие в сознании говорящего системы языковых единиц и основных принципов их использования. Системность такого рода с учётом узуса, традиций употребления, а также целей и задач общения служит основанием для формирования в процессе деятельности функциональной (стилистико-речевой) системности как системности более высокого порядка.

Второй этап – реализация уровня системности языковых единиц одновременно с её перестройкой и построением речевой системности в соответствии с конкретными речевыми задачами. Результатом её является качественный (смысловой) прирост [Кожина, 1984, с. 11].

В качестве примера образования качественного прироста можно рассмотреть фрагмент из ‘The Monk’s Tale’ (‘Рассказ Монаха’) поэмы ‘The Canterbury Tales’, который являет собой рассказ о совершённых в разные годы злодеяниях, изложенный с привлечением феномена антономасии.

В ‘The Monk’s Tale’ повествуется, в частности, об убийстве Педро Жестокого, короля Кастилии и Леона.

De Petro Rege Ispannie

The feeld of snow, with th’egle of blak ther-inne,

Caught with the lemrod, coloured as the glede,

He brew this cursednes and al this sinne.

*The ‘wikked nest’ was werker of this need;
Noght Charles Oliver, that ay took hede
Of trouthe and honour, but of Armorike
Genilon Oliver, coorrupt for mede,
Broghte this worthy king in swich a brike*
[Chaucer, 1995, p. 235–236].

Узуальное значение субстантивной единицы *egle* – “хищная птица”, однако при вхождении в структуру художественного текста в качестве текстослова и элемента метонимии ‘*the feeld of snow, with th’egle of blak ther-inne*’, указанная лексическая единица превращается в аллюзивное ядро, в котором содержится недвусмысленный намёк на имя одного из участников этого преступления.

По описанию гербовой композиции и колористике нетрудно установить, что речь идёт о гербе дворянского дома Дюгекленов, на котором был изображён чёрный орёл на серебряном поле с красной поперечной чертой, часто интерпретируемой как изображение ветки.

По сведениям, содержащимся в историческом контексте, известно, что в преступлении было замешано два бретонских рыцаря: Бертран Дюгеклен и его племянник Оливье [Кашкин, 1988, с. 544].

Имя второго клятвопреступника называется открыто *Oliver*, однако сочетание его с другими именами *Charles* и *Genilon* не даёт читателю усомниться в истинном отношении рассказчика к персонажу.

Все процитированные имена принадлежат героям героического эпоса *chansons de geste* королевского или каролингского цикла о легендарном императоре Шарлемане. В своём отантропонимическом значении имя императора воспринимается как синоним эталона рыцарского вежества, мудрого правителя и отважного воина, имя *Oliver* – верного сподвижника своего сюзерена, а имя *Genilon* – клятвопреступника, преступившего законы рыцарства. Использование имени *Genilon* в качестве эпитета к имени *Oliver* можно рассматривать как контекстный синоним сочетания *noght Charles Oliver*, со значением ‘предатель, презренный убийца’.

Все три имени представляют собой аллюзию на описанную в *chansons de geste* ситуацию, проецируемую на реальные исторические события.

Личные антропонимы как текстослова могут выступать маркерами реального хронотопа. Примером такого антропонима является имя самого короля *Petro* (1334–1369). Об обстоятельствах гибели короля Дж. Чосера, как полагают, поведала его супруга Филиппа, фрейлина герцогини Ланкастерской, дочери убитого короля [Кашкин, 1988, с. 544].

Самый факт обращения Дж. Чосера к подобного рода стилистическим приёмам обусловлен принятой в среде литературного сообщества тех времён ориентацией на творчество авторов, полагавшееся эталонным. Нехудожественные тексты в средневековом стилистическом контексте значительно уступали по количественным параметрам текстам художественным, что было вызвано недостаточной развитостью теоретической мысли. Художественно-стилистическим камертоном выступали произведения художественной словесности представителей итальянского Возрождения.

Исследование процесса порождения художественного стиля сопряжено с учётом множества факторов и параметров, в ряду которых ситуация занимает важное место.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. М., 1998. С. 136–137.

Гончарова Е.А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии. СПб., 2012.

Гурочкина А.Г. Когнитивные и прагматические аспекты языковых единиц в дискурсе. СПб., 2005.

Кашкин И. Примечания // Кентерберийские рассказы. М., 1988. С. 528–558.

Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантической категорией // Структура лингвостилистики и её основные категории: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1984. С. 15–24.

Крылова О.А., Матвеева Т.Ф. Текст как объект стилистики речи, коммуникативного (динамического) и семантического синтаксиса // Методология лингвистики и аспекты изучения языка: сб. науч. тр. М., 1988. С. 65–88.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Миловидов В.А. От семиотики текста к дискурсу. Тверь, 2000.

Транов А.А. О синкретизме предметных и локальных отношений // Проблемы синхронного и диахронного описания романских языков: сб. науч. тр. Пятигорск, 1976. С. 98–129.

Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge – London – New York – New Rochelle – Melbourne – Sydney, 1983.

Chaucer G. The Canterbury Tales. London, 1995.

Lyons J. Language, Meaning and Context. Bungay Suffolk, 1981.

Maingueneau D. Le discours littéraire. Paratopie et scène d'énonciation. Paris, 2004.

Vyshenskaya Yulia Pavlovna (Saint Petersburg, Russia)

SITUATIONAL ASPECT OF THE BELLES-LETTRES STYLE FORMING PROCESS

The article deals with the situation as one of the characteristic features of the discourse phenomenon as well as the role it plays in the belles-lettres style forming process. The procedure of the discourse analysis is regarded as possible to be used to study the category of the belles-lettres style. Some fragment of English medieval texts is analysed from the mentioned point of view.

Keywords: style, text, discourse, processuality, situation, context, rhetorics

УДК 81-112.2

А.Е. Лукина (Санкт-Петербург, Россия)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье изучается морфологическая вариативность глагольных форм в исследованиях по истории французского языка. Рассматриваются подходы к объяснению наличия вариантных форм во французских рукописях: диалектологический и скриптологический.

Ключевые слова: вариативность, морфологическая вариативность, глагольная форма, диалект, скрипта

В истории французского языка неоднократно уделялось внимание изучению вариативности глагольных форм. В фундаментальных исследованиях по истории французского языка таких ученых, как М.А. Бородина, Н.А. Катагощина, В.Ф. Шишмарев, П. Гиро, Г. Зинк, В. Манчак, К. Ньюроп, Ж. Шоран, ученые предлагают различные классификации форм старофранцузского глагола. Их разнообразие связывают с диалектальной раздробленностью средневековой Франции.

Изучая старофранцузские формы глаголов, исследователи, в основном, отталкиваются от общепринятой классификации спряжения в латинском языке (четыре типа спряжения), в основу которой был положен критерий разделения по гласному, предшествующему окончанию инфинитивной формы на *-re*: 1) *amā-re*, 2) *monē-re*, 3) *mittē-re*, *carē-re*, 4) *audī-re*. С учётом фонетических процессов, произошедших в старофранцузском языке, и различных семантических особенностей глаголов, были выделены три типа спряжения. Наиболее многочисленным является I тип спряжения глаголов на *-er* (*-ier*): *porter*. Ко II типу относятся глаголы на *-ir* с инкоативным суффиксом *-iss-* в формах множественного числа презенса и имперфекта: *finir*. III тип спряжения включает глаголы, изолированные и наименее распространенные, имеющие в инфинитиве *-ir*, *-re*, *-eir*, *-oir*: *dormir*, *vendre*, *deveir*.

Традиционная классификация глаголов по типам спряжения не раз подвергалась критике, поскольку множество глаголов не-

возможно отнести ни к одному из выделенных типов. Основным недостатком этой классификации, по мнению В.Ф. Шишмарева, следует считать игнорирование чередования гласных в основе глагола [Шишмарев, 1952].

М.А. Бородина также указывает на роль чередований гласных и согласных в основе глагола как на немаловажное явление в морфологии глагола, в особенности в старофранцузском языке. Так, по ее мнению, вариативность глагольных основ вызвана чередованием гласных, согласных, удлинением глагольной основы, а также слоговыми сокращениями [Бородина, 1965, с. 167]. Итак, М.А. Бородина выделяет следующие чередования гласных в глагольной основе в презенсе индикатива, вызванные перемещением ударения и характерные для старофранцузского языка: 1) *e – a*: (il) *leve – (nous) lavons*; 2) *[je] – [ε:]*: (il) *achieve – (nous) achevons*; 3) *i – [ej]*: (il) *nie – (nous) nejons*; 4) *[ej] – e*: (il) *peise – (nous) pesons*; 5) *eu – ou*: (il) *demeure – (nous) demourons*; 6) *[ou] – o*: *aoure – aorons*; 7) *ue [we] – o*: *cuevre – couvrons (couvrir)*.

Говоря о чередованиях согласных, М.А. Бородина подчеркивает их количественное преимущество по сравнению с чередованиями гласных, а также отмечает необходимость их выделения, способствующее пониманию старофранцузского текста и анализу глагольной структуры. Среди чередований согласных в основах глагола в настоящем времени изъявительного наклонения выделяются: 1) *f – v*: *boif / bevons, bevez, boivent*; 2) *t – d*: *gart / gardes, garde, gardons*; 3) *ш – s [z]*: *cui, cuiz, cuit/ cuisons / cuient*; 4) *ш – v*: *sai / savons, savez, sevent* [там же, с. 173].

Помимо этого, М.А. Бородина обращает внимание на чередования в глагольных формах не только времен настоящего, но и прошедшего планов. При анализе форм перфекта индикатива она приводит несколько примеров с чередованиями гласных в основах: *pendo – rependi, posco – roposci*, указывая на деление глагольных форм на слабые и сильные перфекты. Слабыми формами принято называть формы с ударением на окончании, а сильными – с ударением на основе [там же, с. 168].

В свою очередь, Л.М. Скрелина и Л.А. Становая в своем исследовании дополняют теорию разделения на слабые и сильные перфекты и указывают на определенную роль не только внешней, но и внутренней флексии в спряжении глаголов [Скрелина, Становая, 2001, с. 203]. В связи с этим они выделяют слабые и

сильные перфекты в старофранцузском языке. Слабые перфекты имеют неударную и неизменяемую основу, но отличаются гласной перед окончанием: 1) -а- для глаголов I спряжения (*parlai, parlas, etc.*); 2) -і- для глаголов II и III спряжений (*fini, finis, etc.*); 3) -u- для глаголов III спряжения (*valui, valus, valut, valumes, etc.*). Сильные перфекты включают чередующуюся основу – ударную в 3-х и неударную тоже в 3-х формах, и относятся к III спряжению. Соответственно выделяются следующие перфекты: 1) на -і- (*fis, fesis, fist*); 2) на -s- (*-si*) (*mis, mesimes*); 3) на -u- (*-ui*) (*dui, deus*) [там же, с. 203].

Таким образом, общераспространенная классификация форм спряжения глаголов в старофранцузском языке оказалась неполной и потребовала введения дополнительных критериев, которые в результате нарушили ее стройность. Следовательно, для того, чтобы отразить разветвленность морфологической структуры старофранцузского глагола, необходимо не только учитывать различные чередования гласных и согласных, но и принимать во внимание роль внутренней флексии, которая несет наряду с основой и окончанием определенное грамматическое значение.

Наконец, среди новых работ по истории французского языка, Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой (2001), К. Маркелло-Низья (Marchello-Nizia, 2006) и др. необходимо отметить исследование Кл. Бюридана «Новая грамматика старофранцузского языка» (Buridant Cl., «Grammaire nouvelle de l'ancien français»), в котором ученый, подчеркивая широкий полиморфизм глагольной системы старофранцузского языка, построил свою классификацию морфологических глагольных форм. В свою классификацию он включил, помимо перфекта индикатива, также другие временные глагольные формы [Buridant, 2000, p. 231] (см. табл. 1).

Таблица 1
Сильные и слабые формы старофранцузского глагола

	Bases faibles	Bases fortes
Infinitif	-er, -ir, -oir	-re
Participe passé	participe faible en -é, -i, -u, -t	participe fort en -s ou en -t
Présent	personnes 4, 5	personnes 1, 2, 3, 6
Passé simple	f: personnes 1-6 F: personnes 2, 4, 5	ш personnes 1, 3, 6

Imparfait subjonctif	personnes 1-6	ш
Imparfait indicatif	personnes 1-6	ш
Futur	personnes 1-6	ш
Conditionnel	personnes 1-6	ш

Так, изучая чередования гласных в глагольных основах форм презенса индикатива в старофранцузском языке, Кл. Бюридан значительно увеличил их количество и добавил к имеющимся: 1) [rī] [ēī] / [r]: *amo / aim*; (*clamer, planer*); 2) [ye] / [e]: *levo / lief*; (*achever, abregier*); 3) [yē] / [e]: *venio / vien*; (*criembre, giembre*); 4) [ei] [oi] / [e]: *bibo / boif*; (*abevre, contreer*); 5) [ēī] / [e]: *mino / maing*; (*alener, enfrenner*); 6) [üi] / [oi]: *apui / inf. apoier*; (*aproismier, voidier*); 7) [ou], [œu], [œ] / [o]: *ploro / plour, pleur*; (*aorer, cover, etc.*); 8) [o] / [e]: *corroz / inf. correcier* [там же, p. 238–240].

Классификация Кл. Бюридана отражает сложную морфологическую структуру старофранцузского глагола. Кроме того, изучая каждую временную глагольную форму, Кл. Бюридан подробно разбирает образование ее флексий, анализирует многочисленные чередования в основах глагола, характерные для старофранцузского языка, учитывает роль интерфиксов в формировании той или иной глагольной формы.

Итак, анализ вариантов форм глагола, представленных в старофранцузских рукописях, должен проходить с учетом всей морфологической структуры глагола: основы, внутренней и внешней флексии, которые играют определенную роль при образовании парадигмы спряжения глаголов. В морфологической структуре глагола основа, внутренняя флексия (интерфикс) и окончание (внешняя флексия) следуют одна за другой в определенном порядке и несут (каждая) свое значение. Основа является носителем лексико-грамматического значения, в то время как интерфикс и окончание – грамматического. Внешняя флексия указывает на статус глагольной формы (личная – неличная). В личных формах она выражает лицо, число и частично время индикатива.

Несмотря на вышесказанное, подробное описание морфологических вариантов глагольной формы в старофранцузском языке в исследованиях М.А. Бородиной, В.Ф. Шишмарева, Кл. Бюридана (Buridant) не дает объяснения тому, что собственно понимается под морфологическими вариантами и каковы критерии их выделения, каково их положение в системе старофранцузского

языка, как соотносятся они с нормой старофранцузского языка или узусом скрибов.

Так, причины вариативности глагольных форм в изученных нами работах сводятся к основным фонетическим законам в старофранцузском языке и существованию диалектальных различий. Однако, как отмечает Н.А. Катагощина, выделение диалектов в старофранцузском языке строится, в основном, на общих тенденциях в области фонетики, свойственных определенным группам диалектов, тогда как в области морфологии можно отметить лишь некоторое количество общих черт, свойственных определенным диалектам и отличающих их от других диалектов [Катагощина, 1957, с. 157]. Следовательно, соотношение морфологической вариативности форм глагола в старофранцузских рукописных памятниках с диалектальной раздробленностью средневековой Франции неправомерно.

На наш взгляд, проблема изучения вариативности и выделения грамматического варианта разработана более основательно и глубоко на материале русского языка. Так, Л.К. Граудина под грамматическими вариантами понимает функционально тождественные грамматические единицы, отличающиеся несовпадением грамматической формы, т. е. речь идет о разновидностях грамматической формы слов, характеризующихся тождеством грамматической функции и различием звукового состава грамматического элемента слов [Граудина, 1980, с. 120]. По ее мнению, грамматические варианты должны отвечать следующим требованиям: 1) критерию грамматической системности; 2) функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов; 3) однородности сравниваемых грамматических структур; 4) регулярной взаимозаменяемости.

Л.М. Скредина уже на материале французского языка определяет вариантность форм как одну из особенностей языкового развития. Первопричиной языковых изменений и языковой эволюции, по ее мнению, является необходимость выражения нового содержания в связи с появлением нового понятия, а также необходимость в более экспрессивном выражении, в уточнении или дифференциации значений. Л.М. Скредина заключает, что появление новой языковой формы, исчезновение старой в языковой эволюции связаны с нуждами коммуникации [Скредина, 1973, с. 139–142].

Широкое распространение морфологических вариантов среди глаголов, как отмечает Л.М. Скредина, объясняется тем, что в языке постоянно происходит поиск наилучшего соответствия между значением и знаком. Морфологические варианты представляют собой пример языкового варьирования, при котором раскрываются возможные расхождения между сторонами означающей и означаемой языковой единицы. Однако это не вызывает недопонимания среди говорящих, поскольку единство языка обеспечивается инвариантной системой глубинного уровня, т. е. уровня означаемых. Согласно Л.М. Скрединой, морфологические варианты представляют собой синонимичные грамматические формы, в которых равнозначны все части морфологической структуры слова – и основа, и окончание.

Мы опираемся на определения морфологических вариантов Л.М. Скрединой и Л.К. Граудиной и понимаем под ними функционально тождественные грамматические единицы, в которых все части морфологической структуры – основа и окончание – равнозначны. Кроме того, выделяем следующие критерии определения морфологических вариантов: 1) грамматическая системность; 2) равнозначность морфологической структуры; 3) функциональная эквивалентность.

Анализ рукописей фаблио XIII–XIV вв. показал, что старофранцузский глагол отличается разнообразием в формах словоизменения, в которых используется в большинстве случаев внутренняя флексия (чередование основ). Так, один из характерных примеров морфологических вариантов, встретившихся нам в списках фаблио, является чередование форм 3-го л. мн. ч. глагола *estre* в презенсе индикатива *sunt / sont*. Данные формы мы рассматриваем как морфологические, поскольку перед нами две разные по фонемному и графемному составу словоформы, при этом мы наблюдаем их морфологическую равнозначность: основа *s-* как носитель лексико-грамматического значения и окончания *-unt/ -ont*, выражающие грамматическое значение. Функционально эти две формы (латинская и старофранцузская) тождественны, так как употребляются для передачи действия, осуществляемого в плане настоящего, или в качестве вспомогательного глагола в составе сложного прошедшего. Так, например, в параллельных контекстах (сходные по содержанию, но различающиеся по языковому оформлению контексты списков

одного фаблио) фаблио «Горожанка из Орлеана» (De la bourgeoisie d'Orléans), зафиксированном в трех рукописях: P., B. N., f. fr. 837 (A), Berlin, Hamilton 257 (C), Berne, Bibl. de la Bourgeoisie 354 (B), мы встретили такое чередование глагола *venir* в 3-м л. мн. ч. сложного прошедшего:

Quand passé fu tot li vergier, *Tost ont trespasé le vergier*
Droit en la chambre sunt venu... (C) *Tant qu'en la chambre sont venu... (A)*

Tot ont trespasé lo vergier
Et sont en la chanbre venu... (B)

Чем может быть вызвано данное колебание форм? Мы находим этому объяснение в скриптологии. Данное фаблио представлено франсийской (A), нормандской (C) и пикардской (B) рукописями. Латинская форма *sunt* встречается в нормандской рукописи (C). Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что в ходе изучения остальных списков фаблио мы выявили характерное использование латинской формы *sunt* лишь в нормандских и англо-нормандских рукописях, при этом ни в одной из проанализированных нами нормандских и англо-нормандских рукописей мы не встретили старофранцузской формы *sont*. К тому же, отметим, что для англо-нормандских рукописей данное написание глагола *estre (sunt)* может быть также обусловлено графическими особенностями англо-нормандской скрипты, заключающимися в обозначении закрытого [o] через [u], например, *dulur / douleur*.

Так, в другом фаблио, представленном в четырех рукописях: P., B. N., f. fr. 837 (A), Berlin, Hamilton 257 (C), P., B.N., f.fr. 25545 (I), Londres, British Museum, Harley 2253 (M), мы обнаруживаем следующие примеры:

1) *sunt encorsé (C, 1) / sont encorsé (A, 1); 2) sunt (C, 7) / sont (A, 7) ; 3) se sunt vestues (C, 166) / se sont lués vestues (A, 166) / s'en sont vestues (I, 160) ; 4) se vont esbanoiant (A, 331) / ens entra (I, 323) / sunt descenduz (M, 153) ; 5) entre (A, 332) / se leva (I, 324) / sunt reçuz (M, 154).*

Латинскую форму *sunt* мы снова встречаем в нормандской рукописи (C) и англо-нормандской (M), наряду с этим в других рукописях франсийской (A) и пикардской (I) регулярно используется французская форма *sont*. Данное наблюдение свидетель-

ствует об определенной нормативной установке, ориентации нормандских и англо-нормандских сcribes, которые намеренно и регулярно избирали латинскую форму *sunt*, тем самым словно искусственно архаизировали старофранцузский язык.

Итак, основываясь на критериях выделения морфологических вариантов, в ходе анализа списков фаблио, мы приходим к выводу, что не все традиционно выделяемые морфологические варианты следует считать входящими в грамматическую систему старофранцузского языка, поскольку в текстах фаблио они нерегулярно взаимозаменяют друг друга.

С другой стороны, использование определенных морфологических вариантов в соответствующих скриптах и рукописях свидетельствует о характерном влиянии на сcribe при переписывании той или иной рукописи не только системы старофранцузского языка, но и языковых норм, установившихся в региональных письменных традициях, а также появление этимологических, архаичных форм следует связывать с особенностями узуса того или иного сcribe.

Таким образом, причины появления морфологических вариантов глаголов в рукописных вариантах фаблио обусловлены в первую очередь позицией сcribe (субъекта), который избирал определенный морфологический вариант глагола сообразно различным установкам: 1) основываясь на своем знании языка (система языка); 2) ориентируясь на нормы в употреблении морфологических вариантов глаголов, присущих определенной скрипте (намеренная архаизация текста); 3) учитывая свой личный диалектный узус.

Список литературы

Бородина М.А. Историческая морфология: (от синтеза к анализу). М., 1965.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. М., 1980.

Катагощина Н.А. К проблеме классификации старофранцузских диалектов // Учен. зап. / МГПИИЯ. 1957. Т. 11. С. 149–166.

Скрелина Л.М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронических исследований). Минск, 1973.

Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М., 2001.

Шишмарев В.Ф. Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952.

Buridant, Cl. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Strasbourg, 2000.

Marchello-Nizia Ch. Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles, 2006.

Lukina Anna Yevgenjevna (Saint Petersburg, Russia)

MORPHOLOGICAL VARIATION OF VERBAL FORMS IN WORKS OF HISTORY OF FRENCH LANGUAGE

The article examines morphological variation of verbal forms in the works on history of French language. The dialectological and scriptological approaches are considered to explain the variant forms existence in French manuscripts.

Keywords: variation, morphological variation, verbal forms, dialect, scriptae

УДК 81'282

Н.Ю. Бессонов (Донецк, Украина)

СЕМАНТИКА АНАЛИТИЧЕСКОГО КАУЗАТИВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛА TO GET)

В статье представлены результаты анализа семантических особенностей аналитических каузативных конструкций с глаголом-связкой *to get*. Установлены семантические типы исследуемых конструкций, описаны средства выражения компонентов каузативных конструкций.

Ключевые слова: каузативный глагол, каузативная конструкция, семантический тип

Статья посвящена выявлению и описанию семантических особенностей аналитического каузатива в английском языке. Глагольная каузативная семантика изучается лингвистами с 60-х годов XX века и рассматривается, в основном, в рамках морфологического каузатива, аналитического каузатива или каузативных конструкций, в которых не всегда глагол имеет каузативную семантику [Недялков, Сильницкий, 1969; Сильницкий, 1974; Холодович, 1969; Храковский, 1981; Comrie, 1985; Talmy 1987].

Под каузативными глаголами понимают глаголы широкой семантики, которые выражают каузацию (обусловленность) субъектом определенного действия / состояния объекта [Недялков, Сильницкий, 1969], например: *shorten* (каузировать быть короче). В данной статье рассматривается один из типов каузативных глаголов – каузативный глагол-связка. Каузативный глагол-связка не выражает конкретного действия и соединяет между собой ситуацию-причину и ситуацию-следствие.

Под каузативной конструкцией (КК) понимается любая конструкция, выражающая каузативную ситуацию. Каузативная макроситуация (далее КС) предполагает наличие двух микроситуаций: каузирующей ситуации (антецедента), каузируемой ситуации (консеквента), а также отношения каузации, т.е. отношения, связывающего каузирующую и каузируемую ситуации [Недялков, Сильницкий, 1969]. В состав антецедента вхо-

дят субъект каузирующего состояния (предмет антецедента, r_1) и каузирующее состояние (s_1), а в состав консеквента – субъект каузируемого состояния, пациенс (предмет консеквента, r_2), и каузируемое состояние (s_2). Антецедент и консеквент связаны отношением каузации k , являющимся константным компонентом КС. Например: *...his voice gets me tired...* ‘...его голос утомляет меня...’. Как очевидно из примера, агенс антецедента (r_1) выражен местоимением *his* ‘его’, каузирующее состояние (s_1) – существительным *voice* ‘голос’, пациенс, предмет консеквента (r_2) – местоимением *me* ‘меня’, каузируемое состояние (s_2) – Participle II *tired* ‘утомленный’. Центральным элементом КК является каузативный глагол, в данном случае *get* в форме *got* ‘заставлять’, связывающий каузирующую и каузируемую ситуации. Глагольная каузативная связка является и семантическим, и грамматическим ядром каузативной конструкции (далее КК).

Говоря о каузативных конструкциях, следует отметить, что в теории каузатива существует три его типа (или типа КК) [Недялков, Сильницкий, 1969]: лексический (предполагает оппозицию каузатив-некаузатив, которая выражается с помощью разнокоренных морфем, например: *die – kill*); морфологический (предполагает образование каузативных глаголов путем присоединения каузативных морфем или другим грамматическим способом, как, например, аблаут: e.g. *lie – lay*); аналитический (предполагает наличие определенных аналитических конструкций, включающих в себя каузативный связочный глагол + обычный глагол). В данной статье материалом исследования послужили конструкции с каузативным глаголом связкой *to get*, являющиеся примером аналитического каузатива.

Глагол *to get* неоднократно становился объектом различных исследований (см., например, [Лещинский, 2003 и др.]), поскольку этот глагол играет очень важную роль в системе английского языка. По данным Д. Байбера, употребление этого глагола составляет 3400 случаев на 1000000 слов, а среди 12 наиболее употребительных глаголов современного английского языка глагол *to get* находится на втором месте: *say, get, go, know, think, see, make, come, take, want, give, mean* [цит. по Лещинский, 2003, с. 1]. Это объясняется тем, что исследуемый глагол относится к словам широкой семантики и характеризуется высокой степенью лексической абстракции. К.А. Горшкова отмечает, что этот гла-

гол имеет широкое сигнификативное значение способное включать в свой смысловой объем любое лексическое значение любого слова, принадлежащего тому же морфологическому классу [Горшкова, 1973]. По мнению С.А. Лещинского, инвариантным значением *to get* является значение «изменение состояния» [Лещинский, 2003]. Отдельные аспекты функционирования глагола *to get* рассматривались в работах М.Я. Блоха, Т.А. Барабаш, Г. Воронцовой, А. Кулдашева, Р. Bennett, Р. Carr, Н. Löffler. Однако отсутствуют исследования, в которых глагол *to get* рассматривается как каузативная связка в комплексе с другими глаголами аналогичной семантики.

В Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE) каузативная сема зафиксирована в таких значениях глагола *get*:

15. make smth move – to make something or someone move to a different place or position, especially with some difficulty ‘заставить что-либо / кого-либо передвинуться в другое место или на другую позицию, особенно с трудностями’: *I couldn't get the disk out of the computer*

18. make sb/sth become sth – to make someone or something change to a feeling, situation, or state ‘заставить к-л / ч-л стать ч-л – заставить к-л испытывать другое чувство, изменить обстановку, состояние’: *Sometimes she gets me so angry.*

20. make sth happen to sb/sth – to accidentally make someone or something experience something ‘заставить ч-л иметь место, произойти – случайно заставить к-л / ч-л испытать ч-л’: *You are going to get us killed!*

21. make sth do sth – to make something do a particular thing ‘заставить ч-л делать ч-л – заставить ч-л совершать определенное действие’: *get sth to do sth. I couldn't get the engine to start.*

22. make sb do sth – to persuade or force someone to do something ‘заставить к-л делать ч-л – убедить или вынудить к-л делать ч-л’: *get sb to do sth. I'll get Terry to check the wiring for me* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2000].

Семантическая классификация КК с глаголом *to get* включает 4 типа (см. таблицу 1).

КК первого типа насчитывают 72 КК (48%). Их значение можно описать следующей формулой толкования (ФТ) «Субъект S совершает действие V, в результате которого изменяется состояние, ситуация, местоположение объекта O», например: *Old*

Таблица 1

Семантическая классификация КК с каузативным глаголом *get*

№	Тип КК	Кол-во	%
1	Субъект S совершает действие V, в результате которого изменяется состояние, ситуация, местоположение адресата Adr	72	48
2	Субъект S каузирует объект O выполнить действие V независимо от желания объекта O	52	34,7
3	Действие V каузирует у объекта O состояние Cond	15	10
4	Субъект S каузирует у объекта O состояние Cond	11	7,3
	<i>Всего</i>	150	100

Mrs. Fairfield, in a lilac cotton dress and a black hat tied under the chin, gathered her little brood and got them ready [Mansfield, 2003, p. 265] (Старая миссис Фэафилд в сиреневом хлопчатобумажном платье и завязанной под подбородком черной шляпке собрала свой маленький выводок и приготовила их). В данном примере субъект S, выраженный именем собственным *Mrs. Fairfield* ‘миссис Фэафилд’, совершает действие V, выраженное каузативным глаголом-связкой в форме прошедшего времени *got*, в результате которого изменяется состояние (выраженное прилагательным *ready* ‘готовый’) объекта, выраженного местоимением *them* ‘они’.

Второй тип представлен 52 КК (34,7%), имеющими значение, которое можно представить в виде ФТ «Субъект S каузирует адресат Adr выполнить действие V независимо от желания адресата Adr», например: “*Every week she wrote for him a sort of diary of her inner life, in her own French. He had found this was the only way to get her to do compositions*” [Lawrence, 2003, p. 374] (Каждую неделю она писала ему нечто вроде дневника, в котором описывала свои мысли на французском языке. Он сдел, что это был единственный способ заставить ее писать сочинения). Указанный пример отображает ситуацию, в которой субъект S, выраженный местоимением *he* ‘он’, каузирует адресат, представленный местоимением *her* ‘ее’, выполнить действие V, выраженное инфинитивным оборотом *to do compositions* ‘писать сочинения’ независимо от желания адресата.

Третий тип представлен 15 КК (10%) со значением, которое можно описать ФТ «Действие V каузирует у объекта O состояние Cond», например: ... «*Goodness me!*», *exclaimed one girl, laughing. «How I do but get criticised.» said Fanny.* [Lawrence, 2003, p. 202] («... Боже мой!» – воскликнула одна девушка, смеясь. «Как же я могу не быть не подвергнутой критике,» – сказала Фанни). Данный пример отображает ситуацию, в которой действие V, выраженное имплицитно, каузирует объект O, представленный местоимением *I* ‘я’, находиться в состоянии, выраженном глаголом *criticise* ‘критиковать’ в форме Participle II.

Четвертый тип также представлен 11 КК (7,3%) со значением, которое можно описать ФТ «Субъект S каузирует у объекта O состояние Cond». В КК, относящихся к данному типу, S является имплицитным, например: *She could never face the Science Mistress or the girls after it got known. She would have to disappear somewhere.* [Mansfield, 2003, p. 219] (Она никогда не сможет предстать перед учительницей естествознания и девочками после того, как это стало известным. Ей придется куда-то исчезнуть). Данный пример отображает ситуацию, в которой субъект S, выраженный имплицитно, каузирует объект O, представленный местоимением *it* ‘это’, находиться в состоянии, выраженном Participle II глагола *know* ‘знать’.

Как показал анализ языкового материала, среди конструкций с каузативным глаголом *to get* в английском языке преобладают конструкции эллиптического типа. Они составляют 88% от общего количества рассматриваемых примеров. Неэллиптические конструкции составляют 12% от общего количества анализируемых примеров в английском языке. В примере *you'd better get some of your back work done, then.* (тебе бы тогда лучше было довести залежавшуюся работу до конца) [Lawrence, 2003, p. 104] очевидно наличие всех компонентов каузативной конструкции. В примере *...and she was always anxious to get a good husband for every pretty girl.* (...и она всегда была озабочена тем, как бы раздобыть хорошего мужа для каждой симпатичной девушки) [Austen, 2003, p. 36] эксплицитными являются такие компоненты КС, как r_1 антецедента (*she*), k , выраженный глаголом-связкой *get*, и консеквент, состоящий из r_2 , выраженного именем нарицательным *husband*.

КК с *to get* могут быть эллиптическими в таких случаях:

1) при отсутствии каузирующего состояния (51% от всех примеров): *He helped his mother to get the tea ready.* (Он помог своей матери приготовить чай) [Lawrence, 2003, p. 191].

2) при отсутствии субъекта каузирующей ситуации (1% от всех примеров): «*Well,*» *he said, «get that French and we'll do some – some Verlaine.»* (Ну что, – сказал он, – достаньте этого француза и мы устроим что-нибудь в духе Верлена.) [Lawrence, 2003, p. 188-189].

3) при отсутствии пациенса (49% от всех примеров): *...and I asked her if she'd rather I ... didn't get married.* (...и я спросил ее, не против ли она, если я...не женюсь) [Mansfield, 2003, p. 329].

4) при отсутствии каузируемого состояния (20% от всех примеров): *...and Harry and I (his name was Harry) got them quarrelling* (...и Гарри и я (его имя было Гарри) вынудили их спорить) [Mansfield, 2003, p. 379].

Когда из контекста можно восстановить неназванные компоненты КК, то мы имеем дело с проявлениями эксплицитности / имплицитности, которые не следует смешивать с эллиптичностью / неэллиптичностью.

По критерию эксплицитности / имплицитности КК с *to get* являются преимущественно эксплицитными (98% от общего количества примеров). В имплицитных КК с *to get* (2%) чаще всего неизвестен консеквент, как в вышеупомянутом примере: *...and I asked her if she'd rather I ... didn't get married.* [Mansfield, 2003, p. 329].

Как показал анализ, r_1 является факультативным компонентом КК и чаще всего может выражаться местоимением или именем существительным, как собственным, так и нарицательным. Местоимение является самым продуктивным средством выражения r_1 в КК с *to get*: «*Hold on to me, Leila; you'll get lost,*» *said Laura.* (Держись меня, Лэйла, ты потеряешься, – сказала Лаура) [Mansfield, 2003, p. 337].

Также частотным средством выражения r_1 являются имена существительные (нарицательные и собственные), причем чаще нарицательные. При этом Агенса r_2 преимущественно выражен местоимениями (44,7%) и нарицательными существительными (33%), например:

His mother wished to interest him in political concerns, to get him into parliament. (Его мама хотела заинтересовать его полити-

ческими проблемами, чтобы посадить его в парламент) [Austen, 2003, p. 15–16].

В большинстве примеров КК с *to get* каузирующее состояние антецедента не выражено (51%). Наиболее частотным средством выражения каузирующего состояния антецедента в КК с *to get* являются глаголы (48%). Наиболее распространенными среди них являются глаголы желания (*wish, want*): *If he wants to stop and get them drunk, why don't you let him?* (Если он хочет остановиться и напоить их, то почему бы ему не позволить этого?) [Lawrence, 2003, p. 61].

Каузируемое состояние выражено в КК с *to get* в 20% случаев. Самым продуктивным средством выражения каузируемого состояния в КК с *to get* в отличие от КК с *to let* является имя прилагательное: «*There's lots of things buried in the sand,*» *explained Pip.* «*They get them chucked up from wrecks. Treasure.*» (Много вещей погребено в песке, – объяснил Пип. – Они вылавливают их из обломков. Драгоценности.) [Mansfield, 2003, p. 215].

Таким образом, можно сделать вывод о продуктивности глагола *to get* как связочного глагола в каузативных конструкциях английского языка. Примеры каузативных конструкций с *to get* свидетельствуют о расширении словарного объема каузативных значений глагола за счет контекста.

Список литературы

Горшкова К.А. Имя существительное широкой семантики thing в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1973.

Лещинський С.О. Значення та вживання дієслова to get у сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2003.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 20–50.

Сильницкий Г.Г. Глагольная валентность и залог // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.

Холодович А.А. Морфологический и лексический каузативы в японском языке // Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив). Л., 1969. С. 270–293.

Храковский В.С. Семантика и синтаксис конструкций с предикативными актантами. Л., 1981.

Austen J. Sense and Sensibility. Режим доступа: Р.3. Digitale Bibliothek Band 59. In: English and American Literature. English and American Literature / CD-ROM. The DIRECTMEDIA GmbH. Berlin, 2003. МоскваДиректМедиа Паблицинг, 2003.

Comrie B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Language Typology and Linguistic Description. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985. P. 309–348.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1998. (OALD)

Lawrence D.H. Sons and Lovers. Режим доступа: Р.3. Digitale Bibliothek Band 59. / In: English and American Literature. English and American Literature / CD-ROM. The DIRECTMEDIA GmbH. Berlin, 2003. МоскваДиректМедиа Паблицинг, 2003.

Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd edition. Harlow, 2000. (LDCE)

Mansfield K. The Garden-Party. Режим доступа: Р.3. Digitale Bibliothek Band 59. In: English and American Literature. English and American Literature / CD-ROM. The DIRECTMEDIA GmbH. Berlin, 2003. МоскваДиректМедиа Паблицинг, 2003.

Talmy L. Lexicalization patterns: Typologies and universals. Berkley Cognitive Science Report. Vol. 47. 1987.

Byessonov Nikita Yurievich (Donetsk, Ukraine)

SEMANTICS OF ANALYTICAL CAUSATIVE IN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF THE VERB TO GET)

The article deals with the semantic peculiarities of analytical causative constructions with the linking verb *to get*. Semantic types of the constructions under analysis are identified. Means of expressing the components of causative constructions are described.

Keywords: causative verb, causative construction, semantic type

УДК 803.0-541

Т.М. Большакова (Санкт-Петербург, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ОФОРМЛЕНИИ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые подходы к проблеме взаимодействия ряда функционально-семантических категорий – побудительности, категоричности/некатегоричности, интенсивности – в процессе экспликации побуждения и описываются языковые единицы, способные модифицировать побудительное высказывание.

Ключевые слова: побудительное высказывание, функционально-семантическое поле, категоричность, некатегоричность, интенсификация

Основная нагрузка при вербализации различных видов побудительных намерений лежит, безусловно, на языковых средствах из арсенала функционально-семантической категории (ФСК) побудительности. Однако в процессе создания адресантом необходимого прагматического эффекта побудительного высказывания, с одной стороны, и в процессе декодирования данного высказывания адресатом, с другой, важную роль играет взаимодействие функционально-семантического поля (ФСП) побудительности и конститuentов других полей, участвующих в формировании побудительного контекста или выступающих в роли модификаторов побудительного значения.

Обобщая известные нам подходы к данной проблеме, мы выделяем три основных направления взаимодействия языковых единиц – конститuentов ФСП побудительности – и языковых средств других ФСК, способных в силу своей семантики участвовать в экспликации тех или иных видов побудительной интенции пишущего или говорящего субъекта. Это –

- придание высказыванию категоричности или усиление категоричности побудительного высказывания (ФСК категоричности/некатегоричности, микрополе категоричности);
- блокировка или смягчение категоричности побудительного высказывания (ФСК категоричности/некатегоричности, микрополе некатегоричности);

• интенсификация (или акцентуация) побудительного значения (ФСЖ интенсивности).

Категоричность/некатегоричность высказывания можно рассматривать как одну из форм проявления субъективной модальности и описывать как ФСЖ с полевым принципом организации соответствующих языковых средств. В данном поле выделяются центральные и периферийные средства двух подполей – категоричности и некатегоричности. Система средств выражения субъективной модальности включает в себя модальные модификаторы категоричности/ некатегоричности высказывания, которые представлены разноуровневыми языковыми средствами – от лексических до супрасинтаксических [Харченко, Глушкова, 1990, с. 116].

Категоричность/некатегоричность можно толковать также как модально-прагматическое свойство высказываний, направленное соответственно на придание высказыванию уверенного, безусловного характера, допускающего единственную интерпретацию речевого акта, или, наоборот, служащего цели ослабления, преуменьшения воздействия на адресата отрицательных компонентов сообщения [Папанова, 1998, с. 361].

Попутно следует отметить, что ряд языковых единиц из состава ФСЖ побудительности в немецком языке (например, причастие II, кондиционалис I) реализует категоричность/некатегоричность как компонент собственной семантической структуры.

В немецком языке существует корпус средств, активно используемых говорящими/пишущими субъектами в процессе порождения побудительных контекстов с целью придания им категоричности или для смягчения побудительной интенции. К таким средствам относятся обращения, частицы, модальные слова, местоимения, наречия, междометия [Ярушкина, 1986; Кривуля, 1994, с. 12; Flämig, 1991, S. 216 и другие].

На основании анализа различных классификаций языковых единиц, способных выступать в роли модальных модификаторов побудительного значения как в прямых, так и в косвенных побудительных высказываниях, мы можем в общем виде определить инвентарь разноуровневых средств немецкого языка, используемых адресантами в процессе вербализации соответствующих интенций. При этом мы учитывали также результаты исследований, проводившихся на материале других языков – например,

русского [Брызгунова, 1988], английского [Биренбаум, 1990], французского [Бунтман, 1990, с. 47].

К модальным модификаторам (операторам) категоричности, переключающим тональность побуждения с нейтральной на категорическую или усиливающим категоричность иллокутивной цели, мы относим, в частности:

• именной предикативный повтор (*Befehl ist Befehl*) в роли усилительной функции директивного высказывания [Гаршина, 1986, с. 31];

• темпоральные наречия со значением мгновенности, сиюминутности, указывающие на необходимость незамедлительного исполнения действия: *jetzt, sofort, unverzüglich, gleich, geschwind* [Брызгунова, 1988; Ярушкина, 1986, с. 51; Rehbock, 1992, S. 163];

• темпоральное наречие *endlich*, содержащее указание на отрицательную оценку говорящим действия, которое, по мнению адресанта, должно быть прекращено [Ярушкина, 1986, с. 50–51];

• модальное слово *wohl* в роли усилительной частицы [там же: 50];

• модальные наречия с ограничительно-усилительной семантикой *mindestens, wenigstens*, выражающие гнев, раздражение, недовольство [там же];

• единицу речевого этикета *gefälligst*, использующуюся для выражения категоричности требования [Sommerfeldt, 1996, S. 33];

• обращения в том случае, если они содержат отрицательную оценку адресата [Бунтман, 1990, с. 47].

В роли модальных модификаторов некатегоричности, превращающих категоричное высказывание в нейтральное или смягчающих категоричность речевого акта, в немецком языке выступают обращения, этикетная частица *bitte* [см., например: Ярушкина, 1986, с. 48; Hentschel, 1990, S. 116]; модальные слова с семантикой неопределенности *vielleicht, einmal* [Ярушкина, 1986, с. 49]; формулы благодарности *Danke, Vielen Dank, Danke schön*.

Здесь следует обратить внимание на особую роль этикетной частицы *bitte* не только в экспликации смягченного побуждения, но и в процессе актуализации побудительной семантики, которая представляется необходимой в том случае, если поверхностная структура высказывания не является достаточной для выясне-

ния коммуникативных намерений адресанта. *Bitte* выступает в таких случаях в роли иллокутивного индикатора, способного указывать на интенцию отправителя побудительного импульса, реализующегося, например, в виде структурно вопросительных предложений: „*Würden Sie mich bitte aus dem Haus lassen?*“ [Ярушкина, 1986, с. 47 – 48].

На исключительную роль *bitte* в уточнении пропозициональной установки высказывания или в сообщении ему совершенно нового пропозиционального содержания указывает и Г. Альтманн. Подтверждая свою мысль, автор приводит в пример повествовательное и вопросительное предложения, семантическая структура которых усложняется в сторону выражения побудительности введением частицы *bitte*: 1) *Du lässt bitte das Buch da.* 2) *Lässt du bitte das Buch da?* [Altmann, 1987, S. 49].

Наряду с модификацией побудительного высказывания необходимо рассмотреть и такой процесс, как интенсификация прагматического эффекта побуждения. Под интенсификацией понимается акцентирование элемента содержания с целью усиления его значимости [Кутейш в: Белоглазова, 2001, с. 297], а интенсивность рассматривается как категория, объединяющая вербальные (специальные слова-интенсификаторы, повторы) и невербальные (графические приемы) средства [Кривуля, 1994; Волошина, 1991].

Так, В.О. Кривуля, отмечая роль категории интенсивности в процессе акцентуации значения директивности в немецких научно-технических текстах, называет среди способов акцентуации побудительных конструкций различные лексические интенсификаторы и модальные слова, модальные частицы, наречия временного и модального характера, локальные уточнения [Кривуля, 1994, с. 12].

К лексическим средствам интенсификации (акцентуации) наиболее значимых элементов высказывания в немецком языке следует, безусловно, отнести и так называемые «фокусные частицы», которые в силу своей семантики способны образовывать с выделяемым ими членом предложения «фокус» высказывания: *allein, auch, ausgerechnet, bereits, besonders, erst, genau, insbesondere, nur* и другие [Hentschel, 1990, S. 291].

Подводя итог, необходимо отметить, что детальное исследование проблемы взаимодействия ФСК побудительности с вышеле-

речисленными категориями имеет большое значение для конкретизации наших представлений о дифференцированном характере побудительных высказываний.

Список литературы

Белоглазова Е.В. Категориальное своеобразие текстов детской художественной литературы // *Studia Linguistica*. Вып. 10. Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. С. 296–303.

Биренбаум Е.Г. Пересечение поля повелительности и пространства вводности // *Функционально-типологические аспекты анализа императива*. Ч. 1. Грамматика и типология повелительных предложений. ИЯ АН СССР. М., 1990. С. 126–130.

Брызгунова Е.А. Императивные высказывания в устной речи // *Императив в разноструктурных языках: тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность»*. Л., 1988. С. 29–31.

Бунтман Н.В. Прагматическая природа побудительных высказываний (на примере памфлета) // *Функционально-типологические аспекты анализа императива*. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990. С. 43–49.

Волошина Е.В. Средства выражения категоричности констатива в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991.

Гаршина Т.А. Функции именных предикативных повторов в речи // *Вопросы функциональной грамматики немецкого языка: межвуз. сб.* Л., 1986. С. 29–34.

Кривуля В.О. Засоби виразу директивності в німецькому науково-технічному тексті. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одеса, 1994.

Папанова Л.В. Смягчение категоричности констатива как способ создания неконфликтного общения // *Studia Linguistica*. Вып. 7. Языковая картина мира в зеркале семантики, прагматики и перевода. СПб., 1998. С. 359–363.

Харченко Н.П., Глушкова К.А. Модальные модификаторы некатегоричности высказывания в языке науки (на материале русского и английского языков) // *Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности: тезисы докладов конференции*. Иркутск, 1990. С. 116.

Ярушкіна Т.С. Актуализаторы побудительного значения структурно-вопросительных предложений // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка: межвуз. сб. Л., 1986. С. 47–52.

Altmann H. Zur Problematik der Konstitution von Satzmodi als Formtypen. In: Satzmodus zwischen Grammatik und Pragmatik. Heidelberg, 1986. Tübingen, 1987. S. 22–56.

Flämig W. Grammatik des Deutschen: Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin, 1991.

Hentschel E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York, 1990.

Rehbock H. Deklarativsatzmodus, rhetische Modi und Illokutionen. In: Satz und Illokution. Bd. 1. Tübingen, 1992. S. 91–172.

Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Langenscheidt. Berlin, München, Leipzig, 1996.

Bolshakova Tatiana Mikhailovna (Saint Petersburg, Russia)

THE INTERPLAY OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES IN THE EXPLICATION OF DIRECTIVES IN GERMAN LANGUAGE

The author explores some approaches to the relationship between some functional-semantic categories (imperative, overstatement/understatement, intensity) in the explication of directives. The verbal units capable of modifying the directive are also described.

Keywords: functional-semantic category, functional-semantic field, directive, overstatement, understatement, intensity

УДК 811.111'373

С.Г. Вишнякова (Донецк, Украина)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАЙНЕЙ МЕРЫ СТЕПЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности фразеологических единиц со значением крайней меры степени. Согласно структурной классификации И.В. Арнольд, проанализированные фразеологизмы относятся к адвербиальному, адъективному, субстантивному и глагольному типам. Отмечается, что в ходе анализа не были выявлены междометные фразеологизмы с указанным значением. В статье также рассматриваются семантические группы фразеологизмов с имплицитным и эксплицитным сравнением, с компонентами-маркерами 'all', 'whole', 'very', и фразеологизмы, содержащие антонимические пары, указывающие на предельное значение признака.

Ключевые слова: фразеология, семантическая категория градации, фразеологизмы со значением крайней меры степени

Проблема семантики фразеологических единиц остается одной из самых дискуссионных в современном языкознании. Начиная с середины XX-го века, изучением семантики фразеологических единиц занимались такие отечественные и зарубежные ученые как: И.В. Арнольд, А.В. Кунин, В.В. Виноградов, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, В. Altenberg, М. Everaert, U. Weinreich, W. O'Grady и др. На современном этапе развития языкознания фразеологические единицы становятся предметом исследования в рамках новых лингвистических парадигм, что обуславливает неизменную актуальность изучения способов репрезентации различных семантических категорий на материале фразеологических единиц. В последние десятилетия изучение разных аспектов фразеологии в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и лингвокультурологии было представлено работами таких ученых как: Л.Г. Золотых [Золотых, 2008], Л.И. Молдованова [Молдованова, 1994], Е.В. Брысина [Брысина, 2003] и др.

В данной работе рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) с градуальной семантикой, в частности, ФЕ со значением крайней меры степени. За основу принимается определение фразеологизма, предложенное В.Н. Телия: «Фразеологизм – общее

название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые... воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного состава» [Телия, 1996, с. 559]. Но фиксированный характер фразеологизмов не отрицает наличие внутривидовых отношений между отдельными компонентами ФЕ. Эта мысль основывается на утверждении Б.С. Шварцкопф, которая считает, что ФЕ могут объединять различные элементы языковой системы, находящиеся между собой в иерархических отношениях, то есть являться полем для их взаимодействия [Шварцкопф, 1967], что предполагает возможность корреляции между значением ФЕ и значением отдельных ее компонентов.

В рамках данного подхода изучение функционирования универсальных семантических категорий во фразеологии становится все более перспективным. Благодаря возрастающему интересу лингвистов к проблеме градации как семантической категории, изучение особенностей ее вербализации с помощью фразеологических средств является достаточно актуальным. Так как ФЕ со значением крайней меры степени могут рассматриваться в качестве одного из продуктивных способов выражения категории градации во фразеологии, целью данной статьи является краткий обзор структурно-семантических особенностей ФЕ со значением крайней меры степени. Материалом для статьи служат ФЕ, выражающие предельное, максимально возможное количество или качество признака. Это значение закреплено в их семантической структуре с помощью слов-маркеров *'very'*, *'completely'*. Такие ФЕ являются средством выражения завершенного процесса градуирования или, согласно Э. Сепиру [Сепир, 1985], имплицитной градации.

Интерес для данного исследования представляет как структурная, так и семантическая классификации ФЕ со значением крайней меры признака в английском языке. Несмотря на то, что структурные и семантические особенности часто обуславливают друг друга, целесообразно рассмотреть эти две классификации по отдельности.

В зависимости от их грамматической структуры И.В. Арнольд выделяет 5 основных типов ФЕ: субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные и ФЕ междометного характера [Арнольд, 1959, с. 191–192].

Учитывая тот факт, что исследуемые ФЕ характеризуют меру признака, то есть качество объекта, логично предположить, что большинство ФЕ со значением крайней меры признака будут тяготеть к адвербиальному типу. Примером адвербиальных ФЕ служат следующие модели: **Adv + Adv**, например: *well and truly* 'полностью', **Adj + Adv**: *dead easy* 'крайне легко' или **Prep + Adj**, например: *at best* 'в высшей степени, наилучшим образом'. ФЕ данного типа дают качественную характеристику признака.

Однако, языковой материал иллюстрирует структурное разнообразие ФЕ, выражающих крайнюю степень признака. Не менее распространенными являются ФЕ адъективного типа, к которым относятся такие фразеологизмы как: *fast and furious* 'очень быстрый и энергичный', *high and mighty* 'очень высокомерные, заносчивые', *worst of something* 'наименьшая, худшая часть чего-либо'. В структуре каждого из них прилагательное выступает главным словом, а наиболее продуктивной моделью является **Adj + Adj**. Особенностью ФЕ этого типа является то, что они могут характеризовать как действие, так и объект, то есть выполняют двоякую функцию и часто синонимичны ФЕ адвербиального типа.

В ФЕ субстантивного типа главным компонентом является имя существительное или местоимение. Данный тип ФЕ представлен такими моделями, как: **N + prep. + N**, например: *ace of aces* 'лучший из лучших'; **prep. + N + prep. + N**, например: *from A to Z* 'полностью, целиком', **N's + N**, как например: *donkey's year* 'очень долгий период времени'; **Adj + N**, например: *dead ringer* '100% копия, полная копия'. Как мы видим из примеров, данный тип ФЕ характеризуется наличием разнообразных моделей и представляет различные отношения между компонентами.

К ФЕ глагольного типа относятся такие фразеологизмы, как: *not to know somebody from Adam* 'не иметь ни малейшего представления о ком-то, ничего не знать', *to have somebody in the aisles* 'произвести фурор, привести в полный восторг', *to be all for somebody* 'полностью поддерживать кого-то'. Как мы видим из примеров, большинство глагольных ФЕ со значением крайней меры строятся по модели **V + prep. + N**.

Таким образом, четыре из пяти типов структурных типов ФЕ, выделенных И.В. Арнольд, то есть все, кроме ФЕ междометного типа, являются продуктивными средствами выражения край-

ней меры степени. ФЕ адвербиального типа являются наиболее продуктивными средствами выражения крайней меры признака. Особого внимания заслуживают ФЕ адъективного типа, в которых главным компонентом выступает прилагательное. В предложении они могут употребляться как в атрибутивной функции, так и в качестве обстоятельства образа действия и могут характеризовать как объект, так и действие.

Анализируя семантические особенности ФЕ с крайней мерой признака, необходимо отметить, что выделяемые по семантическому признаку группы хоть и пересекаются со структурными типами, не соответствуют им полностью. Представляется целесообразным на данном этапе исследования выделить 4 основные семантические группы.

К первой семантической группе относятся ФЕ, содержащие элементы со значением начальной и конечной точки процесса или стадии проявления признака. Часто эти элементы выражены антонимами, имеющими символическое значение, например: *day and night* 'круглые сутки, все время', *from first to last* 'от начала до конца', *from A to Z* 'полностью, целиком'. Большинство таких ФЕ относится к субстантивному типу и представлены моделями N + N, и **prep. + N + prep. + N**. Для ФЕ этого типа характерно членение процесса на стадии или употребление элементов в строгой последовательности с целью выражения значения полноты признака или завершенности процесса.

Ко второй группе относятся ФЕ, имеющие в своей структуре компоненты-маркеры, такие как *all, whole, very*. Эти компоненты указывают на полноту проявления, максимальную степень выражаемого признака, а не на границы, в отличие от предыдущей группы, где антонимы служили для указания на предельные значения признака. К этой группе относятся: *all over* 'повсюду', *the whole nine yards* 'все, полностью, все что потребуется', *very last* 'самый конец, до самого конца'. ФЕ этой группы могут относиться к различным структурным типам: адвербиальному, адъективному и глагольному.

Третью группу составляют ФЕ, включающие в свою структуру прилагательное в превосходной степени, лексическую единицу со значением крайней меры признака / пограничного состояния. Примером таких ФЕ могут служить: *at the worst* 'наименее выгодным образом', *till the last* 'до конца, до последней минуты',

dead in the water 'провальный, без шансов на успех'. Структурно эти ФЕ относятся к адвербиальному и адъективному типам. Во фразеологизмах этого типа значение крайней меры степени достигается путем имплицитного сравнения с интенсифицированной мерой признака, выраженной одним из компонентов.

Сравнение может также быть эксплицитным, то есть содержать компоненты '*as*' и '*like*', что иллюстрируют ФЕ, принадлежащие к четвертой группе. Примерами таких ФЕ служат: *as strong as an ox* 'сильный как бык, очень сильный', *as thick as thieves* 'очень близкий друг', *like hell* 'очень сильно, стремительно', *like a bat out of hell* 'стремительно, быстро, со всех ног'. Большинство таких ФЕ относятся либо к адъективному типу и построены по модели **as + Adj + as Adj**, либо к субстантивному и построены по модели **like + N (+ prep. + N)**. Компоненты, которые выступают в качестве интенсификаторов, могут выражать крайнюю меру признака вне контекста или же символически выражать определенное качество (*ox* 'бык' – символ силы).

В качестве основных семантических особенностей ФЕ со значением крайней меры признака можно указать наличие имплицитного и эксплицитного сравнения, которое достигается с помощью использования прилагательных в превосходной степени или структурных элементов '*as*' и '*like*' соответственно. Также значение крайней меры степени создается с помощью употребления компонентов-маркеров '*all*', '*whole*', '*complete*', выполняющих обобщающую функцию и пар антонимов, указывающих или символически передающих предельные значения меры признака.

Список литературы

- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
- Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., перераб. М., 2005. XVIII.
- Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.
- Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2008.

Молдованова Л.И. Лингвопрагматическая характеристика русских фразеологизмов (газетно-публицистический стиль). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994.

Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. М., 1985. С. 43-78.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Шварцкопф Б.С. Фразеологические единицы в отношении к языковой норме // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 50-57

Cambridge Idioms Dictionary. 2nd ed. Cambridge, 2006.

Collins COBUILD Dictionary of Idioms. 2nd ed. Glasgow, 2007.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6th ed. Oxford, 2004.

Longman Idioms Dictionary. London, 1998.

Vyshnyakova Sophia Gennadiivna (Donetsk, Ukraine)

PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING THE EXTREME DEGREE OF A QUALITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article deals with the structural and semantic peculiarities of the phraseological units expressing the extreme degree of a quality. According to the structural classification suggested by I.V. Arnold, the analyzed idioms belong to the adverbial, adjectival, substantive and verbal types. No phraseological units of the interjectional type were found among the studied corpus. As for their semantic peculiarities the studied phraseological units may include explicit or implicit comparison, comprise such markers as *'all'*, *'whole'*, *'very'* or contain pairs of antonyms representing extremely intensified qualities.

Keywords: phraseology, semantic category of gradation, phraseological units, extreme degree

УДК 811.1'22'373.611

Т.О. Козлова (Запорожье, Украина)

НЕПРОЗРАЧНАЯ ИКОНИЧНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ ДЕТСКИХ ИГР

В типологически различных и генетически неродственных языках редупликация иконически кодирует 'повторяемость', 'длительность', 'множественность', 'интенсивность'. Однако ее имитативная функция в наименованиях детских игр не является столь прозрачной. В статье отстаивается мнение об иконическом характере удвоений, кодирующих повторяемость действия, множественность участников, копирование реальности в детской игре и эмоциональность детской речи.

Ключевые слова: иконичность, лингвосомиотика, мотивированность, наименования детских игр, редупликация

Редупликация используется как средство выражения разнообразных лексических, грамматических, прагматических значений, отражая при этом полифункциональность языка. Типовые значения, прозрачно кодирующиеся с помощью редупликации, включают «множественность» и «дистрибутивность» у существительных, «интенсивность проявления признака» у прилагательных, «итеративность», «дуративность» у глаголов, «пропорциональное увеличение количества» у числительных (см. работы О.Ю. Крючковой, Е. Moravscik и др.). В указанных случаях иконичность редупликации не вызывает сомнений, поскольку формально-семантическое приращение свидетельствует о реализации количественного принципа «больше формы – больше значения» [Гивун, 1995, р. 49–50]. Однако отдельные типы редупликации, к которым относятся перфектные и претеритные формы глагола, диминутивы, термины родства, а также наименования детских игр, характеризуются скрытой («opaque» [Fischer, 2001]) иконичностью, и мотивация структурно-семантических корреляций не является прозрачной, а наличие связи между означаемым и означаемым актуализуется в определенных контекстах.

Цель данной статьи – раскрыть иконичность редуплицирующихся наименований детских игр, выявить комплекс значений, кодируемых удвоением формы.

Редупликация в наименованиях детских игр встречается в типологически различных, генетически родственных и нерод-

ственных языках. Например, в индоевропейских языках: германских – англ. *yo-yo* «йо-йо (игрушка)», австрал. *kick-to-kick* «спортивная игра, популярная среди детей (вариант австралийского футбола)», африк. *gat-gat* «игра в шарики»; романских – порт. *pega-pega* «салочки», фр. *cashe-cashe* «прятки»; в алгонкинских языках – сквомиш *kai-kai* «играть в прятки»; в тюркских языках – турецк. *birdirbir* «чехарда (игра)»; в языках Дальнего Востока – яп. *kagome kagome* «демон (детская игра, сопровождаемая хороводом и песней)» и пр.

С одной стороны, формально-семантическая связь в обозначениях игр лишена «естественной» мотивированности, является произвольной, условной, т.е. символической, и отсутствие некоторого формального (звукового или структурного) и содержательного подобия очевидно. Таким образом, идея «игры» никаким внутренним отношением не связана со структурой (повтор основы), служащей ее означающим. Эта идея могла бы быть выражена любым другим сочетанием морфем. Такая точка зрения легко подтверждается различиями между наименованиями для одного и того же денотата в различных языках или вариантах одного языка (Ср.: дуплекс порт. (браз.) *esconde-esconde* «прятки (игра)» vs симплекс исп. (ед. ч.) *escondite* «прятки», исп. (южн. ам.; мн. ч.) *escondidas* «прятки»; дуплекс фр. *cashe-cashe* vs симплекс фр. (луиз.) *cachette* «прятки»).

С другой стороны, несмотря на межязыковое варьирование, в наименованиях детских игр редуплицирующие структуры часто независимым образом повторяются от языка к языку: ср. фр. *cashe-cashe* «прятки», сквомиш *kai-kai* «играть в прятки», яп. *kagome kagome* «демон» (аналог игры в жмурки). Формирование наименований игр на основе редупликации в различных языках можно объяснить, во-первых, стремлением говорящих согласовать форму и содержание знака, сделать наименование по возможности «понятным»; во-вторых, особенностями детской речи.

Если по содержанию что-то можно сказать о его форме, и наоборот, форма дает намек на ее содержание, то обусловленность наименования детской игры, структурно содержащей повтор, следует устанавливать, исходя из комплекса значений, иконически кодируемых редупликацией и/или другими альтернативными средствами.

Редупликация используется в наименованиях действий (игр), для которых характерна процессность, повторяемость (цепочка однотипных операций, актов) и конверсивность при наличии двух актантов (субъектов-партиципантов), действующих либо одновременно, либо поочередно. Таким образом, такие семантические признаки, как «итеративность», «процессность» и «конверсивность» действия, «множественность» субъекта действия, иконически кодируются повтором и представляют собой различные актуализации принципа «квантитативного увеличения», вербализованного редупликацией.

Актуальность признака «итеративность» подтверждается его сохранением в сравнительных и метафорических употреблениях редупликации: напр. значение *yo-yo* как нечто такого, что постоянно находится в состоянии колебания, проецируется на дименсиональную нестабильность, нестабильность ситуации изменчивости поведения, характера человека (напр. *a yo-yo* «постоянно меняющий своё мнение человек; флюгер, хамелеон»).

Признак «квантитативного увеличения» может быть концептуализован как «процессность» игры. В свою очередь это значение способствует развитию при определенных условиях временных и не временных «частных концептуальных значений» [Кобрина, 2007, с. 83–86]. Так, в предложении фр. “*En jouant à cache-cache, elle tournait autour de la chaise...*” (Играя в прятки, она (постоянно) крутилась вокруг стула) редупликация *cache-cache* употребляется в сочетании с *en jouant* – формой деепричастия от глагола *jouer* «играть» для обозначения добавочного действия, происходящего одновременно с незавершенным действием в прошлом.

При употреблении редупликации в контексте, содержащем указание на локализованность действия на временной оси, акцентируются различные оттенки процессности – ограниченность действия во времени и его незавершенность: фр. “*Combien de temps allons-nous jouer ainsi à cache-cache...*” [H. de Balzac. Honorine. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/1683/1683-h/1683-h.htm>] (“Сколько мы будем играть так в прятки?”). В данном примере ограниченность действия во времени выражена лексически, указанием на интервал – *combien de temps* «сколько», а за счет грамматической конструкции, включающей десемантизированный глагол *aller* (ходить) + инфинитив *jouer* (играть), пе-

редающей значение следования действия в ближайшем будущем, актуализована незавершенность процесса игры. Мы считаем, что редупликация в составе конструкции *aller jouer à cache-cache*, где используется полистатусный глагол (*aller*) с семантикой перемещения в пространстве, усиливает акцент на значении процессности, поскольку это значение менее салиентно, чем в случаях его эксплицитного выражения с помощью континуальных глаголов.

В приведенных примерах одновременно со значением «длительности» актуализуется и прагматическое значение. Говорящий выражает удивление, недовольство в отношении чрезмерно затянувшегося или интенсивно протекающего действия. Отрицательная эмоциональная окрашенность описания ситуации говорящим достигается за счет использования коммуникативно нагруженных средств – лексических (сочетания наречия с интенсифицирующим значением *ainsi* «так, в такой степени» с глаголом, что позволяет интерпретировать описываемое действие как «проявляющееся в чрезмерной степени») и грамматических (деепричастия *en jouant à cache-cache*, которое употребляется с усилительным значением, подчеркивая непрерывность действия и способствуя интеграции первичного темпорального значения «одновременность по отношению к главному действию» и вторичного аспектуально-фазисного значения «неограниченная/чрезмерная длительность» [см. Тарасова, 2004]). Описываемая ситуация предполагает личную «причастность» говорящего к протекающему действию и «обуславливает живость [его] восприятия» [Кобрина, 2007, с. 84]. Формальное удлинение (повтор) коррелирует с усиленной выразительностью, способствует реализации эмфазы.

Признак «многократность, длительность игры» реализуется и при употреблении редупликации в сочетании с темпоративами («всегда»), квантификаторами, апеллирующими к любому из референтов без исключения («не имеет значения когда»; «каждый раз, когда» и пр.): напр., африк. *Wanneer hy skool-skool saam met sy swart maatjies gespel het was hy altyd die onderwyser*. [цит. по Donaldson, 1993, р. 450] (Когда бы он ни играл в школу со своими маленькими друзьями, он всегда был учителем). Основными экспликаторами значений «неограниченный во времени», «продолжительный» являются лексемы *wanneer* «всякий раз, когда; когда бы ни» и *altyd* «всегда, в любое время, постоянно».

Тезис о редупликации в наименованиях игр как способе кодирования значения «неограниченности» поддерживается языковой эмпирией. В различных языках находим примеры использования увеличения формы знака (редупликация или продленная ступень аблаута) в качестве экспонента признака «отсутствие ограничения» – илокано *siasino man* «кто бы ни, любой», *kaano man* «всякий раз, когда; когда бы ни» [Rubino, 1998, с. 28].

Редупликация может также использоваться как средство, кодирующее признак «более одного участника»: африк. “*Hulle is stadsjapies wat in die vakansie wil kom plaas-plaas speel.*” [цит. по Donaldson, 1993, с. 450] (Они – городские франты, которые хотят приехать и поиграть в ферму на каникулах.), где дуплекс *plaas-plaas* (букв. «ферма-ферма») согласуется со множественностью субъекта действия (*hulle* «они»). При этом устанавливается соотношение между знаком, имеющим форму удвоения, и множеством внеязыковых объектов, которые говорящие объединяют в своем сознании в единую группу.

Отсутствие редупликации в наименованиях игр может компенсироваться маркером множественного числа. Ср.: африк. *aan-aan speel* и русс. (*играть в*) *салки*, а также (*играть в*) *прятки*, *~жмурки*, *~поддавки*, *~дочки-матери*, а. *mummies and daddies* пр., за счет чего, вероятно, также осуществляется кодирование значения «группа лиц, участвующих в игре» или «участники игры, которые обмениваются ролями».

Наши предположения подтверждаются примерами из языков, в которых используются различные экспонентны значения «множественности». Например, в пунупских языках редупликацией часто маркировано множество объектов, объединенных в одну группу, а нумеративным суффиксом – множественное число. В целом, в австралийских языках, в 90% из которых редупликация является продуктивным маркером множественности субъекта или объекта действия, длительности, повторяемости действия, его дистрибутивности в пространстве, отсутствие повтора компенсируется добавлением словообразовательного аффикса [Dixon, 2002, р. 201].

Признак «взаимодействия» (реципрок) в значениях редуплицирующих наименований игр обусловлен раздвоенностью обозначаемых действий, которые совершаются двумя актантами и переходят с одного лица на другое: напр., англ. *kick-to-kick*

(поочередно бить по мячу). Устойчивость взаимного значения выявляется в редулицирующих конститутах словообразовательного гнезда, в состав которого входит, например, лексема тур. *birdirbir* «чехарда» (игра, участники которой поочередно прыгают через своих партнёров): *bir* «один; такой же, равный; объединенный, единый» > *birbiri* «друг друга», *birbirini*, *birbirine* «друг друга». Мотивировочный признак редуликации *birdirbir* становится более отчетливым при сравнении с внутренней формой синонимичного названия игры «чехарда» – тур. *uzuneşek* (< *uzun* «высокий; длинный» + *eşek* «ишак»), которая подчеркивает не попеременный характер движений в игре, а указывает на положение игроков.

Значимость признака «конверсивность» подтверждается наличием соответствующей семы в этимологическом значении наименований, ее сохранением и преобразованием в процессе лексико-семантической деривации. Например, англ. *gewgaw* «безделушка, побрякушка; игрушка; мишура» этимологически восходит к этимону оноματοпоэтического происхождения – и.е. **ghabh-* «хватать», имитирующему звук, производимый при хватании, дергании, рывке. В процессе формально-семантического расподобления этимона в дочерних языках наблюдается поляризация значений семантически лабильного корня-синкрета, что приводит к формированию различного типа конверсивности – (а) межязыковой антонимии (д.брет. *an-gabol* «изъятие, грабеж» vs с.кимр., кимр. *caffael* «приобретение»), (б) этимологической дублетности (лит. *gabėnù*, *gabėnti* «забирать», лит. (диал.) *guõbti* «хватать» vs лит. (диал.) *at-gėbau* «принес»), (в) энантиосемии (д.ирл. *gaibid* «берет, захватывает» vs «принимает > дает, позволяет»).

Б. Дональдсон [Donaldson, 1993, p. 450], обращая внимание на высокую продуктивность редулицированных наименований детских игр в африкаанс, указывает на то, что они являются производными от простых существительных (африк. *dokter (s)* «врач, терапевт» > *dokter-dokter* «играть в больницу») и в своих значениях содержат сему «нереальный, ненастоящий, притворный». В таком случае редуликацию нельзя считать иконической. Мы же полагаем, что удвоение в анализируемых номинациях иконически кодирует признак «скопированный; похожий на..., напоминающий что-либо», и исходим из того, что в африкаанс ре-

дубликация в наименованиях детских игр (а) не всегда вторична от симплекса [Besten, 2012, p. 203–204]; (б) в абсолютном большинстве случаев встречается в сочетании с глаголом *speel* [там же], который имеет значение «играть, исполнять, действовать» (*speel* > *kopspeel* «двигать головой вверх и вниз (о лошади)») и может имплицировать значения «копировать, быть похожим, действовать как...» (африк. *speelpop* «кукла; марионетка») в составе компаративных композитов – *baasspeel* «важничать, строить из себя» < *baas-* «хозяин» + *-speel*, т.е. «как босс»); (в) редуликация может быть использована в структуре иных наименований с целью обозначения схожести, подобия («...en stadig kruk(-kruk) sy oor die woelige straat» [цит. по Besten, 2012, p. 203]) – «...и медленноковыляла она через оживленную улицу» (т.е. как на костылях; букв. «костыль-костыль»).

Известно, что игра – культурная универсалия, один из древнейших видов деятельности в истории человечества – возникла как имитация, подобие реальных жизненных ситуаций с целью передачи опыта от поколения к поколению, подготовки к трудовой, военной, религиозной деятельности. В этом смысле форма и содержание наименований, мотивированных признаком «выдаваемый за истинное», оказываются сходными качественно или структурно: африк. *kamma*, *kammalielies* «как будто, будто; якобы», где *kamma* – коллоквиализм, образованный в результате адвербиализации показателя ирреалиса, маркирующего ситуацию или действие как «воображаемое» в пиджине капских голландцев, а редуликация *-lielie-* используется как уменьшительный суффикс, подобно *-tjies* в *kammamatjies* [Roberege, 1995, p. 82–83].

Редуликация и деривационный аффикс, таким образом, могут использоваться как альтернативные маркеры уменьшительности, мотивированные экспрессивностью детской речи. Ср.: гол. *verstopperdje* «жмурки», рус. (*играть в*) *классики*, ~ *салочки* и порт. *esconde esconde* «прятки». Экспрессивность используемых форм порождает целый комплекс семантических эффектов. Если в детской речи повтор и уменьшительность в наименованиях детских игр соотносятся с привязанностью, дружеским и доверительным отношением (*Dis kammalielies so* [Roberege, 1995, p. 83] «Представь, как будто...»), то в речи взрослых, напротив, они могут стимулировать ассоциации с «нерезультативностью, неза-

вершенностью описываемого действия», его интерпретацию говорящим как «еще не ставшего частью реальности» или как «совершаемого некомпетентным деятелем» [Conradie, 2003, p. 208]). В связи с этим формируются ироническое отношение к субъекту действия и коннотации негативной оценки (см. примеры выше).

Таким образом, в различных языках редупликация в наименованиях детских игр используется как средство кодирования целого комплекса значений, согласующихся с иконическим принципом квантитативности. При этом разнообразные концептуализации этого принципа, охватывающие «повторяемость», «процессность», «взаимность», «множественность партиципантов», «ирреалис» и «эмфатичность», актуализуются лишь при определенных условиях и зависят от контекста, вне которого установление формально-содержательного соответствия в обозначениях игр затруднительно. Как следствие, редуплицирующие наименования детских игр характеризуются непрозрачной иконичностью.

Список литературы

- Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 2007.
- Тарасова О.Г. Функционально-семантическое поле временной одновременности действия во французском и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
- Besten H. den. *Roots of Afrikaans: Selected Writings of Hans Den Besten*. Amsterdam, Philadelphia, 2012.
- Conradie C.J. The Iconicity of Afrikaans Reduplication // *From sign to signing. Iconicity in Language and Literature 3*. Amsterdam, 2003. P. 203–224.
- Dixon R.M.W. *Australian Languages: Their Nature and Development*. Vol. 1. Cambridge, 2002.
- Donaldson B. C. *A Grammar of Afrikaans*. Berlin, N.Y., 1993.
- Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language // *Semblance and Signification. Iconicity in language and Literature 10*. Amsterdam, 2011. P. 55–82.
- Givyn T. *Isomorphism in the Grammatical Code: Cognitive and Biological Considerations // Iconicity in Language*. Amsterdam, 1995. P. 47–76.

Roberge P.T. *The Formation of Afrikaans // Language and Social History: Studies in South African Sociolinguistics*. Claremont, 1995. P. 68–88.

Rubino C.R.G. *Ilocano: Ilocano-English / English-Ilocano: Dictionary and Phrasebook*. N.Y., 1998.

Kozlova Tetyana Olegovna (Zaporozhye, Ukraine)

OPAQUE ICONICITY IN NAMES OF CHILDREN'S GAMES

Reduplication is an iconic phenomenon found in typologically different and genetically distant languages that marks 'repetitiveness' and 'continuity', 'plurality', and 'intensity'. However, its mimetic function in the names of children's games remains doubtful. It is argued that reduplicated names given to children's games are opaque imitations of 'repetitiveness and/or continuity' of playing, 'plurality' of participants, 'intentionally copied' (i.e. false) appearance of being, or performing, and affectivity of children's talk.

Keywords: iconicity, motivation, names of children's games, reduplication, semiotics

УДК 81.111

Е.Е. Корюкина (Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются определения понятий «термин», «терминология» и «терминосистема», выявляются их дифференциальные признаки. В статье также раскрывается феномен предметной области «инклюзивное образование» и этапы ее преобразования из терминологии и терминосистему.

Ключевые слова: терминосистема, терминология, термин, этапы становления и развития терминосистемы, предметная область инклюзивного образования, лексические группы, системность

Формирование терминосистемы является главным источником освоения специалистами той или иной области знания, а также средством их профессиональной коммуникации. Высокие темпы индустриализации и научно-техническая революция оказали сильное влияние на состав уже сложившихся терминосистем, которые продолжают пополняться в настоящее время. Наглядным примером является терминосистема предметной области инклюзивного образования (ИО), так как на сегодняшний день одной из центральных проблем, стоящих перед мировым сообществом, признана реализация права на образование для всех.

Процесс появления и формирования инклюзивного образования начался в США и Великобритании в рамках национальной образовательной программы 1970-х годов XX века. Инклюзивное образование – междисциплинарная предметная область, которая возникла на стыке медицины, специальной педагогики и психологии. В основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивает равное отношение ко всем людям и создает необходимые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности. Это дети с ограниченными возможностями здоровья, а также дети, которые говорят на другом языке и принадлежат иным культурам [Борисова, 2009].

С распространением инклюзивного образования по всему миру в английском языке стали появляться новые понятия, которые в процессе своего изучения приобрели статус термина, «особой

единицы, существующей в рамках определенной терминологии специальной сферы» [Лотте, 1968, с. 51]. В роли термина может выступать любое слово, т.к. термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления [Винокур, 1939, с. 14].

Относительно определений термина необходимо подчеркнуть, что в них чаще всего раскрывается один существенный признак (например, соотнесенность с научным понятием, системность и т.п.). М.М. Глушко констатирует, что термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы [Глушко, 1974]. Необходимо отметить, что совокупность терминов, складывающаяся стихийно, определяется как терминология, которая характеризуется нестрогой лексической системностью [Лейчик, 2009]. Для того чтобы сформировалась терминосистема, терминологии необходимо пройти этапы становления и развития. В.М. Лейчик разграничивает терминологии и терминосистемы по способу образования. На первом этапе понятийный аппарат терминологии не достаточно сформирован и стабилен, что сказывается на ее структуре, поэтому она часто характеризуется как неполная [Лейчик, 2009, с. 134]. Типичным именно для этого этапа является пополнение инвентаря терминов и углубление терминологии на основе других предметных областей, поэтому для формирования её состава свойственны все типы заимствований: иноязычные, межсистемные, а также заимствования из сферы неспециальной лексики [Мартемьянова, 2011]. По сравнению с неспециальной лексикой терминологии свойственно более дробное членение действительности и построение не «на ассоциативных связях случайного характера», а на основе логических понятий [Гринев-Гриневич, 2008, с. 204].

Второй этап формирования терминологии – это этап завершения ее становления и начало развития. Появление сформировавшейся терминологии означает, что в определенной области знания или деятельности наступил период большей или меньшей стабилизации, когда достаточное количество фактов непротиворечиво описывается совокупностью терминов [Лейчик, 2009, с. 159]. По-

нятийный аппарат терминологии уже достаточно сформирован и стабилен, отражен точно и адекватно из-за увеличения числа логических процессов в такой терминологии, для которой становится свойственна более высокая системность. Такая системность помогает сложившейся терминологии перейти в статус терминосистемы. Однако этот переход происходит искусственно. Образование терминосистемы происходит при помощи упорядочения уже сложившейся и развивающейся терминологии (наиболее частотный способ) [Лейчик, 2009, с. 163]. Стоит подчеркнуть, что структурированность терминологии является важным фактом ее формирования в терминосистему. Структурный состав терминосистемы характеризуется подавляющим числом терминов, достаточно точно отражающих систему понятий определенной сферы. Терминосистема, по мнению В.М. Лейчика, – сложное иерархическое образование, состоящее из слов и словосочетаний, выполняющих функции терминов – элементов терминосистемы. Элементами терминосистемы, в свою очередь, служат лексические единицы (слова и словосочетания) определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна структуре системы понятий данной теории [Лейчик, 2006].

В настоящее время исследования в области специальной педагогики, медицины, психологии и лингвистики создают благоприятные условия для разработки терминологической классификации и выявления закономерностей развития новой терминосистемы с точки зрения ее обусловленности характером дискурса, в котором она формируется. Благодаря своему длительному развитию, формированию и накоплению определенных знаний, терминология инклюзивного образования США и Великобритании преобразовалась в терминосистему. Собственные термины и термины из смежных областей знания приобрели статус закрепленных терминологических единиц в области специального образования.

Для создания полноценной терминосистемы к логической схеме необходимо добавить дефиниции понятий, подобрать термины, адекватно выражающие эти понятия и упорядочить терминосистему таким образом, чтобы каждому термину соответствовало одно понятие [Лейчик, 1990, с. 73]. Становится очевидным, что главный признак терминосистемы как искусственно сконструированной модели – это системность и строгая логическая взаимосвязь между элементами этой системы [Шелов, 2003].

Стоит отметить, что лексическим единицам внутри любой терминосистемы свойственны иерархические отношения, которые упорядочиваются посредством выделения определенных лексических групп. Л.А. Капаназде отмечает следующие:

собственные термины, появившиеся в рамках данной терминологии (в исследуемой терминосистеме к ним относятся, например, *tutoring support, case studies, inclusive schooling*);

базовые термины – заимствованные из терминологии, которая образует фундамент данной области знания (в терминосистеме инклюзивного образования это термины специальной педагогики, например, *special education teacher, sign language, early intervention strategies*);

привлеченные термины – заимствованные из смежных областей знания, но являющиеся неотъемлемой частью терминосистемы (в исследуемой терминосистеме это термины таких областей, как педагогика, например, *teacher training, child centered pedagogy, pre-teaching specialized vocabulary*, медицина, например, *disablement, impairment, hard of hearing, physical disabilities*);

общенаучные термины – имеющие одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизирующие эту семантику в составе данной терминосистемы (например, в терминологии инклюзивного образования *American Sign Language, Individual Educational Program (IEP Team), Education for All-Together*) [Oxford Concise Medical Dictionary].

Принимая во внимание групповую иерархию лексических единиц, а также развитие терминосистемы инклюзивного образования в целом, необходимо подчеркнуть, что группы лексических единиц педагогики и специальной педагогики являются динамической частью словарного состава общелитературного языка и соответствуют современному уровню развития общества. Границы терминосистем являются условными, так как часто происходит миграция терминологических единиц из одной терминосистемы в другую, например, *home visits, para-professional, prevention and intervention* [Lois M. Burns, 2004] из терминосистемы специальной педагогики переходят в терминосистему инклюзивного образования. Основной отличительной чертой терминологии предметной области и терминосистемы является то, что терминосистема включает в себя все имеющиеся в данной предметной сфере термины [Кузьмин, 1962].

Об активном исследовательском интересе к проблемам предметной области инклюзивного образования свидетельствует большое количество публикаций, книг и программ, вышедших за последнее время в США и Великобритании, а также наличие международных правовых документов ООН (Декларация о правах инвалидов, Саламанская Декларация, Конвенция о правах ребенка). Например, медицинская клиника MEDEL, специализирующаяся на реабилитации лиц с нарушением слуха, выпускает брошюры, посвященные адаптации детей и подростков после кохлеарной имплантации. Лексический состав данной подобласти знаний пополняется новыми лексическими единицами, которые приобретают статус терминологических единиц и становятся частью сложившейся терминосистемы. К ним относятся как двусложные и многосложные лексические единицы (*caregiver, paediatric habilitation/ assessment, level of music appreciation/ participation, speech tracking, telephone training tips, sound localization, knowledge transfer, sound scape, therapy product*), так и названия вспомогательных материалов, вопросников, методических пособий и аудио книг (*Musical EARS, The Picture Perfect Preschool (PPP), The LittleEARS Auditory Questionnaire, Auditory Skills Checklist, Let's Get Started, KidTrax etc.*) [Allan, 1999].

С развитием Индивидуальной программы обучения (Inclusive Education Plan) в текстах, разрабатываемых в США и Великобритании, стали активно фигурировать такие термины как *credential, "push-in" teacher, at-risk student, Buddy Systems, Student's IEP Team, Making Action Plans System (MAPS), paraeducators (paras), caseload, pull-out classroom etc.* [NYU Child Study Center], которые на данном этапе развития терминосистемы образуют один из её основных разделов, ориентированный на внеклассную помощь детей с ограниченными возможностями здоровья. Стоит отметить, что терминосистема инклюзивного образования представляется динамическим объектом, функционирующим по принципу большой открытой системы, поэтому термины смежных областей знания переходят в разряд терминологии ИО и закрепляются в новой терминосистеме. Так, например, использование терминов *therapy services, parent, child care, assessment, special learning and behavior problems, microcephaly, seizure, feedback, schooling* [Allan, 1999] прослеживается в исследуемых американских и британских источниках.

Таким образом, развитие терминологии определенной предметной области как совокупности специальных лексических единиц, призванных номинировать определенные профессиональные понятия – это итог развития научного знания, интеллектуальной деятельности человека, фиксирующей результаты познавательной деятельности и осуществляющей знакомство с основными понятиями конкретной области знания, которые впоследствии должны отражаться в формирующейся терминосистеме.

Список литературы

- Борисова, Н.В. Инклюзивное образование: ключевые понятия. М.; Владимир, 2009. С. 134–201.
- Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды московского института истории, философии, литературы. Т. 5. М., 1939. С. 3–54.
- Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М., 1974.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008.
- Капанадзе Л.А. Термины и их функционирование. М., 1982.
- Кузьмин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ. Л., 1962. №20. С. 136–146.
- Лейчик В.М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке. М., 2009.
- Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. М., 1990. № 3. С. 56–89.
- Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006.
- Лотте Д. С. Как работать над терминологией // Основы и методы. М., 1968. С. 43–97.
- Мартемьянова М.А. Особенности формирования современных научных технических терминологических систем. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.
- Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.
- Allan J. Actively Seeking Inclusion: Pupils with Special Needs in Mainstream Schools. London, 1999. P. 13–24.
- Burns Lois M.; Maloney Florence C. Medical Transcription and Terminology. Thompson Delmar Learning. 2004.
- Oxford Concise Medical Dictionary. Oxford, 1996.

Электронные источники

NYU Child Study Center [сайт]. URL: http://www.aboutourkids.org/articles/school_inclusion_children_autism_spectrum_disorders (дата обращения: 3.12.2013).

Koryukina Ekaterina Yevgenjevna (Saint Petersburg, Russia)

FORMATION OF ENGLISH INCLUSIVE EDUCATION TERM SYSTEM

The paper focuses on the definitions of the concepts “term”, “terminology” and “term system” as well as reveals the differences between these concepts. The Inclusive Education phenomenon is determined as a new subject domain which develops by certain stages from the terminology into the term system.

Keywords: term system, terminology, term, stages of term system development, Inclusive Education subject domain, lexical units, consistency

УДК 811.133.1

О.Н. Кузьменко (Санкт-Петербург, Россия)

О ФУНКЦИЯХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ТОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМОВ ПАРИЖА)

В статье определяются основные функции переименования парижских топонимов: коммеморативная, идеологическая, людическая, эфоническая, а также выявляется соотношение лингвистических и экстралингвистических факторов, задействованных в процессе переименования.

Ключевые слова: топоним, коммеморативная функция, идеологическая функция, людическая функция, эфоническая функция

Изменчива, а порой непредсказуема судьба топонимов. Это касается, прежде всего, урбанонимов – наименований городских объектов (улиц, площадей, проспектов, бульваров, проулков, тупиков) и, в первую очередь, в крупных городах, являющихся средоточием политической, социальной и культурной жизни страны.

Имена средневековых парижских улиц, подвергшиеся постепенному старению (диахроническим фонетическим и графическим изменениям), хранят в своих названиях бесценную информацию о прошлом Парижа: об исчезнувших средневековых ремеслах и занятиях, о старинных вывесках лавок и мастерских, о владельцах земельных участков, на которых были проложены улицы, получившие их имя.

При необходимости увековечить новые исторические события и замечательных людей своего времени и в отсутствие новых топографических объектов переименованию подвергаются те топонимы, значения которых стерлись или утратили свою актуальность. Так, avenue du Bois-de-Boulogne неделю спустя после смерти маршала Фоша получила его имя, превратившись в avenue Foch (16-й (номер округа Парижа)), набережная Тюильри была переименована в честь четвертого президента Пятой республики, став quai François-Mitterrand (1-й), бывшая place de la Porte d'Orléans запечатлела в своем новом имени дату освобождения Парижа во Второй мировой войне, превратившись в place du Vingt-Cinq Août 1944 (14-й). Эту функцию топонимов можно определить как коммеморативную.

Переименование топографических объектов несет, как правило, аксиологическую составляющую, запечатлевая в городском ландшафте исторически значимые события и понятия, увековечивая в названиях улиц и площадей имена тех людей, чьи достижения в различных сферах жизни общества представляются его гражданам важными и достойными исторической памяти. А.В. Суперанская отмечает: «В топонимии смена названий часто диктуется политическими мотивами» [Суперанская, 1963, с. 162]. Наш материал в полной мере подтверждает это.

Смена политического строя, в особенности коренная его ломка, влечет за собой переименование многих топонимов – в первую очередь, тех, которые являются ярким напоминанием об ушедшей эпохе и свидетельствуют о характерном для нее укладе и присущих ей ценностях. Нынешняя Вандомская площадь (place Vendôme (1-й)) до Великой Французской революции называлась площадью Людовика Великого (place Louis le Grand), о чем до сих пор напоминают изображения солнца на балконах зданий, выходящих на эту площадь, – в память о короле-Солнце. Людовик XIV, автор знаменитого изречения «Государство – это я», являлся в глазах революционного народа воплощением ненавистной абсолютной монархии, что и повлекло переименование этой площади в площадь Пик (place des Piques) во время Великой Французской революции. Лингвистический аспект переименования, выразившийся в новом имени площади недвусмысленное грозное предупреждение старому строю, подкрепился и экстралингвистическими фактами: 13 августа 1789 г. была разбита статуя Людовика XIV, украшавшая площадь, а в январе 1793 г. устроена траурная церемония Луи Мишелю Лепелетье, маркизу де Сен-Фаржо (Louis-Michel Lefebvre, marquis de Saint-Fargeau), который выступил в пользу суда над Людовиком XVI и был убит в ресторане в Пале-Рояль членом Гвардейского корпуса Франции Филиппом Николя Мари де Пари (Philippe Nicolas Marie de Paris) при невыясненных обстоятельствах за несколько часов до казни Людовика XVI. Заметим, что с переименованием этой площади из топонимики Парижа исчезло последнее прямое напоминание о Людовике XIV (в современном Париже нет ни одного топонима, включающего в свой состав имя этого короля, символизирующего целую эпоху!). Существующее ныне название площадь получила по особняку герцога Вандомского, внебрачного сына Генриха IV и Габриэль д'Эстре.

Place des Victoires (1-й/2-й), получившая свое имя в 1685 г. и увековечившая победы все того же Людовика XIV, была переименована в 1792 г. в place des Victoires Nationales.

Бурбонская набережная (quai de Bourbon (4-й)), напоминая своим именем о последней династии французских королей и прежнем строе, была переименована в 1792 г. в quai de la République, тем самым в очередной раз подчеркнув изменение направления политического вектора. Свое историческое имя набережная возвратила себе в 1845 г.

Rue du Roi-Doré (3-й), получившая свое имя по вывеске, изображавшей золотой бюст Людовика XII, была переименована в 1792 г. в rue Dorée, вычеркнув из своего названия напоминание о монархе.

Королевская улица (rue Royale (8-й)) была переименована в 1792 г. в Революционную улицу (rue de la Révolution), утвердив в наименовании смену политического строя, закрепив это впоследствии и переименованием Королевской площади. Самая старая площадь Парижа – Королевская площадь (place Royale (4-й)) была переименована в 1800 г. в площадь Вогезов (place des Vosges) в честь жителей департамента Вогезы, которые добровольно стали выплачивать взносы на содержание революционной армии.

Примечательна историческая и лингвистическая судьба топонима place de la Nation (12-й). До Великой Французской революции эта площадь носила имя Тронной (place du Trône), названной так из-за трона, который был установлен на этой площади в 1660 г. для торжественной встречи Людовика XIV и Марии-Терезы после их бракосочетания. В июне 1794 г. place du Trône была переименована в place du Trône-renversé (площадь Опрокинутого/Низвергнутого Трона), и на площади, где во время монархии стоял трон, во времена Республики была установлена гильотина, непрерывно функционировавшая с 14 июня до 27 июля 1794 г. и унесшая за это время жизни более 1300 жертв революции.

Пантеон, не раз менявший – в зависимости от смены политического строя – и свое назначение (храм – некрополь – снова храм – вновь некрополь), был назван современниками «термометром политических страстей». Это определение в полной мере можно отнести к такому урбаному, как площадь Согласия (place de la Concorde), являющейся центральной площадью Па-

рижа и выдающимся памятником градостроительства эпохи классицизма. Разбитая в 1755 г. между Елисейскими полями и садом дворца Тюильри по заказу самого короля, она получила его имя: *place Louis XV*. Украшал ее конный монумент Людовика XV. Последующие события вновь сплетают в нерасторжимое целое лингвистические и экстралингвистические факторы. Во время Великой Французской революции статую короля отправляют на переплавку, а на оставшийся от памятника пьедестал водружают статую Свободы. Площадь меняет свое имя на Революционную (*place de la Révolution*). На ней устанавливают гигантскую гильотину, на которой будут обезглавлены король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта, а позднее – Дантон и Робеспьер. В 1795 г. по окончании революционного террора в знак примирения сословий площадь получила своё нынешнее наименование. Во время Консулата (1799–1804) статую Свободы убирают с площади, а на ее месте предполагают воздвигнуть памятник Карлу Великому. Во время Реставрации Людовик XVIII, брат убитого короля, предполагает почтить память Людовика XVI памятным мемориалом в центре площади: памятником королю-мученику, часовней в память о нем и плакучей ивой. Следующий король, Карл X, закладывает первый камень в основание будущего мемориала 3 мая 1826 года. В этом же году площадь Согласия переименовывается в площадь Людовика XVI (*place Louis XVI*). Но осуществление этих планов было прервано Июльской революцией 1830 г., после которой площадь окончательно получает свое нынешнее имя – площадь Согласия.

Не менее показательна и история имени улицы *rue du Duc-de-Bordeaux* (1-й), названной так в честь Генриха Шарля д'Артуа, герцога Бордоского (Henri Charles d'Artois, duc de Bordeaux), более известного как граф де Шамбор (comte de Chambord; (1820–1883)) – последнего представителя старшей линии французских Бурбонов и единственной ее династической надеждой, прозванного «ребенком чуда» («*enfant du miracle*»). В 1830 г. эта улица была переименована в *rue du Vingt-Neuf Juillet* – в память об июльской революции 1830 г. («*Trois Glorieuses*»), символизировавшей переход власти от дома Бурбонов к его младшей ветви, Орлеанскому дому и утверждавшей, таким образом, победу младшей ветви Бурбонов – Орлеанского дома – в этом давнем династическом споре. Вновь, как мы видим, выбор объекта пе-

реименования не случаен: новое имя призвано отразить новую расстановку сил.

Смена политических режимов закреплена и в переименовании улицы *rue du Dix-Décembre*, увековечившей в своем имени память о 10 декабря 1848 г. – дне триумфальной победы на выборах Луи-Наполеона Бонапарта в качестве Президента Республики, в *rue du Quatre Septembre* (2-й), получившей свое имя в 1870 г. в честь провозглашения Третьей Республики.

Рассмотренные примеры топонимов позволяют определить эту функцию переименования как идеологическую. Новое имя находится в очевидной и намеренной оппозиции к прежнему наименованию, стремясь запечатлеть и утвердить в названиях ценности нового строя. В связи с этим переименованию подвергаются прежде всего улицы и площади, включающие в свой состав нарицательные и собственные имена, напоминающие о предшествующем политическом строе и лицах, с ним связанных.

Следующая функция переименования парижских урбанонимов определяется нами как людическая. Новые названия улиц являются результатом остроумного переосмысления их прежних наименований: так, *rue Charpentier* (6-й) превратилась в *rue Pape-Carpantier* в честь французской феминистки и педагога Мари Пап-Карпантье (Marie Pape-Carpantier); *rue la Fontaine* (16-й) – в *rue Jean-de-La-Fontaine* с обыгрыванием имени великого баснописца; название улицы *rue de la Croix* (16-й) слилось в единое целое, образовав фамилию художника-романтика и став *rue Delacroix*; *rue Bizet*, названная по имени своего владельца, в 1903 г. была переименована в честь композитора в *rue Georges-Bizet* (16-й); подобная участь постигла и *rue Bascou* (имя владельца), переименованную в 1907 г. в *rue Roger-Bascou* (17-й) в честь английского ученого, монаха XIII в., которому приписывается изобретение пороха. Во всех этих случаях остроумно обыгрывается либо имя нарицательное, трансформированное в имя собственное, либо имя собственное, изменяющее свой денотат.

Отношения языковой игры между новым и старым названиями могут быть не столь явными. Можно предположить, что по такому же принципу общности имен *rue Saint-André* была переименована в *rue André-del-Sarte* (18-й), почтив таким образом память художника эпохи Возрождения. А *rue des Gouttes-d'Or*, возможно, не случайно получила имя знаменитого шахматиста

18 в., превратившись в rue Philidor (20-й). Новое имя совпадает со старым по ритмическому рисунку (3 слога), по рифме (на – og) и по значению (эксплицитному для старого названия и потенциальному – для нового: при фонетическом осмыслении имени как *fil d'or* (золотая капля – золотые нити)).

Пожалуй, наиболее интересным и удачным примером подобного переименования служит история прежней *place d'Enfer*. Чтобы избежать неприятных ассоциаций с адом, ее переименовали в конце 19 в., дав ей имя военного, отличившегося во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. при осаде Бельфора – полковника *Denfer-Rochereau*. Под его руководством 17000 защитников Бельфора, среди которых было только 3500 военных, успешно противостояли 40-тысячной прусской армии, осаждавшей город. За это Данфер-Рошро получил прозвище «Бельфорский лев». Подобное переименования *place d'Enfer* в *place Denfer-Rochereau* (14-й) можно признать удачным во всех отношениях: как в лингвистическом (фонетически новое имя полностью включает в себя старое), так и экстралингвистическом (ассоциативная связь с адом подкрепляется входом в Катакомбы, расположенные под площадью, а память об осаде Бельфора запечатлена скульптором Бартольди в монументе, находящемся в центре площади и изображающем бельфорского льва). Такие переименования получили название «муниципального каламбура» (термин Эрика Азана [Hazan, 2002, p. 195]).

Еще одну функцию переименования топонимов можно обозначить как эвфоническую: новое имя облагораживает звучание и значение прежнего наименования, переводя ассоциации, возникающие при его восприятии, в иную плоскость: так, нынешнее название *rue Verderet* (16-й), вызывающее ассоциации с зеленью, с растительностью, является измененной формой прежнего ее имени – *rue Merderet*, вызывающего совершенно иные ассоциации [Rocheude, Т. XVI, 1910, p. 96].

Rue de l'Hôtel de Ville (4-й) носила прежде имя *rue de la Mortellerie*, т.к. она была заселена рабочими, дробившими камень для подготовки цементного раствора (*morteliers*). Во время эпидемии холеры в 1832 г. умерло 300 человек, проживавших здесь. Жители улицы, встревоженные тем, что в название их улицы входит слово *mort*, попросили о ее переименовании [Rocheude, Т. IV, 1910, p. 80].

Подводя итог, можно отметить, что основными функциями переименования топонимов в Париже являются коммеморативная, идеологическая, людическая и эвфоническая. Переименование топонимов отражает изменения, происходящие в политической, культурной и духовной сферах общества. Коммеморативная функция не предполагает тесного взаимодействия нового и старого топонимов. Идеологическая функция реализуется за счет противопоставления идеологически значимых смыслов (*rue Royale* – *rue de la Révolution*); добавлением эпитета, выражающего новый политический смысл (*place des Victoires* – *place des Victoires Nationales*) или опущением элемента, напоминающего о прежнем строе (*rue du Roi-Doré* – *rue Dorée*), при этом лингвистический аспект переименования нередко подкрепляется экстралингвистическим (появлением атрибутов и проведением акций, утверждающих новый строй).

Осуществление новым топонимом людической и эвфонической функции основано на тесном фонетическом и смысловом взаимодействии старого и нового имен, при этом новое наименование основывается либо на омофонии (*rue de la Croix* – *rue Delacroix*, *place d'Enfer* – *place Denfer-Rochereau*), либо на паронимии, оперирующей фонетическими созвучиями и смысловыми трансформациями (*rue Merderet* – *rue Verderet*).

Говоря о топонимике, нельзя, по-видимому, полностью исключать и таких функций нового имени, вызываемых к жизни архаическими пластами сознания, как функция заклинания (многократное повторение в топонимах важных идеологических понятий носит характер заклинания, долженствующего обеспечить долговечность самих этих понятий) и функция табу – стремление избежать неприятных понятий, связанных с болезнью, смертью, подземным миром (*place d'Enfer-place Denfer-Rochereau*, *rue de la Mortellerie* – *rue de l'Hôtel de Ville*), ибо – *nomen est omen*.

Список литературы

- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
 Hazan E. L'invention de Paris. Seuil, 2002.
 Marquis de Rocheude. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissements. IV-ème arrondissement. Т. IV. Paris, 1910.

Marquis de Rochegude. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissements. XVI-ème arrondissement. T. XVI. Paris, 1910.

Kuzmenko Olga Nikolaevna (Saint Petersburg, Russia)

ABOUT FUNCTIONS OF TOPONYM RENAMING (THE CASE OF PARIS TOPONYMS)

The article explores the main functions of Paris toponym renaming (commemorative, ideological, ludic and euphonic). The author also focuses on the correlation of linguistic and extralinguistic factors involved in this process.

Keywords: *toponym, commemorative function, ideological function, ludic function, euphonic function*

УДК 81'37

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННОГО ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ДЕНОТАТИВНЫХ КЛАССОВ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена межъязыковому анализу семантически осложненных образов, выполненному на материале имен некоторых одноименных денотативных классов английского и французского языков. Эстетическое значение имен денотативных классов полнее раскрывается с учетом особых поворотов в интерпретации смысловых осложнений в каждом из изучаемых языков.

Ключевые слова: *межъязыковой анализ, имя денотативного класса, эстетическое значение, художественный контекст*

В одной из своих работ В.В. Виноградов отмечал: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми смыслами... В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов, 1959, с. 230].

Имена денотативных классов в художественных текстах также реализуют не зафиксированные ни в одном из национальных словарей скрытые смыслы, которые основываются на подтекстной, глубинной информации, на сходных образах, специфически осмысленных в каждом из сопоставляемых языков. Эстетическое значение имен денотативных классов полнее раскрывается с учетом особых поворотов в интерпретации смысловых осложнений в каждом из изучаемых языков. В частности, во многих английских и французских произведениях даются описания реки. В английских источниках слово *river* развивает контекстуальное значение 'больная женщина свободного поведения': *That was the root of it, all right, that great poked whore of a river that ran by every front door in the Balkans ... (Furst)*. Указанное смысловое осложнение актуализируется посредством уподобления реки

женщине легкого поведения. Существительное *river* приобретает дополнительный оттенок значения также благодаря уточнению *that ran by every front door*, в котором описываются особенности ремесла.

Эта параллель, полагаем, уходит своими корнями в те древние времена, когда воды являлись универсальным символом плодородия, источником самой жизни, ассоциировались с образом матери. Многие известные легенды о происхождении мира говорят о том, что жизнь произошла из первородных вод, женского символа потенции [Тресиддер, 2001, с. 43, 228]. С символизмом Великой Матери и ее плодотворной силы связана распространенная в древнем мире практика храмовой проституции. Вавилон метафорически называли «великая блудница, сидящая на водах многих» [там же, с. 26]. По представлениям наших предков, вода – это опасное «чужое» пространство, принадлежащее потусторонним силам, а водные источники являются вместилищами нечистой силы, местами обитания болезней [Славянская мифология, 1995, с. 60]. Корреляция «водный источник – болезнь» в английском языке поддерживается большой группой наименований болезненных состояний, вызванных пребыванием человека на морской поверхности, а также названиями путей и средств лечения этих состояний. К ним относятся, в частности, следующие: *caisson disease, diver's disease, decompression sickness – 'a condition caused by the formation of air bubbles in the blood or body tissues as the results of a sudden lowering of pressure, as in deep-sea divers returning to the surface too fast'* [W, 1964, p. 382]. Анализируемый фрагмент интересен тем, что во второй его части слово *river* приобретает смысловые оттенки 'невеста', а затем – 'любимая': *Somewhere, surely, it was proposed, there were men and women who loved their river, were happy and peaceful upon its banks* [Furst, 1993]. Сближение образов реки и невесты фиксируется посредством глагола *propose*. Сема 'любимая' эксплицируется в предикативных компонентах *loved, were happy and peaceful*. Описываемая в произведении река – это Дунай. В восточнославянских фольклорных и обрядовых текстах Дунай выступает как образ вольной девической жизни: девица гуляет у Дуная, но прощается с ним, когда она просватана [Славянская мифология, 1995, с. 172].

Во французских контекстах слово *rivière* также развивает несколько дополнительных смысловых оттенков. Так, еще одну ин-

терпретацию получает линия 'река – женщина', в которой река ассоциируется с сестрой: *C'est par une longue série d'expériences, de ratages, de tâtonnements que Paul est arrivé a se faire une soeur de la rivière* [Couturier, 1979]. В истории культуры известны примеры, когда реку называли Божовой сестрицей [там же, с. 98].

В некоторых французских контекстах лексема *rivière* получает смысловое осложнение 'нечто таинственное, вызывающее страх': *C'était d'abord quelque chose d'assez mystérieux qui coulait devant la maison, un terrible piège a enfants don't on lui avait fait un épouvantail. Il n'avait pas peur de la nuit, mais il avait peur de la rivière* [Couturier, 1979]. Этот дополнительный смысл передается посредством слов *mystérieux, piuge, épouvantail, peur*. Река во многих культурах ассоциируется с идеями страха перед неизвестным, так как она осмыслялась как граница, разделяющая миры живых и мертвых [Тресиддер, 2001, с. 45]. Упоминание же в одном и том же предложении реки и ребенка сталкивает два противоположных символа: река является символом страха, тогда как ребенок олицетворяет природное, первородное состояние, отсутствие страха [там же, с. 304].

Художественные контексты с описаниями облаков в сопоставляемых языках сравнительно редки. В английских источниках слово *cloud* приобретает контекстуальное значение 'предвестник божественной кары': *...and He that sat on the cloud thrust His sickle on the earth and the earth was reaped* [Есо, 1984]. В основе этого образа лежит зафиксированное во внутренней форме английских фразеологизмов представление об облаке как дурном предзнаменовании: *a cloud on the horizon – 'something that is likely to spoil a situation'* [ММ, 2002, p. 258], *a cloud in one's sky (a cloud on one's happiness) – 'облачко, омрачающее чье-то счастье'* [АРФС, 1967, p. 155].

Любопытно, что в английском языке имеется структурно близкая свободному сочетанию *on the cloud* фразеологическая единица *on cloud nine*, обозначающая состояние непередаваемого блаженства [ММ, 2002, p. 258]. На наш взгляд, аллюзия на 'девятое облако / небо' как мистический символ счастья вовсе не противоречит образу облака, предвещающего кары небесные, так как во многих культурах символы блаженства и страдания совпадают [Тресиддер, 2001, с. 103–104].

Прототипом второй группы фразеологизмов английского языка является ситуация ‘расположение под облаком’. Она подразумевает описания негативных отношений или состояний, которые могут возникать между людьми в определенных ситуациях: *under a cloud – ‘with your reputation damaged because you may have done something wrong’* [ММ, 2002, р. 258], *under a cloud – ‘under suspicion, in disgrace’* [Hornby, 1983, р. 106], *under a cloud – if sb is under a cloud, other people think that they have done sth wrong and are suspicious of them* [ODEP, 1984, р. 237]. В произведении облако символизирует само присутствие бога, неутомимость его моральных законов [Тресиддер, 2001, с. 244]. Представление об облаке как символе неотвратимости наказания господня конкретизируется в этом же предложении: *...and the earth was reaped.*

В рассматриваемом текстовом пространстве в цепи ассоциаций, связанных с облаком, возникает звено *облако – колесница*. Оно реализует значение ‘власть’, свойственное лексической единице *chariot*: *...and that angel will be seen who commands all the other holy angels, and all the angels will advance together with him, seated on a chariot of clouds, filled with joy...* [Есо, 1984]. Колесница – динамичный властный символ, используемый для иллюстрации могущества богов, героев или аллегорических фигур. Символизм колесницы, вероятно, связан с потрясающей воображение мощью боевых колесниц Центральной Азии, с которыми Запад познакомился во II тысячелетии до н.э. [Тресиддер, 2001, с. 153–155].

При анализе внутритекстовых связей у слова *cloud* выявляется дополнительное значение ‘непрерывность жизни’, актуализирующееся в описаниях этапов человеческой истории, движение которой невозможно остановить: *Human history proceeds with a motion that cannot be arrested, from the creation through the redemption, toward the return of Christ triumphant, who will appear seated on a cloud to judge the quick and the dead...* [Есо, 1984]. Значение ‘непрерывность жизни’ в системе обыденного английского языка поддерживается такими фразеологизмами, как *every cloud has a silver lining – ‘every sad or difficult situation has a positive side’* [ММ, 2002, р. 158], *‘every cloud has a silver lining used for saying that something good usually comes out of a bad situation’* [Hornby, 1983, р. 96], *if there were no clouds, we should not enjoy the sun – ‘если бы не было туч, мы бы не ценили солнца’* [АРФС, 1967, р. 155].

Во французских источниках также фиксируется смысловая связь ‘облако – власть’ и ‘облако – колесница’: *...formant, pas-sager céleste au milieu des enfants et des bonnes, un petit nuage d’une couleur précieuse, pareil a celui qui, bombé au-dessus d’un beau jardin du Poussin, reflète minutieusement, comme un nuage d’opéra plein de chevaux et de chars, quelque apparition de la vie des dieux...* (Proust). Смысловое осложнение слова *nuage* возникает благодаря использованию существительных *des dieux* и *chars*. Вместе с тем, в отличие от английского языка, сравнение облака с оперной декорацией, изображающей лошадей и колесницы, а также включение в денотативную ситуацию детей и их бонн, воссоздает, скорее, атмосферу детского праздника, а не величественные картины явления всемогущих богов. Как следствие, яркие в английском языке семы ‘божественная кара’ и ‘власть’ во французском слове *nuage* затухают, и данная лексическая единица приобретает значение ‘несерьезность, театральность, искусственность’.

В большинстве английских и французских контекстов семантическое осложнение слов *wind / vent* происходит вследствие того, что традиционно образ ветра ориентирован на его зрительное и слуховое представление. Ветер рисуется как космическое дыхание, оживший дух, чье воздействие можно увидеть и услышать, но который сам остается невидимым [Тресиддер, 2001, с. 39]. Действительно, увидеть движение воздушных масс очень трудно, вероятно, поэтому ветер часто персонифицируется: на древних картах он изображался в виде голов с раздутыми щеками [там же, с. 40]. В художественных произведениях традиционными атрибутами ветра являются крылья, обозначающие легкость, скорость, свободное парение, а также зубы, с древности символизирующие агрессию и защитные силы [там же, с. 124, 293]. Вместе с тем у английских авторов персонифицированный образ ветра дополняется руками и ногами: *When they went the strong winds and persistent rains took the matter in hand* [Grahame, 1981], *As they stared blankly, in dumb misery deepening as they slowly realized all they had seen and all had lost, a capricious little breeze, dancing up from the surface of the water...* [Bragg, 1979]. Смысловое осложнение слова *wind* фиксируется внутренней формой фразеологизма *take in hand* и глаголом *dance up*. Во французских художественных произведениях имеются описания черт характера ветра: *Cet hiver s’annonçait par des aurores interminable*

aux couleurs criardes et par un vent pourri, mais furieux, qui venait de l'Ouest; un vent qui ne cessait ni nuit ni jour, un vent obsédant, obstiné, stupide... [Conteurs, 1981]. Скрытый семантический компонент 'черта характера' актуализируется в прилагательных *obsédant, obstiné, stupide*.

Разнообразны в английских и французских источниках звуковые характеристики ветра. Они эксплицируются как посредством лексики, содержащей сему 'звук', так и с помощью слов, обозначающих способность слышать: *...and a light breeze sprang up and set the reeds and bulrushes rustling. Rat, who was in the stern of the boat, while Mole sculled, sat up suddenly and listened with a passionate intentness (Grahame), Le vent, dans la journée, s'était assourdi; sa grande voix plaintive et brutale était devenue un murmure étouffé, maladif, spongieux* [Conteurs, 1981].

Традиционное для мировой культуры осмысление ветра как провозвестника изменений обуславливает использование в английских и французских контекстах образов ветра при описании жизненно значимых для персонажей событий: *... (a little breeze) tossed the aspens, shook the dewy roses, and blew lightly and caressingly in their faces; and with its soft touch came instant oblivion* [Grahame, 1981].

Наблюдения свидетельствуют о том, что в английских и французских художественных произведениях семантическое осложнение лексем *rain* и *pluie* реализуется, как правило, в контекстуальных связях. При этом в английских источниках дождь часто становится синонимом печали и уныния, передавая болезненную атмосферу тревоги, неблагополучия, которая царит в душах главных героев и шире – в обществе: *Blue rain slanted against the building facades and water streamed down the gutters, the parks smelled of earth when the sun came out for a moment Alexandra took her entire two-week salary off to the pawn shop and emerged with a radio that worked, like a bad mule, if you beat it. The radio stations competed with one another to intensify the seasonal torment, sending out the saddest songs imaginable from Piaf and the café singers. Meanwhile, the city's deep political malaise, its sense of doom, was now conjoined with the pangs of April and some were overheard to call this time «our final spring»* [Furst, 1993]. Осложнение эстетического значения слова *rain* в обыденном английском языке поддерживается внутренней формой и / или зна-

чением многих фразеологизмов: *Three things drive a man out of his house – smoke, rain, and a scolding wife (ODEP'84, 817), He is no good swain that lets his journey for the rain (ODEP'84, 791), To lay by for a rainy day* [Гварджаладзе, 1971, с. 27].

В целом ряде только английских контекстов лексема *rain* развивает смысловой оттенок 'цвет': *Outside it is raining greyly, with a persistent dreariness* [Aldington, 1967]. Во всех примерах картотеки цвет дождя связан с мотивами смирения, безразличия, со смертью или отречением.

Во французских контекстах дождь нередко интерпретируется как знак обновления, спокойствия, беззаботности и умиротворения: *Sur les feuilles nouvellettes s'égreñaient les gouttellettes d'une petite pluie bénie, pleurs du printemps, qui se taisaient quelques moments, puis reprenaient tranquillement. Dans les futailles, un écureuil amoureux miaulait. Dans les près, les oies jabotaient. Les merles s'en donnaient à gorge que veut-tu et la petite serrurière faisait son: «tiliput»...* [Rolland, 1980].

Итак, семантическое поведение слова на текстовом пространстве всего художественного произведения изменяется, осуществляется актуализация скрытых смыслов лексем, создающих новое видение мира и его оценку, возникают смысловые наращения. Семантические модификации в разных языках основываются на сходных общечеловеческих образах, но специфически актуализируются в каждой из изучаемых лингвокультур, ибо в художественном образе «относительное неотделимо от вечного, личное от надличностного» [Борев, 2003, с. 523].

Список литературы

- Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003.
- Вайян-Кутюрье П. Детство (на франц. яз.). М., 1979. (Couturier)
- Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы. М., 1959.
- Гварджаладзе И.С., Мchedlishvili Д.И. Английские пословицы и поговорки. М., 1971.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: В 2 т. – изд. 3-е, испр. М., 1967. (АРФС)

- Славянская мифология. М., 1995.
 Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.
 Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. М., 1983. (Hornby)
 Aldington R. Short stories. Moscow, 1967.
 Bragg M. The hired man. Moscow, 1979.
 Conteurs français du XX-e siècle: 1945–1977. Moscow, 1981. (Conteurs)
 Eco U. The name of the rose. London, 1984.
 Furst A. Night soldiers. London, 1993.
 Grahame K. The wind in the willows. Moscow, 1981.
 Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002. (MM)
 Rolland R. Colas Breugnon. Kiev, 1980.
 The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford, 1984. (ODEP)
 Webster's New World Dictionary. Cleveland and New York, 1964. (W)

Nifanova Tatyana Sergeevna (Severodvinsk, Russia)

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTICALLY
 COMPLICATED IMAGE (ON THE MATERIAL OF NAMES
 OF DENOTATIVE CLASSES IN ENGLISH AND FRENCH)**

The article is a comparative analysis of semantically complicated images on the material of names of some denotative classes in English and French. The aesthetic meaning of names of denotative classes becomes clearer if one takes into consideration possible changes in interpretation of semantic complications in each language.

Keywords: comparative analysis, name of a denotative class, aesthetic meaning, belles-lettres text

УДК 811.112.2

А.А. Оладышкина (Нижний Новгород, Россия)

**РАСХОЖДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОМ РОДЕ ИМЁН
 СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВЕНСКОМ УРБАНОЛЕКТЕ,
 АВСТРИЙСКОМ И СОБСТВЕННО НЕМЕЦКОМ ВАРИАНТАХ
 НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

В статье анализируются расхождения в грамматическом роде имён существительных в различных формах существования современного немецкого языка: венском урбанолекте, австрийском и общенемецком литературном языке. Результаты опроса носителей языка, подробно рассмотренные в работе, иллюстрируют процесс выравнивания диалектов и развития наддиалектной формации.

Ключевые слова: австрийский вариант немецкого языка, венский урбанолект, имя существительное, грамматический род

Национальный вариант языка зачастую привлекает внимание исследователей своей лексической системой, что легко объясняется и большим количеством уже существующих национально и территориально маркированных вариантов слов, и творческим потенциалом языка. Однако грамматический строй, хотя и не обнаруживающий столь значительных различий в инвентаре и наборе единиц, также представляет исследовательский интерес, поскольку «речь идёт о распределении и варьировании структурных типов морфологического и синтаксического уровней» [Домашнев, 1967, с. 113].

Лингвистическая характеристика расхождений в грамматическом роде существительных. Хорошо известно, что расхождения в грамматическом роде существительных наблюдаются между австрийским и общенемецким вариантами современного немецкого языка (СНЯ). Так, например, *Marzipan* (марципан) – слово мужского рода в литературном языке Австрии, но в немецком и швейцарском стандартах – среднего; *Keks* (кекс) среднего рода в Австрии, но мужского в других нормах. Колебания в определении грамматического рода между национальными вариантами языка были многократно исследованы, например, в монографиях А.И. Домашнева [там же, с. 113–119; Домашнев, 2005, с. 107–111], а также в словаре вариантов СНЯ [Variantenwörterbuch, 2004, S. LXIII–LXXI].

Однако с точки зрения социолингвистики СНЯ представлен несколькими формами существования: его основными формациями можно назвать литературный язык и территориальные местные диалекты – это два предела иерархии диатопических образований СНЯ. Локально маркированные варианты обнаруживаются не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. Особый интерес представляют среди прочего, существительные, имеющие отклонения в роде не на уровне национальных вариантов, но и на уровне разных форм существования СНЯ в Австрии. В вариантологических словарях зафиксированы расхождения между диалектной и литературной формациями в грамматическом роде ряда слов. Здесь мы можем выделить несколько групп существительных.

Для некоторых существительных общенемецкая норма устанавливает один грамматический род, однако в венском урбанолекте наблюдаются отличия.

	<i>общенемецкая норма</i>	<i>венский урбанолект</i>
<i>Monat (месяц)</i>	<i>der</i>	<i>das</i>
<i>Fräulein (девушка)</i>	<i>das</i>	<i>die</i>
<i>Gas (газ)</i>	<i>das</i>	<i>die</i>
<i>Butter (масло)</i>	<i>die</i>	<i>der</i>

Подобные особенности отмечаются также и внутри австрийского варианта СНЯ. Слова, существующие только в данном национальном варианте, функционируют в австрийском литературном стандарте и венском диалекте как существительные с разным грамматическим родом.

	<i>австрийская норма</i>	<i>венский урбанолект</i>
<i>Gschnas (карнавал)</i>	<i>das</i>	<i>der</i>
<i>Knödel (клёцки)</i>	<i>der</i>	<i>das</i>

Так, например, существительное *Joghurt* (йогурт) имеет несоответствие в роде не только на уровне национальных вариантов (в Австрии *das*, в Германии *der*), но и на уровне диатопических формаций: в диалектном употреблении в венском урбанолекте слову *Joghurt* приписывается принадлежность к женскому роду (*die*).

Расхождения в грамматическом роде существительных зачастую могут быть объяснены сложностью процесса ассимиляции заимствованных слов, например, слово *Queue* (от французского *la queue* – кий), мужского рода в диалектном употреблении и

среднего – в общенемецком. Эволюционный характер изменения грамматического строя языка находит своё отражение в существительном *Schinke* (п, ветчина): в древневерхненемецком у него отмечалось колебание в грамматическом роде: *den scinco* или *die scinca*. Подобное расхождение фиксируется в современном венском диалектном употреблении *die Schinke*, противопоставленном общенемецкому *der Schinken*.

Зачастую расхождения в роде имён существительных связаны с развитием в диалекте нового значения слова.

die Fahne (gemeindt. – флаг) der Fähn в значении Rausch (опьянение)

der Mensch (gemeindt – человек.) das Mensch в знач. Mädchen (девушка)

das Raunzen (österr. – жалоба) die Raunzen в знач. Trauerweide (ива)

Отклонение в роде существительных внутри австрийского варианта СНЯ может быть также обусловлено изменением морфологической структуры слова на диалектном уровне венского урбанолекта. Например, существительные женского рода, оканчивающиеся на -e, теряют это окончание и соответственно меняют род:

die Petersilie (gemeindt. – петрушка) – der Petersil / der Peta-sü (Wien)

die Ratte (gemeindt. – крыса) – der Ratt / der Razz (Wien)

die Fahne (gemeindt. – флаг) – der Fehn (Wien)

Существительные, к которым прибавляется «венский уменьшительно-ласкательный суффикс» -al/-l, изменяют свой род на средний и функционируют в такой форме на диалектном уровне венского урбанолекта:

die Handtasche (gemeindt. – сумка) – das Händtaschl (Wien)

der Rand (gemeindt. – край) – das Randl (Wien)

der Stand (gemeindt. – стойка) – das Schtandl (Wien)

Особый интерес представляют единицы с расхождением в грамматическом роде, вышедшие за рамки узколокального, местного диалектного употребления. Особенно актуально это явление для урбанолекта, поскольку город – центр языковой иррадиации. В областных обиходно-разговорных языках выделяются региональные варианты, сложившиеся под влиянием городского центра. Так, единицы венского урбанолекта становятся частью

восточноавстрийского областного обиходно-разговорного языка. Этот процесс обычно фиксируется в словарях пометой Aost (bes. Wien), ostösterr. (bes. Wien):

Soda, das, ostösterr, bes. Wien – die (газированная вода)

Cottage, das, Aost (W) das, die (коттедж)

Отдельные слова вышли за рамки городского употребления и стали общеавстрийскими, однако по-прежнему соотносятся с городским полудиалектом. В словарях такие единицы получают помету цsterr. (bes. Wien):

Pik, das, österr, bes. Wien – die (нуку)

Pyjama, der, österr., bes. Wien – das (пижама)

Таким образом, в системе форм существования австрийского национального варианта СНЯ обнаруживаются грамматические варианты, зависящие от территориальной маркированности единицы: общенемецкому или австрийскому употреблению может быть противопоставлен венский городской узус.

Экспериментальные социолингвистические данные по определению рода существительных. В результате интеграции языковых процессов происходит выравнивание диалектов, и формируются наддиалектные формы языка. Тесная бытовая спайка в рамках города обуславливает и языковую ассимиляцию, и возникновение своеобразных для данного коллектива типов речи [Ларин, 1977, с. 181]. В частности, формированию наддиалектных образований способствуют мобильность населения и средства массовой информации. Поэтому зафиксированные в словарях нормы диалектов и наддиалектных форм языка соответствуют действительности лишь непродолжительное время. В связи с этим представляется крайне актуальным изучение реального выбора носителей языка в ситуациях колебания грамматического рода существительных. Подобное исследование может выявить постепенную трансформацию диалектов в наддиалектную форму языка.

Нами было проведено анкетирование носителей венской городской разновидности языка. Было выбрано 8 слов, принадлежащих выделенным ранее группам расхождений грамматического рода:

1) *Polster* (подушка): несоответствие рода существительного в общенемецком и австрийском литературном языке;

2) *Radio* (радио),

3) *Gas* (газ),

4) *Teller* (тарелка): во всех трёх словах – несоответствие рода существительного в общенемецком литературном языке и венском диалекте;

5) *Knödel* (клёцки): несоответствие рода существительного в австрийском литературном языке и венском диалекте;

6) *Joghurt* (йогурт): несоответствие рода существительного в немецком и австрийском литературном языке и в венском диалекте;

7) *Soda* (газированная вода): несоответствие рода существительного в общенемецком литературном языке и восточноавстрийском областном обиходно-разговорном языке (слово, вышедшее за рамки диалектного городского употребления);

8) *Pyjama* (пижама): несоответствие рода существительного в общенемецком и австрийском литературном языке: (слово, вышедшее за рамки диалектного городского употребления).

В опросе приняли участие 68 жителей Вены. В анкете информанты должны были выбрать один из вариантов ответа – подходящий артикль к каждому из существительных. Рассмотрим результаты опроса для каждой группы расхождений грамматического рода:

1) *Polster*

97% информантов употребляют это слово в форме мужского рода (*der Polster*), то есть предпочитают австрийский стандарт, а не общенемецкий вариант *das Polster* (3%).

2) *Radio*

62% опрошенных предпочитают вариант *das Radio* (средний род), который является общенемецким, однако 38% останавливаются на маркированном венском варианте.

3) *Gas*

100% информантов выбирают общенемецкую литературную форму *das Gas*.

4) *Teller*

81% опрошенных употребляют вариант *der Teller*, являющийся общенемецким. 19% предпочитают венский маркированный вариант *das Teller*.

6) *Knödel*

69% говорят об австрийском стандарте – форме мужского рода (*der Knödel*), 18% выбирают диалектно маркированный ва-

риант среднего рода (das Knödel). 13% чаще всего используют существительное в форме множественного числа.

7) Joghurt

93% предпочитают австрийский литературный вариант (das Joghurt), 6% – немецкий литературный и 1% – венский диалектный.

8) Soda

96% используют в речи общенемецкий литературный вариант (das Soda), 4% – восточноавстрийский (die Soda).

9) Pujama

94% выбирают общенемецкую форму der Pujama, 6% – австрийскую das Pujama.

Данные опроса иллюстрируют тенденцию к интеграции языковых процессов в рамках города: почти в 90% случаев предпочтение отдаётся единицам, принадлежащим к общенемецкому или австрийскому литературному языку: *der Polster, der Knödel, das Joghurt (österreich.), das Radio, der Teller, der Pujama (gemeindt.)*. Только 10% от общего числа ответов приходится на диалектно маркированные формы, как, например, слово Gas, которое, по видимому, практически полностью утратило свой диалектный венский вариант.

Таким образом, формируется наддиалектная форма языка, образованная на базе местного диалекта и являющаяся переходной формой в процессе интеграции литературного языка и диалекта. Местный диалект вытесняется, а при переходе на более высокий уровень диалектного измерения теряются первичные диалектные признаки. На грамматическом уровне диалектные элементы в большинстве своём заменяются литературными вариантами. Это означает, что в структуре венского городского языка (на грамматическом уровне) ядром будет не местный диалект, а обиходно-разговорные языки, более приближенные к австрийскому стандарту. Интересным направлением дальнейших исследований представляется пополнение данных об актуальном состоянии наддиалектных форм на основе социолингвистических опросов. Отдельного изучения требует корреляция избираемых грамматических, лексических и фонетических вариантов и языковой идентификацией информантов.

Список литературы

Домашнев А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.

Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб., 2005. С. 31–212.

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М., 1977. С. 175–189.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, 2011.

Ebner J. Duden “Wie sagt man in Österreich?": Wörterbuch d. österr. Besonderheiten. Mannheim, Wien, Zürich, 1980.

Langenscheidt Lilliput Wienerisch. Berlin, München, 2011.

Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ost-Belgien und Südtirol. Berlin, New York, 2004.

Wehle P. Sprechen Sie Wienerisch? Von Adaxl bis Zwutschkerl. Wien, 2012.

Oladyshkina Anastasia Alekseevna (Nizhny Novgorod, Russia)

GRAMMATICAL GENDER SHIFTS IN VIENNESE URBANOLECT AND AUSTRIAN GERMAN

Grammatical gender differences among forms of modern German such as the Viennese urbanlect, Austrian and German standards are analyzed. Native speakers interview results illustrate the process of dialect levelling and developing of over-dialectal language forms.

Keywords: *Austrian German, the Viennese urbanlect, grammatical gender of nouns*

УДК 811.111

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

ИДИОМА КАК МЕХАНИЗМ ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ (ONCE IN A BLUE MOON)

В статье предлагается анализ идиомы *once in a blue moon* с помощью метода, ориентированного на выявление иносказательно-оценочного потенциала словосочетания, обусловленного отсутствием какого-либо переосмысления, приписываемого фразеологизмам в традиционной теории.

Ключевые слова: идиома, фразеологическая единица, контекст, дефиниция, иносказательно-оценочный потенциал

Вопрос о семантической природе фразеологических единиц в последнее время снова становится объектом внимания исследователей в связи со все более усиливающейся тенденцией к отходу от трактовки идиом как переосмысленных словосочетаний, значение которых невыводимо из значения компонентов, между которыми не существуют синтаксические связи [Burger, 2007; Omazic, 2008; Philip, 2008; Piirainen, 2008]. В данной статье мы попытаемся представить анализ традиционно выделяемой идиомы *once in a blue moon* в контексте наметившейся тенденции отхода от традиционного лексикологического взгляда на идиомы как на особый элемент словарного фонда.

Идиома *once in a blue moon* выделяется практически во всех лексикографических источниках, при этом подчеркивается как бы переосмысленное содержание этого сочетания, не связанное со значением составляющих его слов: “If you say that something happens **once in a blue moon**, you are emphasizing that it does not happen very often at all” [Collins Cobuild, 2006]. Большой интерес представляют развернутые определения этой идиомы в специальных словарях идиом, поскольку в них сразу очевидными становятся проблемы с трактовкой значения этого словосочетания: “Rarely, once in a very long time, as in *We only see our daughter once in a blue moon*. This term is something of a misnomer, because an actual blue moon – that is, the appearance of a second full moon in the same calendar month – occurs every 32 months or so. Further, the moon can appear blue in color at any time, depending on weather

conditions. [Early 1800s.] [Ammer, 2003]. Данное определение содержит в себе несколько противоречивых утверждений. Во-первых, интересна характеристика этой идиомы как неточного или ошибочного по содержанию словосочетания (*is something of a misnomer*). По мнению лексикографа, ошибочность употребления состоит в том, что в действительности данное явление наблюдается регулярно (*an actual blue moon occurs every 32 months or so*). При этом, из предлагаемой дефиниции следует, что идиоматический характер словосочетания *once in a blue moon* обусловлен тем, что *a blue moon* обозначает появление второй полной луны в течение одного месяца, что никак нельзя вывести из природы значения слова *blue*. Вместе с тем, следующее предложение в определении делает эту словарную статью еще более странной: автор утверждает, что синяя по цвету луна может наблюдаться в любое время (*the moon can appear blue in color at any time*), то есть, что синяя луна – это заурядное, почти повседневное явление. Как видим, лексикографические пояснения оказываются весьма противоречивыми: с одной стороны, предлагается рассматривать эту идиому как неправильное использование астрономического термина (причем причина такой естественной для английского языка ошибки никак не оговаривается), с другой же стороны, эта же фраза связана с возможностью регулярно наблюдать синюю луну на небе.

Мы попытаемся продемонстрировать то, что противоречия данной трактовки связаны с принимаемым на веру по умолчанию положением об обязательной семантической переосмысленности идиом и некорректным обращением с этимологическими данными.

В обоих словарях подчеркивается элемент значения, связанный с чем-то редким и необычным, который в словаре идиом охарактеризован как ошибка (*does not happen very often at all; rarely, once in a very long time*). При этом, ирония, присущая контекстам, в словарях никак не оговаривается. Пример из словаря идиом *We only see our daughter once in a blue moon* следует рассматривать как элемент высказывания, главная цель которого не сообщить о больших временных перерывах между встречами, а выразить ироническую оценку неестественности данной ситуации. Чтобы показать, что это так, необходимо обратиться к более широким контекстам с подобного рода словесными после-

довательностями. Вот характерный пример: “*Grandparents visit my son once in a blue moon?*”

My mother is behind it all, I am sure. After I turned my back on my sister and her abusive marriage I found someone to love and we had a son. My mother seemed to want nothing more than to push me and my sister’s sad, bullying husband together so that I would be (as I once was) his only friend. Now I have a son and my mother never sees him, never phones about him, never does anything about him. Once in a blue moon my mum and dad will WANT to see their grandson. It’s usually when a relative is visiting (so they won’t seem neglectful)”

[<http://uk.answers.yahoo.com/question/indexqid=20070601012021AAXG01X>].

Автор данного отрывка описывает неприемлемую с ее точки зрения ситуацию, обусловленную напряженными отношениями между ней и старшим поколением в семье (*my mum and dad*). Автор обвиняет своих родителей в манипулятивности и бесчувственности, а если они вдруг проявляют желание увидеть внука, то автор утверждает, что это лицемерное, показное поведение для того, чтобы произвести впечатление на гостящего родственника. Словосочетание *once in a blue moon* дважды появляется в этом отрывке и задает тон иронического осуждения поведения родителей.

Еще один типичный пример расширенного контекста четко подтверждает роль *once in a blue moon* как средства формирования иронической оценки ситуации: “*When was the last time your media ever told you the truth about sexual sin? ... No one in the movies gets herpes or AIDS when they jump into bed with their fun current partner of the moment. ... Only once in a blue moon will you ever see what a “Kramer vs. Kramer” divorce does to a child and to both parents.*” [www.goodmorals.org/pratney.htm]. В этом отрывке автор также описывает неприемлемую с моральной точки зрения ситуацию с изображением интимных связей в американском кино. Словосочетание передает авторское недоверие к моральным стандартам, продвигаемым голливудской продукцией. Четкая ироническая оценка, вводимая словосочетанием в структуру высказывания, нуждается в объяснении, поскольку словари ее игнорируют, предлагая считать содержанием рассматриваемого словосочетания наречный элемент типа *very rarely*.

В ряде источников при обязательном сохранении функции иронической оценки данного сочетания осуществляются попытки как-то обосновать его значимость. Вот отрывок из статьи, иронически описывающей неудачу бейсбольной команды *The LA Dodgers*. Статья озаглавлена “Blue Moon for Blue Dodgers”: “*Not even in a blue moon can the Dodgers get a win against an NL West team. The Dodgers came from behind to tie the game in the sixth but lost it in the 11th inning 4–3 to the Arizona Diamondbacks.*” *“We’re all frustrated trying to win games,” manager Don Mattingly said after the game. “We’re in a pennant race. There’s frustration from needing to do that.”*

Mattingly added later, “Each loss is a stinger. You can’t get away from that at this time of the year.” *Yf they say the mone is blewe We must believe that it is true.*

This is allegedly the first known utterance of the “blue moon” in a 1528 poem “Rede Me and Be Not Wroth” according to various sources on the interweb. Most people know the phrase blue moon from the various covers of the Richard Rodgers (of Rodgers and Hammerstein fame) and Lorenz Hart song written in 1934. The song gives thanks to the blue moon, the luck of the stars, for seeing the desperation of the singer and sending the singer a love. The blue moon certainly saw the Dodgers without a win in their ledger. Certainly the blue moon heard the prayers, but it came through with nothing.”

[http://laist.com/2012/08/31/blue_moon_for_blue_dodgers.php].

В данном тексте сочетание *blue moon* явно используется как ключевой элемент для введения в текст иронии по поводу потенциала команды. Здесь следует выделить два интересных момента. Во-первых, упоминается критический памфлет 1528 года, в котором вариант сочетания *blue moon (the mone is blewe)* используется для высмеивания несостоятельности утверждений католических богословов. Вот как комментирует эту фразу Википедия: “The earliest recorded English usage of the term blue moon is found in an anti-clerical pamphlet (attacking the Roman clergy, and cardinal Thomas Wolsey in particular) by two converted Greenwich friars, William Roy and Jerome Barlow, published in 1528 under the title Rede me and be nott wrothe, for I say no thyng but trothe. The relevant passage reads:

O churche men are wyly foxes [...] Yf they say the mone is blewe / We must beleve that it is true / Admittyng their interpretacion. (ed. Arber 1871 p. 114)

It is not clear from the context that this refers to intercalation; the context of the passage is a dialogue between two priest's servants, spoken by the character «Jeffrey» (a breve dialogue between two preste's servauntis, named Watkyn and Ieffraye). The intention may simply be that Jeffrey makes an absurd statement, «the moon is blue», to make the point that priests require laymen to believe in statements even if they are patently false.” [http://en.wikipedia.org/wiki/Blue_moon]. В данном комментарии показательно то, что автор реагирует на иронический потенциал словосочетания и при этом затрудняется четко связать его с астрономическим термином *blue moon*, отмечая, что связь с фазами луны в контексте четко не прослеживается. Во-вторых, статья о неудачливой бейсбольной команде упоминает текст романтической песни *Blue Moon* как ассоциативную базу для иронического использования словосочетания. В этой песне лирический герой описывает ночной пейзаж, связанный с романтическим любовным томлением (*blue moon, you saw me standin' alone ... / Blue moon, you knew just what I was there for/You heard me sayin' a prayer for.../ And then there suddenly appeared before me/The only one my arms will hold.../And when I looked, the moon had turned to gold* [http://www.bluesforpeace.com/lyrics/blue-moon.htm]). Очевидно, что в этом тексте словосочетание никак не связано с астрономическими терминами, а смена цвета луны в структуре ситуации (*blue/gold*) мотивирована семантическим потенциалом этих двух прилагательных. О том, что прилагательное *blue* воспринимается в составе идиомы без какого-либо переосмысления, свидетельствует и заголовок статьи, который подчеркивает ключевую роль *blue moon* в формировании иронической оценки в тексте.

О том, что особый цвет луны (*blue moon*) обладает устойчивыми ассоциациями с ситуацией романтического томления, которое выходит за рамки обыденности и представляет собой что-то чрезвычайно редкое в человеческой жизни, свидетельствует регулярность контекстов такого рода: “*As we end this year, we go to bed with this thought entrenched under the glow of the pink sky and the blue moon rising,*” [LET'S RECLAIM GOA.; http://www.thegoan.net]; “*mastererclass Moonlight becomes you Once in a blue moon... By the*

light of the silvery moon... Moonlight becomes you... especially in June the romantic month Last year I wrote about moonlight colours but mostly about June roses. This year I've been thinking about the many faces of the moon and the wonderfully romantic and lovely patterns you can achieve with the moon as your theme, whether it's a slender crescent or full harvest, hunter's or honey moon. A simple full circular moon makes a great decoration, equally effective knitted” [корпус СОСА, отрывок из пособия по вязанию]; “*On a hot summer night I started to swoon taken in by your eyes beneath the light of a silvery blue moon*” [http://www.creative-poems.com/poem.php?id=237057].

Таким образом, рассматриваемое словосочетание является элементом, маркирующим иносказательный (архетипический) пейзаж, представляющий особое напряженное эмоциональное переживание, связанное с романтическим томлением. Данные базовые контексты позволяют нам объяснить причину возникновения иронии при использовании *once in a blue moon*. Она обусловлена несовместимостью банальных или нежелательных элементов ситуации, о которых идет речь (*visiting your grandson; feeling frustrated trying to win games and losing; etc.*) и ассоциативной базы, маркированной словосочетанием. Контраст оценочного потенциала контекста и ассоциативного фона словосочетания является основанием для использования данного словосочетания в рассмотренных нами выше контекстах. Именно стабильная ассоциативная связь *the blue moon* с романтизированным пейзажем обеспечивает формирование иронической оценки всей ситуации, представляя ее как абсурдную. Словарные дефиниции, исходящие из положения о переосмысленности фразеологических единиц, не могут выявить и описать эту закономерность.

О том, что данные ассоциации реально существуют в сознании носителей языка и являются актуальными для сочетания *once in a blue moon*, свидетельствует и та легкость, с которой в публицистических текстах происходит развертывание потенциала данного сочетания именно как элемента романтического пейзажа (например, статья о бейсбольной команде, рассмотренная нами выше). Наконец, наши наблюдения позволяют нам предположить, что и использование *blue moon* для обозначения определенного случая полнолуния является не источником возникновения идиомы на основе ошибки, как это трактует словарь, а представляет собой

сложное слово, мотивированное иносказательно-оценочным потенциалом словосочетания *blue moon* как элемента архетипического пейзажа-переживания. Ведь именно самый редкий случай полнолуния обозначается этим словосочетанием. Основным признаком сложного слова как метонимического образования, мотивированного идиоматическим элементом и утратившего при этом оценочную выразительность, является узкий тип контекста, для которого такое словоупотребление возможно. Отметим при этом, что даже в случае использования этого элемента как сложного слова в публицистике в его ближайшем окружении естественно разворачивание иносказательно-выразительного потенциала мотивирующего словосочетания: «*This Friday, Aug. 31, might not be all that much fun for you, especially if you're someone who vows to only do obligatory tasks once in a blue moon. Then again, if you're a believer that good luck comes your way only once in a blue moon, Friday might be just the day you've been waiting for. The fact is, for the first time since March 2010, we'll gaze upon a blue moon this Friday, illustrating just how long that fabled stretch of time really is: almost 30 months. After Friday, you'll have to wait another 36 months – until July 2015 – for the next one. So, it's time to loosen up Friday and do all those things you say you do "once in a blue moon."*» [www.newsfeed.time.com]. Как видим, в данном отрывке явление редкого полнолуния (*gaze upon a blue moon*) представляется в неразрывной связи с ироническим использованием идиомы, которое для всего контекста является более значимым, чем просто упоминание факта второго полнолуния. Само явление в результате использования идиоматического словосочетания рядом с омонимичным сложным словом представляется не просто как регулярное астрономическое событие, а как долгожданное таинство (*the day you have been waiting for; that fabled stretch of time; it is time to loosen up*), наполненное необъяснимой привлекательностью. Иначе говоря, статья как бы оживляет мотивированность сложного слова, выводя его из выразительного потенциала самой идиомы, который связан именно с отсутствием какого-либо переосмысления ее компонентов.

Таким образом, мы постарались продемонстрировать то, что идиома *once in a blue moon* функционирует в английском языке не как устойчивое переосмысленное словосочетание, а как маркер иносказательного пейзажа-архетипа, в котором цвет полной

луны соответствует состоянию романтического томления и предвкушения чего-то редкостного и чудесного. Иносказательная роль словесной модели-источника (ночной пейзаж с полной лунной холодной серебристо-синего цвета) определяется корневыми значениями всех слов, которые его составляют. Именно поэтому *blue moon* регулярно встречается в лирических текстах и в художественных нарративах, посвященных вампирам и оборотням. Словосочетание *once in a blue moon* выступает как идиома в контекстах, в которых оно используется как средство иронического контраста между маркированной словесной моделью-источником и собственно ситуацией в тексте. Носители языка используют данное словосочетание как идиому, т.е. как средство иносказательной оценки, в случаях, когда проблема, о которой идет речь в тексте, представляется автору недопустимо банальной и заслуживающей презрения. Данная оценка возникает на основе несовместимости эмоционально-экспрессивного потенциала пейзажа-архетипа и сущности проблемной ситуации, о которой идет речь.

Список литературы

- Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, NY, 2003.
- Burger H. Semantic aspects of phrasemes // *Phraseology: An international handbook of contemporary research*: 2 vols. Vol. 1. Berlin, 2007. P. 90–109.
- Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow, 2006.
- Omazic M. Processing of idioms and idiom modifications. A view from cognitive linguistics // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam, 2008. P. 67–79.
- Philip G. Reassessing the canon: Fixed phrases in general reference corpora // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam, 2008. P. 95–108.
- Piirainen E. Figurative phraseology and culture // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam, 2008. P. 207–228.

Электронные источники

Corpus of Contemporary American English (COCA): [сайт]. URL: <http://corpus.byu.edu> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://en.wikipedia.org> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://laist.com> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://uk.answers.yahoo.com> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://www.bluesforpeace.com> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://www.creative-poems.com> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://www.goodmorals.org> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://www.newsfeed.time.com> / (дата обращения: 01.02.2014).
<http://www.thegoan.net> / (дата обращения: 01.02.2014).

Tolochin Igor Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

**AN IDIOM AS A LANGUAGE TOOL FOR FIGURATIVE
EVALUATION (ONCE IN A BLUE MOON)**

The article analyses the idiom *once in a blue moon* on the basis of a method that helps to establish the figurative evaluative potential of the phrase in utterances and proves that this potential is grounded in the individual meanings of the words constituting the idiom as a compositional phrase.

Keywords: idiom, phraseological unit, context, definition, figurative evaluative potential

**ЯЗЫК И ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ:
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА**

УДК 802.0-25

О.А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

**НАБЛЮДАЕМОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК
СЕМАНТИКИ БЕЗЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье рассматривается когнитивно-прагматический фактор «наблюдатель», являющийся основой актуализации в речи т.н. безличных структур. Актуализация свойства наблюдаемости исследуется на материале безличных предложений, описывающих физические состояния окружения человека, физические состояния организма человека, а также пространственно-временные параметры описываемого события.

Ключевые слова: наблюдаемость, наблюдатель, безличное предложение, феноменологическое знание, структуральное знание

Исследование средств языковой актуализации категории перцептивности, наблюдаемости, категории «наблюдатель» в лингвистике получило освещение в работах ряда лингвистов, в частности, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Г.И. Кустовой, Ю.А. Пупынина, А.В. Бондарко [Арутюнова, 1999, с. 11–15, с. 413–428; Падучева, 1998, с. 23–28; 9, с. 229–238; Кустова, 1999; Пупынин, 2000, с. 36–51; Бондарко, 2003, с. 26–27]. Разработка когнитивно ориентированной концепции языковой актуализации зрительного восприятия была проведена Колесовым И.Ю., обосновавшим также критерии для квалификации перцептивности как семантической и эпистемической категории [Колесов, 2009]. Метакатегория «наблюдатель» исследовалась Т.Л. Верхотуровой [Верхотурова, 2006]. Когнитивно-прагматический фактор «наблюдатель» рассматривался как фундаментальный для формирования и функционирования многих морфологических категорий (время, залог, вид), а также категории индексальных слов, в исследованиях А.В. Кравченко [Кравченко, 1992] и его последователей. Данный перечень является далеко не полным.

Как ясно демонстрирует исследование индексальности А.В. Кравченко, «<...> введение понятия «точка зрения» (или

«наблюдатель») в интерпретативную модель высказывания позволяет объяснить некоторые грамматические явления, которые фиксируются исследователями, но последовательного объяснения не получают <...> можно сказать, что указание на наблюдателя выполняет не столько коммуникативную функцию «живописания», сколько является одним из объективно обусловленных способов представления знаний в языке» [Кравченко, 1992, с. 83–85]. При анализе пропозициональных структур необходимо учитывать наличие как минимум трёх прагматических факторов: а) субъект пропозиции, б) наблюдатель, в) говорящий [Кравченко, 1992, с. 46], причём, «...субъект восприятия первичен по отношению к субъекту речи» [Кравченко, 1992, с. 90]. Таким образом, разводятся фундаментальные для лингвистических исследований понятия «говорящий» и «наблюдатель». Более того, прагматическому фактору наблюдателя, независимо от того, выступает ли он в роли говорящего или нет, отводится ключевая роль в исследованиях языковых фактов, т.к. способность человека воспринимать окружающую действительность посредством органов чувств является исключительным, в основе своей первичным по отношению к речи, свойством человека [Кравченко, 1992, с. 43–44]. Справедливо это и в отношении проблематики «поиска субъекта» безличных структур. Семантика безличного предложения теснейшим образом связана с понятием (пресуппозицией) перцептора, или – наблюдателя, т.к. отражает актуальные состояния природы, окружающей среды, непосредственным образом воздействующие на органы восприятия человека (т.н. *impersonalia c verba meteorologica*), а также внутренние ощущения человека (т.н. *impersonalia c verba sentiendi*, а также с предикативами состояния той же семантики). Теснейшую связь форм безличности с «миром человека в языке» отмечали также П.А. Лекант [Лекант, 2004, с. 4–6] и С.А. Шубик [Шубик, 2003, с. 326–345].

Наблюдаемость, или, шире, перцептивность, лежащая в основе общей категориальной семантики безличных структур, отмечалась философами ещё в XIX веке при разработке типологии суждения и решении вопроса о том, существуют ли «безличные» суждения. По их мнению, субъектом безличных суждений является непосредственное, чувственное, впечатление (*sense impression*) – об этом писали Х. Зигварт, С. МакЛеннан, Ю. Ге-

бель, Ш. Серрюс и др. [Зигварт, 2008; Серрюс, 2002; Goebel, 1888; MacLennan, 1897]. Таким образом, *impersonalia* оказываются теснейшим образом связанными с отражением в языке непосредственного взаимодействия человека и его «экологической ниши» на уровне перцептивных и когнитивных процессов (см. подробнее в: [Березина, 2013, с. 198–206]).

Что касается качеств когнитивного субъекта, или перцептора для событий, которые актуализируются безличной синтаксической моделью, в этом вопросе нет единого мнения, хотя не вызывает сомнений, что он должен выявляться, ибо «наблюдаемость предполагает определенную пространственную сферу, то или иное выражение субъекта и объекта восприятия» [Бондарко, 2003, с. 30]. Традиционный взгляд на когнитивный субъект в исследованиях безличности гласит, что безличные предложения характеризуются тем, что в них подлежащее как грамматическое выражение субъекта-деятеля или субъекта, испытывающего состояние, отсутствует. Место протагониста замещается субъектом высказывания – источником суждения об объективном процессе [Иванов, 2004, с. 3]. При условии возможного несовпадения говорящего и наблюдателя в контексте высказывания, возникает вопрос – какая из этих категорий участвует в формировании рассматриваемого типа синтаксических структур?

Обращает на себя внимание тот факт, что все модели безличного предложения так или иначе включают в общий семантический рисунок синтаксической конфигурации фигуру наблюдателя, как правило, имплицитно (об этом см. подробнее в [Березина, 2014]). Подтверждение этому факту обнаруживается в общем свойстве всех высказываний, которые могут быть описаны как безличные – их истинности (ср. **It is raining, but I don't think so*, или *It is raining. – Why do you think so? – Just look into the window and you'll see / Because I hear the sound of rain on the roof / Because I see raindrops on the window etc.*), вытекающей из свойства верифицируемости: «В основе пропозиции, содержащейся в любом утвердительном высказывании, лежит некий источник информации, при этом если вопроса об истинности пропозиции не возникает, то это может означать лишь одно – что в препозитивном содержании отражено первичное (практическое) знание об описываемом фрагменте действительности, т.е. знание, основанное на непосредственном чувственном восприятии»

[Кравченко, 1992, с. 147] (в своих работах А.В. Кравченко для описания данного типа знания использует термин «феноменологическое знание»). Кроме этого, функционирование безличных предложений в художественном тексте при описании происходящих событий, как правило, включает прямое указание на источник знания (восприятие), при формулировании высказывания в виде безличной структуры:

1. *She said to Harris, 'I told Charles that is was inadvisable to allow boys to live without supervision. Just look at the place, it looks like a New York tenement.'* [Townsend, 2007, p. 9].

2. *Dwayne sneaked a look at his own watch. It was 11.14 a.m.* [Townsend, 2007, p. 23].

3. *Lancer said, 'So you no longer want to know the time?' 'No,' said Camilla. 'I can see from the position of the sun that it's almost midday.' Dwayne pulled the cuff back from his right wrist, exposing his watch. Then pretended to shield his eyes from the wintry sun. Camilla said, 'Ah, I see it's eleven fifteen. Thank you, Constable.'* [Townsend, 2007, p. 24].

В рассматриваемых примерах контекст эксплицитно указывает на источник знания – зрительную перцепцию (вербализуется посредством предикатов перцептивной семантики *can see, sneaked a look, looks, see*). Однако, не всегда указание на наблюдаемость описываемого события происходит в рамках семантики конкретных лексических единиц:

1. *'Beverley Threadgold told me you were having a tooth pulled by the pliers woman. Was it wretched?'* [Townsend, 2007, p. 72].

2. *The Queen led him [Grice] into the front room; it was the closest she had ever been to Grice* [Townsend, 2007, p. 73].

3. *'I'm dressed like this because it's cold <...> in here.'* [Townsend, 2007, p. 81].

В примере 1 человек, задающий вопрос, интересуется тем, насколько пациентка, которой удаляли зуб щипцами в домашних условиях, испытывала физическую боль (*wretched*), пример 2 описывает восприятие пространственной близости (*the closest*) с позиции персонажа, являющегося источником описываемых ощущений. Пример 3 наиболее прозрачно демонстрирует «наблюдаемость» ситуации в двух перцептивных модусах: зрительном (пояснение говорящим *I am dressed like this* имплицитно подразумевает *you see what I am dressed like*) и тактильном (*cold*).

Итак, семантическая нормальность высказывания определяется характером взаимодействия двух прагматических факторов, говорящего и наблюдателя – при этом наблюдатель не всегда обязательно является говорящим. Говорящий, сообщая в высказывании какую-то информацию, оперирует знанием, полученным на двух уровнях когнитивной категоризации: на феноменологическом уровне (уровне компетенции наблюдателя) и на структуральном уровне (уровне компетенции говорящего) (см. в [Кравченко, 1992, с. 63–64]). По всей видимости, безличные предложения суть вербализация знания, полученного на уровне компетенции наблюдателя, т.е. на феноменологическом уровне. Теснейшая связь безличных предложений с восприятием как основой всей речемыслительной деятельности человека, таким образом, выдвигает безличные предложения в статус языковых (синтаксических) средств актуализации фундаментальных значений, основанных на непосредственной наблюдаемости событий, происходящих в перцептивном поле человека.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – изд. 2-е, испр. М., 1999.

Березина О.А. Классификация моделей безличного предложения в современном английском языке // Эмпирические исследования в области теоретического и прикладного языкознания. Новосибирск, 2014. С. 67–84.

Березина О.А. Impersonalia в логике // European Social Sciences Journal = Европейский журнал социальных наук. М., 2013. № 2. т. 30. С. 198–206.

Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 5–36.

Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // Studia linguistica cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М., 2006. С. 45–66.

Зигварт Х. Логика / пер. с нем. Т.1. М., 2008.

Иванов С.А. Структурно-семантическая организация безличных предложений в английском и французском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.

Колесов И.Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 229–238.

Лекант П.А. Семантика эмоционального состояния – в форме безличности // Объект исследования – безличность. Архангельск, 2004. С. 4–6.

Падучева Е.В. Наблюдатель и его коммуникативные ранги (о семантике глаголов появиться и показаться) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1998. № 12. С. 23–28.

Пупынин Ю.А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 36–52.

Серрюс Ш. Роль субъектов – типология областей и топология отношений // Опыт исследования значения логики / пер. с фр. – изд. 2-е, стереотипное. М., 2002. С. 144–180.

Шубик С.А. Функциональный потенциал безличных предложений в немецком языке // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 326–345.

Townsend S. Queen Camilla. London, 2007.

Электронные источники

Goebel J. On the Impersonal Verbs // Transactions of the American Philological Association (1869–1896), Vol. 19 (1888). P. 20–32: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/2935683> (дата обращения: 07.04.2012).

MacLennan S. The Impersonal Judgement: its nature, origin, and significance. Vol. 2, Issue 10. Chicago, 1897: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archive.org/details/impersonaljudgm00maclgoog> (дата обращения: 07.04.2012)

Berezina Olga Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

PERCEPTABILITY AS FUNDAMENTAL PROPERTY OF THE IMPERSONAL SENTENCES SEMANTICS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE DATA)

The present article attempts at studying the cognitive pragmatic factor “Perceiver”, which is the basis of the impersonal sentences actualization. The realization of this property – perceptibility – is studied within the impersonal sentences functional field, where physical states of human being’s environment, the organism’s physical states, as well as spatial and temporal parameters of the event, are verbalized.

Keywords: perceptibility, the Perceiver, impersonal sentence, phenomenological knowledge, structural knowledge

УДК 81.0

А.Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)

ПОНЯТИЕ «КАТЕГОРИЯ» В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается понятие «категория» с акцентом на толкование этого понятия в лингвистике. Излагается суть таких категорий как: понятийные категории, грамматические, коммуникативные и когнитивные.

Ключевые слова: категория, понятийная категория, грамматическая категория, коммуникативная категория, когнитивная категория, концептуализация, категоризация

Учение о категориях, определение их сущности, выявление принципов формирования их структуры, содержания, основного перечня, относятся к числу ключевых проблем любой гуманитарной науки.

В философии, лежащей, как известно, в основании всех наук, категории (от греч. *katēgōgnā* – высказывание; признак), определяются как «наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество и т.д.)» [ССИС, 1992, с. 270].

В настоящее время, по мнению исследователей, слово *категория* имеет несколько различных, но внутренне связанных смыслов: обыденный – род, сорт, группа и т.п.; научный – как фундаментальное понятие некоторой науки (напр., множество в математике, элементарная частица в физике, предложение в лингвистике), на основании которых формируются научные гипотезы, концепции, теории; философский – как понятия, отражающие наивысшее обобщение существенных свойств и отношений предметов и явлений объективной реальности; логико-онтологический – как объективные универсальные формы мышления и бытия [Книгин, 2002].

Толкование понятия «категория» в лингвистике менялось в зависимости от «целевых установок и доминирующих взглядов на природу языка в определённый исторический период в целом, а также от того, какая функция языка или сама его структура оказывались в большей степени в поле зрения исследователей» [Болдырев, 2005, с. 17].

Так, в традиционной и структурной лингвистике категория трактуется как любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства, некоторого признака, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (напр., категория падежа, категория одушевленности/неодушевленности и т.п.) [Щерба, 1957; ЛЭС, 1990].

Большое внимание в середине XX века в традиционной и структурной лингвистике уделялось проблеме понятийных категорий. Это было обусловлено, с одной стороны, поиском универсалий, а с другой, стремлением к изучению языков не только в русле традиционного подхода – от формы к содержанию, но и от содержания к форме. *Понятийные категории* рассматривались как концептуальные структуры, единицы мыслительного содержания, отражающие содержательную категоризацию, связанную с отражением предметов, свойств, отношений объективной действительности, не зависящие от особенностей отдельных языков [Гурочкина, 2003, с. 63].

Основания для выделения понятийных категорий, по мнению исследователей, коренятся в структуре и дискретизации человеческой практики, зависят от степени существенности и отработанности в опыте того или иного участка денотативной сферы [Никитин, 1974].

Многие исследователи отмечают двойственную природу понятийных категорий. С одной стороны, понятийные категории являются результатом отражения в мышлении предметов, их свойств, отношений между предметами и явлениями реального мира, что составляет их так называемый денотативно-содержательный аспект, с другой стороны, понятийные категории выражаются посредством различных языковых средств, которыми располагает язык на определенном этапе своего исторического развития. Между денотативно-содержательным и формально-языковым планами нет прямого соответствия. Тот или иной фрагмент реальной действительности и определенные языковые средства его выражения соотносятся между собой не непосредственно, а опосредовано. Выделяются три уровня, отражающие преобразование онтологических отношений в те или иные языковые структуры:

денотативный (которому соответствуют онтологические отношения, объективно существующие в экстралингвистической действительности), глубинно-семантический (которому соответствуют понятийные отношения, отражаемые в сознании человека) и формально-поверхностный (понятийные категории в лингвистическом аспекте, для выражения которых говорящий использует лексические, морфологические и синтаксические средства). Общеизвестным является тот факт, что универсальные понятийные категории получают разную языковую реализацию в конкретных языках, что рассматривается учеными как проявление национальной специфики отдельных языков. Именно в особенностях структуры конкретного языка, а также распределения разных способов выражения какого-либо мыслительного содержания, коренятся национальные, этноязыковые формы выражения общечеловеческих понятий [Кацнельсон, 1972].

Таким образом, понятийные категории служат тем «соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [Мещанинов, 1945, с. 15].

В разработке учения о понятийной категории в языкознании важная роль принадлежит О. Есперсену, который был первым, кто ввел в научный обиход термин «понятийная категория» в своем труде «Философия грамматики» (1924), а также таким русским ученым как И.И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, М.М. Гухман и др.

Одной из центральных задач традиционной лингвистики была также проблема определения и описания *грамматических категорий*. В широко распространенных дефинициях большинства исследователей грамматическая категория рассматривается как система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями, обладающими одним и тем же набором обязательных признаков, из чего следует, что все члены категории равноправны по своей значимости, границы категории строго определены, а все признаки категории бинарно противопоставлены, двойной статус и промежуточные случаи исключаются [КСКТ, 1996, с. 45].

Однако целый ряд языковых единиц не вписывались в такую классическую категорию, не получали своего адекватного объ-

яснения и в рамках отечественной функциональной лингвистики XX века была разработана теория функционально-семантического поля (Адмони В.Г., Гулыга Е.В., Бондарко А.В. и др.), которое трактовалось как двустороннее единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [ЛЭС, 1990, с. 385] .

Становление в 70-е годы XX века и последующее интенсивное развитие коммуникативной лингвистики, в свою очередь, способствовало расширению границ и интерпретации понятия категории за счет включения в него «Я» творящего дискурс человека, его установок, преследуемых им целей, различных способов их достижения и условий, при которых эти цели достигаются. В этом случае в качестве организующего выступает такой принцип категоризации, который отражает экстралингвистическую реальность в ее субъективированной форме.

Ориентация на те или иные аспекты человеческого фактора, актуализируемые в языке: фоновые знания, «текущее сознание» творящих дискурс участников коммуникации, значимость для них получаемой информации, их интенции, установки и др., – отражают существенные закономерности процесса коммуникации как сложного «интерпретативного феномена, создающего консенсуальную область взаимодействий» [Кравченко, 2008, с. 99] общающихся, позволили выделить различного рода коммуникативные категории (вежливость, толерантность, экспрессивность и др.), суть которых заключается в единстве коммуникативно значимого содержания и комплексе лингвистических и экстралингвистических средств их выражения.

Коммуникативные категории определяют прагматику дискурса, организуют, регулируют процесс общения, влияют на характер его протекания и выбор коммуникантами разноуровневых языковых средств.

В последнее время особенно интенсивно изучением категорий и процессом категоризации занимаются исследователи, работающие в рамках когнитивной лингвистики (Lakoff G., Кравченко А.В., Кубрякова Е.С., Болдырев Н.Н., Попова З.Д., Костюшкина Г.М. и др.).

Развитие понятия категории в рамках когнитивного подхода позволило, прежде всего, говорить о том, что категория может объединять члены с неравным статусом, то есть не полностью повторяющимися признаками. Один из них может обладать привилегированным положением, являя собой лучший образец своего класса, вокруг которого группируются остальные члены категории [КСКТ, 1996, с. 46]. Иными словами, членам когнитивной категории не присущи некие обязательные признаки, необходимые и достаточные для их вхождения в категорию, напротив, они характеризуются разной полнотой определенного признака, что и позволяет выделить идеальный член категории (прототип), как единицу, а) проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, б) реализующую эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [Givun, 1986, p. 195].

Когнитивная деятельность субъекта познания, как отмечают когнитологи, – это динамический процесс, имеющий своей целью получение, формирование и систематизацию знаний, а базовыми мыслительными операциями познавательной деятельности субъекта являются процессы концептуализации и категоризации.

Концептуализация трактуется как понятийная классификация, заключающаяся в осмыслении человеком поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур, фиксированных в сознании человека смыслов [КСКТ, 1996, с. 93; Болдырев, 2000, с. 22], в результате чего действительность структурируется в терминах множества выявленных признаков и отношений.

Категоризация в широком смысле понимается как членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, как упорядоченное представление разнообразных явлений, как процесс объединения множественных концептов в группы-категории, что позволяет придать концептуализированному пространству вид упорядоченной системы знаний [Магиревская, 2008]. Иными словами, концептуализация предполагает выделение свойств и характеристик отдельных концептов, а категоризация – выявление конкретного признака или нескольких признаков как когнитивного основания для группировки различных концептов в те или иные категории. В фокусе внимания когнитивной па-

радигмы научного знания находится когнитивная функция языка, рассмотрение которой сопряжено с выявлением различных способов структурирования знаний, их сохранения и передачи средствами языка. В этой связи категоризация как способ познавательной деятельности человека и формирования знаний предполагает, с одной стороны, владение структурами знаний и их характеристиками, а с другой, процесс отнесения различных объектов к той или иной категории, который получает репрезентацию в языке. Фактически, в актах познания мира человеком каждый раз осуществляется отнесение воспринимаемых объектов к тому или иному классу (категории) на основе механизмов сравнения [Фурс, 2009, с. 21].

Таким образом, в современном понимании *категория* – это одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию [КСКТ, 1996, с. 45].

Список литературы

- Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 16–39.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
- Гурочкина А.Г. Понятийные категории vs грамматические категории // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2003. С. 63–65.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Книгин А.Н. Учение о категориях: уч. пособие для студентов. Томск, 2002.
- Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск, 2008.
- Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. (КСКТ)
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (ЛЭС)
- Магиревская О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Вып. 23. № 21 (122). С. 105–113.

Мещанинов И.И. Части речи и члены предложения. Л., 1978.
 Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Современный словарь иностранных слов. М., 1992. (ССИС)

Фурс Л.А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе // Когнитивная категория в синтаксисе: коллект. монография. Иркутск, 2009. С. 21–51.

Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Givyn T. Prototype: Between Plato and Wittgenstein // Noun Classes and Categorization. Amsterdam, 1986. P. 77–102.

Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924.

Gurochkina Alla Georgievna (Saint Petersburg, Russia)

THE CONCEPT OF CATEGORY IN LINGUISTICS

The paper deals with the concept of category. Particular emphasis is placed on the grammatical, communicative and cognitive categories.

Keywords: category, grammatical category, communicative category, cognitive category, conceptualization, categorization

УДК 81.0

А.А. Кутузов (Санкт-Петербург, Россия)

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

В статье рассматриваются понятия «когнитивная структура» и «категория» как непосредственно связанные этапы формирования знания об окружающей среде. Анализируется соотношение между данными понятиями с тем, чтобы прояснить их природу и определить возможность исследования когнитивных структур через призму категоризации.

Ключевые слова: когнитивная структура, категория, модели категоризации, прототипическая теория

В связи с развитием когнитивной лингвистики и разработкой теории биологии познания, в последнее время возобновился интерес исследователей к таким базовым понятиям, как «категория» и «когнитивная структура», которые в ходе переосмысления приобретают новую трактовку. Интерес к проблеме категоризации обусловлен тем, что способность к категоризации действительности является одной из конституирующих способностей человека.

Категоризация охватывает все стороны человеческого бытия и «представляет собой один из основных видов когнитивной деятельности человека» [Croft, Cruse, 2004, p. 74]. Как отмечает Дж. Лакофф, «каждый раз, когда мы видим что-то, например, дерево, мы категоризируем. Каждый раз, когда мы размышляем о вещах – стульях, государствах, болезнях, эмоциях, о чём угодно – мы обращаемся к категориям» [Lakoff, 1987, p. 5–6]. По определению Е.С. Кубряковой, категоризация, в узком смысле, – «это подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определённую категорию как определённую рубрику опыта или знания и признания ее (этой сущности) членом этой категории» [Кубрякова, 2004, с. 307]. Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, «вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний» [Болдырев, 2001, с. 22]. Не-

маловажную роль в систематизации полученных знаний о мире играет способность человека к распределению полученных данных по категориям, которые позволяют уверенно ориентироваться в окружающей среде и взаимодействовать с ней, поскольку не только некие сведения о сущности вещей подлежат категоризации, но и двигательные функции, знания о том, как взаимодействовать с тем или иным предметом. В этом усматривается непосредственная связь между понятием «категория» и понятием «когнитивная структура», речь о котором пойдёт ниже.

Следует, прежде всего, отметить, что само понятие когнитивной структуры (КС) носит дискуссионный характер. Как подмечает А.В. Кравченко, «сегодня термин «когнитивная структура» употребляется очень широко, приобретя размытый характер. Когнитивные структуры отождествляют со значениями, концептами, фреймами, ментальными пространствами, дискурсом, определенным образом организованным и хранимым в памяти знанием, эмоциями и т.п. При этом принято говорить об их «связи» и «взаимодействии» с языковыми структурами» [Кравченко, 2011, с. 99].

По мнению И.К. Архипова, когнитивные структуры «есть мысли, возникающие в индивидуальном сознании в ответ на сигналы, поступающие из внутренней среды, а также из внешней – в виде текстов и устных сообщений, визуальных наблюдений предметов и событий, звуковых и тактильных ощущений или мыслей о чем-либо во сне». При этом происходит непрерывный процесс оценки этих мыслей с точки зрения их значимости для приспособления организма к среде, что в конечном итоге влияет на поведение субъекта в непосредственно последующее время и в будущем [Архипов, 2008, с. 158]. Подобную точку зрения на природу когнитивных структур высказывает и А.В. Кравченко, определяя КС как «модель действия, которая лежит в основе разумного (или неразумного) поведения и является атрибутом организации организма как структурно детерминированной системы. На каждом этапе развития организма когнитивная структура определяет динамику его взаимодействий со средой» [Кравченко, 2011, с. 100].

Раскрывая механизм формирования когнитивных структур, И.К. Архипов пишет: «создание когнитивных структур не является прерогативой лучших умов человечества, но представляет

собой «механизм самой жизни», поскольку живой организм тем и отличается от неживых предметов, что он способен приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям обитания, ежеминутно создавая в себе знания об этих условиях, то есть когнитивных структурах. Далее КС используются организмом для адекватного ответа на изменения среды. Человек использует их и для планирования взаимодействия с ней и даже для изменения ее условий. Таким образом, КС образуются, углубляются и расширяются под воздействием стимулов от внешней среды и, по обратной связи, являются источником воздействия на нее. Типы КС и способы их формирования зависят от природы познаваемого предмета и характера среды» [Архипов, 2008, с. 159].

При рассмотрении понятия «когнитивная структура» как модели поведения по отношению к объектам и предметам окружающей действительности, которая сложилась в сознании индивида в результате его взаимодействия со средой, обнаруживается тесная связь между понятиями «когнитивная структура» и «категория». Эта связь обнаруживается при обращении к понятию «категория» в её широком понимании, о котором, в частности, говорит Дж. Лакофф: «Каждый раз, когда мы намеренно выполняем какой-либо вид деятельности, скажем, делаем такие обыкновенные вещи, как пишем карандашом, стучим молотком или гладим одежду, мы используем категории» [Lakoff, 1987, p. 6]. Таким образом, есть основания утверждать, что понятия «категория» и «когнитивная структура» являются смежными. Отметим, что и когнитивные структуры, и категории представляют собой ментальные образования, при этом вышеизложенный материал даёт основания полагать, что процесс категоризации и формирование когнитивных структур не только тесно взаимосвязаны, но и составляют последовательные этапы создания определённого знания об окружающем мире.

Представляется, что категоризация является первым, базовым, этапом, на котором, выражаясь словами Е.С. Кубряковой, происходит «подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную рубрику опыта» [Кубрякова, 2004, с. 307]. Вторым этапом является непосредственно формирование когнитивной структуры, которая выступает, как было отмечено выше, в качестве модели взаимодействия с предметами окружающей действительности. Так, к примеру, в процессе обу-

чения работе с каким-либо новым для себя инструментом, человек осуществляет категоризацию, определяя, к какой «рубрике опыта» может быть отнесено то или иное действие. Безусловно, выполнение нового действия будет отличаться по опыту от уже освоенного им взаимодействия со средой, однако можно предположить, что новое действие будет каким-то образом похоже на другие действия (скажем, работа молотком отличается от работы топором, однако между этими двумя видами деятельности значительно больше сходства, нежели между работой топором и пилой). Следовательно, соотнесение нового опыта работы с предметом с уже имеющимся на основе категоризации является основой для формирования КС, которая закрепится и впоследствии станет устойчивой моделью взаимодействия с новым предметом. Другое дело, что это влечет за собой возникновение проблемы несколько иного плана, а именно: на каких основаниях осуществляется отнесение той или иной сущности к данной категории и что, собственно, представляет собой категория?

Обратимся к рассмотрению существующих подходов к решению этой проблемы. Первым подходом считается классическая модель Аристотеля, согласно которой категория определяется относительно некоторой совокупности необходимых и достаточных признаков, которыми должна обладать сущность, чтобы принадлежать к данной категории [Croft, Cruse, 2004, p. 76]. Таким образом, классический подход к определению категории устанавливает отчетливые и жесткие границы категории. Соответственно, установление категории «разделяет вселенную на два множества сущностей – те, которые являются членами данной категории, и те, которые ими не являются» [Taylor, 1995, p. 23]. Из этого следует, что признаки предметов бинарны, поскольку каждый предмет может обладать признаком либо не обладать им. Данное обстоятельство имеет следствием тот факт, что все члены категории имеют равный статус, и ни один из членов не является «лучшим представителем» категории по отношению к другим членам.

Необходимо, однако, отметить, что на современном этапе развития лингвистики классический подход к проблеме категоризации подвергается серьезной критике. Во-первых, многие понятия не поддаются адекватному описанию с точки зрения необходимых и достаточных признаков, что было продемонстрировано Л. Вит-

генштейном на широко известном примере понятия «игра». Для этого понятия, по мнению Л. Витгенштейна, не представляется возможным выделить набор признаков, которые бы установили отчетливые границы данной категории [Wittgenstein, 1999, p. 31–32]. Во-вторых, как отмечает в своих работах Ч. Филлмор на примере анализа существительного *bachelor*, для некоторых понятий дефиниции ограничены конкретной областью [Fillmore, 1975, p. 123–131]. Соответственно, данные понятия оказываются применимыми только в определенном контексте. Подобная «лабильность» не вписывается в рамки классической модели категоризации, требующей либо включения, либо не включения данной сущности в категорию. В-третьих, все члены классической категории имеют равный статус, что не позволяет выделить «лучших представителей» категории. В-четвертых, в рамках классической модели невозможно объяснить, почему границы категорий на практике оказываются размытыми и подвижными [Croft, Cruse, 2004, p. 76–77]. Критическое рассмотрение положений классического подхода к категоризации берет свое начало в трудах Л. Витгенштейна, и нашло развитие в работах Дж.Л. Остина, Л. Заде, Фл. Лаунсбери, Бр. Берлина и П. Кея, Р. Брауна и др. Однако комплексный подход к проблеме впервые был предложен Э.Рош, разработавшей теорию, которая впоследствии приобрела известность как «теория прототипов и категорий базового уровня», или «прототипическая теория». Наиболее важными выводами данной теории для анализа проблем, рассматриваемых в настоящей статье, представляются следующие:

- Некоторые категории являются градуальными, то есть степень принадлежности членов категории различна;
- Границы категории размыты;
- Некоторые категории имеют четкие границы, однако внутри этих границ наблюдаются градуальные прототипические эффекты – некоторые члены категории являются лучшими представителями, то есть идентифицируются носителями языка как члены данной категории с большей уверенностью и скоростью. [Lakoff, 1987, p. 39].

Поскольку формирование КС осуществляется, как было показано выше, на основе категоризации, логично предположить, что построение когнитивных структур, подобно категориям, может быть описано с помощью прототипической теории. Упо-

мянутая проблема не вписывается в рамки настоящей статьи и требует отдельного рассмотрения. На данном этапе уточнена суть соотношения понятий «категория» и «когнитивная структура» и обоснована возможность исследования последнего с позиций прототипической теории. Представляется, что анализ феномена формирования когнитивных структур через призму прототипической теории может в целом пролить свет на природу взаимодействия человека со средой или, по крайней мере, дополнить и углубить существующие представления об этом взаимодействии.

Список литературы

Архипов И.К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. ИЯ РАН. М., 2008. С. 158–168.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.

Кравченко А.В. Что такое “когнитивная структура”, или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Вып. 9. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.; Тамбов, 2011. С. 96–104.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

Fillmore Ch. J. An alternative to checklist theories of meaning. Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1975.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.

Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1999.

Kutuzov Alexey Alexandrovich (Saint Petersburg, Russia)

CATEGORIZATION AS A STAGE OF COGNITIVE STRUCTURE GENESIS

The article deals with evaluation of *cognitive structure* and *category* as closely associated stages of cognition of environment. It is specifically concerned with exploring relationships between these two phenomena in order to describe cognitive structures in terms of categorization.

Keywords: *cognitive structure, category, pattern of categorization, prototypical theory*

УДК 811.115' 30

А.А. Приходько (Запорожье, Украина)

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ “DEATH” В ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА “VAMPIRE”

В статье рассматривается роль концептуальной метафоры “DEATH” в экспликации концепта “VAMPIRE”. Концепты “DEATH” и “VAMPIRE” существуют в тесной взаимосвязи, что обуславливает их влияние друг на друга и на сферу их употребления.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, актуальный слой, готический роман

Согласно мнению американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры являются концептуальными, поскольку одновременно существуют в двух концептах, сферах и тем самым показывают взаимосвязь между ними [Lakoff, Johnson, 1980, p. 37].

В процессе развития человек познавал окружающий мир, замечая феномены, которые ранее являлись неизведанными. Так он создавал картину мира, которая структурировалась как биполярное множество в различных измерениях: от повседневного видения мира до его космогонической модели. Пространство делилось на бинарную оппозицию «своё» и «чужое» (своя / чужая территория; этот реальный / потусторонний, нереальный мир). Так же распределялось и время: день / ночь, жизнь / смерть. Все живые существа делились, согласно этому признаку, на «своих» (человек, житель племени) и «чужих» (нечеловек, чужак, потустороннее существо). Представителем второй группы является персонаж вампир, как репрезентант всего страшного, мертвого и ассоциирующегося с ночью.

Понятие концепта является, на сегодняшний день, неоднозначным, однако, мы придерживаемся мнения Ю.С. Степанова, который предложил деление концепта на слои: актуальный, этимологический и пассивный [Степанов, 2001, с.45]. Этимологический слой отражает особенности формирования концепта, начиная от его появления до современности. Пассивный слой – особенности, типичные для определенных носителей данного

концепта. И, наконец, актуальный слой является показателем того, как люди понимают данный концепт, в каком значении используют его в речи.

В нашей статье внимание направлено на актуальный слой концепта “VAMPIRE”, а именно на использование концептуальной метафоры “DEATH” как репрезентанта данного концепта. Языковое воплощение лингвокультурологического концепта “VAMPIRE” имеет четкий ареал в литературе – это готические романы ужасов, романы о вампирах. Главными признаками для описания актуального слоя являются те, которые привычны для носителей англоязычной культуры. Рассматриваемый концепт пробуждает в людях страх, ужас и отвращение, поскольку является носителем таких характеристик, как ‘blood-sucker’, ‘to drink blood’, ‘to feed on the blood’, ‘dead person’, ‘monster’, ‘demon’. Все они являются негативными и соотносятся с другим концептом – “DEATH”.

Концепт “DEATH” характеризуется такими признаками, как *dying, end, decease*, которые имеют отношение к сфере мрачного настроения, страха и ужаса. Концептуальная метафора “DEATH” наиболее ярко проявляется в традиционных готических романах, поскольку атмосфера, царящая в них, является типичной для актуализации данного концепта.

В романе Б.Стокера «Дракула» связь рассматриваемых концептов обуславливается смысловыми ассоциациями негативных лексем (синонимов слова DEATH – *decease, dying, dissolution, interior, destruction, end, darkness, last, sleep, grave, hell* [см. The Cambridge Dictionary]) и концепта VAMPIRE:

INTERIOR: ‘abyss’, ‘fall down’, ‘crawl down’, ‘fling out’;

DARKNESS: ‘evil’, ‘dark’, ‘destruction’;

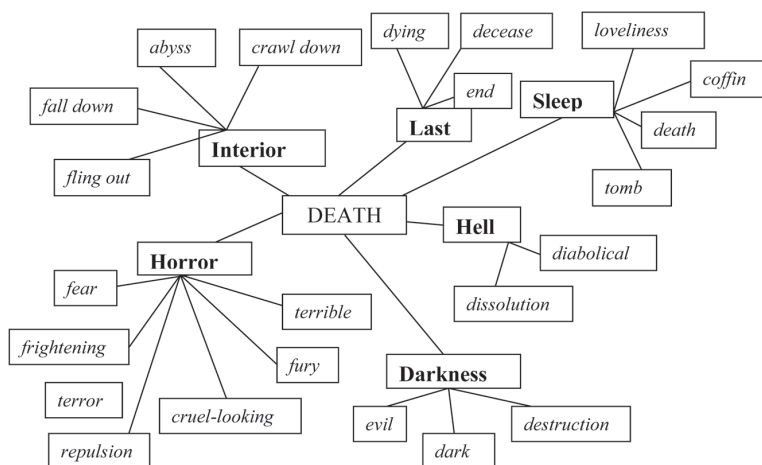
HORROR: ‘frightening’, ‘terrible’, ‘fury’, ‘cruel-looking’, ‘terror’, ‘repulsion’, ‘fear’;

SLEEP: ‘loveliness’, ‘death’, ‘trance’, ‘grave’;

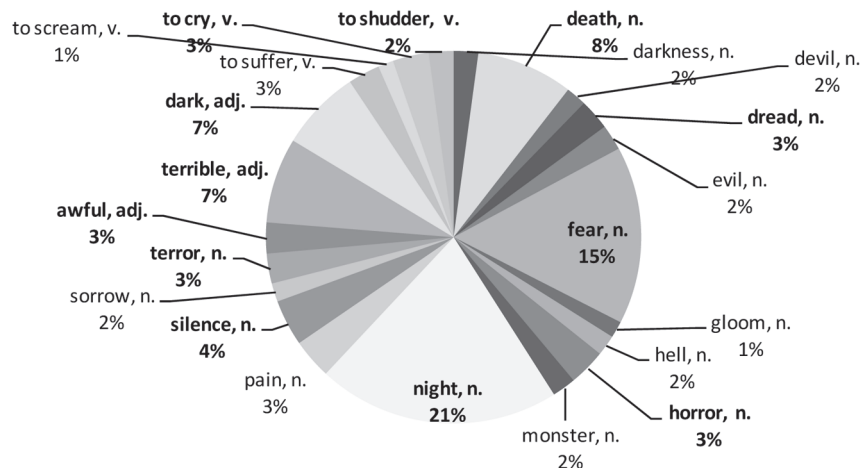
LAST: ‘end’, ‘dying’, ‘decease’;

HELL: ‘diabolical’, ‘dissolution’.

Связь между ними можно продемонстрировать на следующей схеме:

Как показал анализ, наиболее частотными в романе Б.Стокера оказались 23 слова, среди которых 16 существительных, 4 глагола и 3 прилагательных. Словами, которые использовались чаще всего для создания атмосферы страха, ужаса и уныния, оказались существительные *night*, *fear*, *death*, прилагательное *terrible* (жирным шрифтом на диаграмме выделены лексические единицы, которые наиболее часто употребляются в романе) и глаголы *to cry*, *to suffer*.

Кроме вышеперечисленных лексем, для создания гнетущей атмосферы в романе автор использует лексические единицы, актуализирующие ассоциативные связи существительного *death* и описывающие внешний вид, поступки и реакции вампира:

Вампиры существуют в замкнутом пространстве (в могиле):

1) «... so seal up the door of the tomb...» [Stoker, 2005, p. 243];

или в гробу, который покидают ночью:

2) «The coffin was empty. It was certainly a surprise to me...» [Stoker, 2005, p. 237].

Вампиры, в отличие от других существ, обладают сверхспособностями, данными им злыми силами:

1) «... and he [the vampire] begin to crawl down the castle wall over the dreadful abyss...»;

2) «Vampire can see in the dark» [Stoker, 2005, p. 286].

Люди дают вампирам наименования, которые также ассоциируются со смертью:

1) all the evil things [vampires] in the world will have full sway...» [Stoker, 2005, p. 13];

Описание самого графа Дракулы содержит большое количество слов, которые являются лексическими репрезентантами концепта «DEATH»:

1) «His face was not a good face, it was hard and cruel...» [Stoker, 2005, p. 207];

2) «eyes blazed with a sort of demoniac fury ...» [Stoker, 2005, p. 38];

3) «He smiled, such a soft, smooth, diabolical smile» [Stoker, 2005, p. 63].

Таким образом, можно сделать вывод, что использование концептуальной метафоры «DEATH» для экспликации концепта «VAMPIRE» является очень распространенным средством, особенно в традиционном готическом романе. Использование данной концептуальной метафоры увеличивает степень влияния на читателя и делает атмосферу романа еще более устрашающей.

Список литературы

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры М., 2001.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980. P. 2–247.

Stoker B. *Dracula*. N.Y., 2005.

Электронные источники

The Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>

Prihodko Alexandra Alexeevna (Zaporozhye, Ukraine)

**THE ROLE OF THE CONCEPTUAL METAPHOR “DEATH”
IN THE EXPLICATION OF THE CONCEPT “VAMPIRE”**

The article focuses on the study of the role the conceptual metaphor “DEATH” plays in the explication of the concept “VAMPIRE”. These concepts are closely connected and this fact explains their influence on each other and restrictions imposed on the sphere of their usage.

Keywords: concept, conceptual metaphor, actual layer, gothic novel

УДК 81.111

О.Е. Филимонова (Санкт-Петербург, Россия)

**ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

В статье анализируются семантические и структурные свойства интенсификаторов, используемых в современном английском языке. На материале примеров из художественной литературы, газет и новостей из сети Интернет выявляются 6 типов интенсификаторов на основе понятия градиентности, обуславливающего возможность сочетания признака интенсификации с признаками качества, количества, сравнения, эмотивности и эвиденциальности.

Ключевые слова: интенсификатор, градиентность, качественный, компаративный, количественный, эмотивный, эвиденциальный, экспрессивность, текст, когнитивный анализ

В данной статье в фокусе внимания находятся семантические и структурные свойства интенсификаторов современного английского языка, используемых в современных художественных, публицистических и газетных текстах. Под интенсификаторами мы понимаем разноуровневые единицы языка, функционирующие как усилители признака в широком смысле. Иначе говоря, интенсификатор – это слово или фраза, которая добавляет силу или эмфазу высказыванию. При анализе интенсификаторов целесообразно использовать понятие градиентности (gradience). Градиентность – это движение от основного, устойчивого, регулярного грамматического функционирования к менее регулярной периферии [Crystal, 1987, p. 92, перевод мой, О.Ф.]. Это понятие сопоставимо с широко известными понятиями полевой структуры языковых категорий и нежесткости, размытости границ между ними. Оно отличается от них тем, что подчеркивает (в силу семантики корня «grad») частичное присутствие ядерного элемента изучаемого явления при переходе к периферии.

«Выход в текст» при изучении интенсификаторов интересен тем, что позволяет охарактеризовать явление интенсификации более широко и, не ограничиваясь рамками лексики и грамматики, включить в его объем стилистические средства и единицы сверхфразового уровня, сопоставимые по смыслу с лексико-грамматическими. Предлагаемый здесь когнитивный подход к

анализу интенсификаторов позволяет выявить языковые и речевые средства интенсификации с опорой на субъект речи в конкретных коммуникативных ситуациях, представленных в тексте. Кроме того, он позволяет судить о тенденциях в употреблении интенсификаторов, характерных для современного этапа развития английского языка.

Мы ставим своей задачей продемонстрировать здесь градиентность интенсификаторов, используемых в современных англоязычных текстах в художественной и нехудожественной коммуникации. Материалом для статьи послужили примеры из современной художественной прозы, газетных и журнальных статей и новостных материалов, размещенных в Интернете на сайте www.yahoo.news, а также из телеинтервью и театральной рекламы.

Когнитивный анализ интенсификаторов с опорой на понятие градиентности позволяет говорить о существовании нескольких семантических типов интенсификаторов. Рассмотрим их содержательные особенности и приведем примеры.

Прототипические (чистые) интенсификаторы образуют ядро данной категории. Они лишены дополнительных семантических признаков в силу десемантизации качественных и эмотивных компонентов значения. К ним относятся такие как *very*, *pretty*, *awfully*, *horribly*, *terribly* и др. Обращает на себя внимание растущая популярность в последние годы относящегося к этой группе интенсификатора *totally*. Он употребляется так часто и в устной, и в письменной речи, что можно говорить о моде на этот интенсификатор в современном английском языке, особенно среди молодежи. Приведем примеры: *And that's totally fine* [Kelk, 2013, p. 256]; *He totally went nuclear on me* [Bailey, 2013, p. 146]; *Ooh, you should totally do that* [Kelk, 2013, p. 323]. В последних двух примерах, где интенсификаторы находятся в препозиции к глаголам, особенно ясно ощущается десемантизация лексического значения полноты, или тотальности.

Квантитативные интенсификаторы характеризуются совмещением признаков количества и интенсификации: *You're the girl that makes me feel things I never expected to feel ever again. Never in a hundred years* [Bailey, 2013, p. 287]; *I know Alex is desperate for a baby but honestly, Ange, if you're not one hundred per cent desperate, don't do it* [Kelk, 2013, p. 193]; *'Can you?' I asked, half hopeful and*

three-quarters incredibly suspicious. Which made more than a whole but maths was never my strong point [Kelk, 2013, p. 296]. В приведенных примерах о высокой степени признака свидетельствуют выражения, содержащие числительные. Очевидно, что речь здесь не идет о точной количественной характеристике того или иного явления. Числительные лишь подчеркивают интенсивность признака. О романе Дж. Остин «Pride and Prejudice» в газете "Evening Standard" говорится: *It has in spades the chief characteristics of her work, what literary critic David Cecil called "its gay astringent buoyancy, its silvery common sense"* [Evening Standard, 25 January, 2014, p. 14]. Выражение *in spades* представляет собой гиперболизированное указание на ощутимое присутствие определенных достоинств у произведений Джейн Остин. Количественное предствление признака здесь также является приблизительным, но интенсификация признака не вызывает сомнения.

Квалитативные интенсификаторы совмещают в своей семантической структуре признаки качества в широком смысле и интенсификации (*endlessly*, *utterly*, *inordinately*, *bracingly*, *dramatically* и др.). Термин «квалитативность» широко используется в синтаксическом анализе лингвистических единиц [Мухин, 1964 и др.; Дорошенко, 1976 и др.]. Приведем примеры: *'You really are spectacularly arrogant', Alex said* [Bailey, 2014, p. 243]; *She was also acutely aware that Ruan was leaning the other side of her* [Bailey, 2013, p. 282]; *'Thank goodness you're completely sane and entirely dependable at all times', she said* [Kelk, 2013, p. 335]. Интересно рассмотреть соотношение значений интенсификации и качества в таких фразах как *to be badly wounded* и *to want something badly*. Если в первом случае присутствие значения качества не вызывает сомнения, то во втором помимо признака интенсивности можно выявить эмотивный признак: *to want something badly = to feel bad because you don't have something*.

Некоторые квалитативные интенсификаторы находятся в зоне пересечения с квантитативными, поскольку предполагают оценку признака, соотносимую с большим числом, как, в частности, интенсификатор *massively* в следующем примере: *Jesse pushed his glasses back up his nose while we both pretended it wasn't massively awkward* [Kelk, 2013, p. 316].

Совмещение признаков эмотивности и интенсификации имеет место в семантической структуре **эмотивных интенсификаторов**:

'*I am flying, Jack!*' *I shouted, ecstatically happy* [Kelk, 2013, p. 155]; *Satisfied, or rather desperately freaked out, that the pages were no longer in my office, I went back to ask for them to be reprinted* [Kelk, 2013, p. 293].

В нашем материале оказались преимущественно эмотивные интенсификаторы, репрезентирующие отрицательные эмоции, неприятные физические и психические состояния (*desperately, hatefully, disgustingly, insanely, hopelessly* и др.), как в следующих примерах: *Opening her eyes against the painfully bright light, Alex worked out that at least she was in her own bed, in her own cottage* [Bailey, 2013, p. 304]; *And then everyone laughed, grateful to be able to gloss over the excruciatingly painful moment that had gone before* [Bailey, 2013, p. 339].

В то же время, в рекламных текстах закономерно встречаются эмотивные интенсификаторы с положительной коннотацией, что обусловлено прагматикой рекламного текста. В следующем примере из английской рекламы спектакля "*Vaudevilles*" по пьесе А.П. Чехова в театре одного из городов графства Кент (Jermyn Street Theatre, 13 January – 1 February 2014, www.mercuriustheatre.co.uk) употребляется сложный по составу эмотивный интенсификатор *laugh out loud*: "*lively, life-affirming and laugh out loud funny*". Данный интенсификатор содержит фонацему *laugh out* с «внутренним» качественным интенсификатором *loud*, что свидетельствует о высокой степени определяемого признака и экспрессивном характере его представления.

Компаративные интенсификаторы совмещают признаки сравнения и интенсификации. Сравнение может быть эксплицитным, когда присутствуют лексико-грамматические маркеры сравнения (*as gently as possible, as soft as a lamb, laugh like a loon* и т. п.) и имплицитным, как в стертых (типа *dead drunk, dead set, freeze to death*), так и в оригинальных метафорах и гиперболах: *And then it had hit her like a truck driving at speed through the centre of her chest* [Bailey, 2013, p. 72]; *She was suddenly boiling hot* [Bailey, 2013, p.192]; *And it definitely didn't feel like a conversation to have while Grace screamed bloody murder at being strapped in her pushchair and shipped off to Aunt Jenny's with her mum* [Kelk, 2013, p. 218]. Интересный пример компаративного интенсификатора, представленного придаточным предложением, находим в новостном материале в сети Интернет, посвященном

завершению Олимпийских Игр в Сочи: *The American Dream exists for people like the 27-year-old who crossed the finish line, won his second gold medal of the Sochi Games and celebrated like he could not believe it* [Yahoo news, www.yahoo.com (дата обращения 23.02.2014)].

Совмещение признаков эвиденциальности и интенсификации имеет место в структуре **эвиденциальных интенсификаторов**: *really, truly, incredibly, unbelievably* и др. По мнению О.А. Кобриной, коммуникативная категория эвиденциальности находится над морфологическими и синтаксическими категориями в общей иерархии категорий, а наиболее характерными значениями эвиденциальности являются значения мнения, оценки и кажимости [Кобрина, 2003, с. 5–6]. Думается, что значения очевидности, явности, достоверности также входят в сферу эвиденциальности: *'Well, there I was, feeling truly horrible* [Bailey, 2013, p. 122]. Эвиденциальные наречия могут быть «парентезированными элементами» (термин О.А. Кобриной), как в следующем предложении: *He is a good lad, really* [Bailey, 2013, p. 49]. В данном случае можно говорить не об интенсификации отдельного признака, а о том, что здесь подчеркивается достоверность всей пропозиции, то есть целого высказывания. Перестановка наречия в этом предложении в препозицию к прилагательному *good* привела бы к искажению смысла предложения.

Приведенные примеры свидетельствуют о градиентности интенсификаторов, о подвижности границ между признаками интенсификации, количества, качества, эмотивности, сравнения и эвиденциальности, а также о синтаксико-семантической вариативности представления интенсификации признака. Экспрессивность репрезентации интенсификаторов также многообразна. Часто встречаются парные интенсификаторы, состоящие из двух идентичных или синонимичных элементов, соединенных союзом или запятой: *He backed away, slowly at first and then very, very quickly, not uttering a single word* [Kelk, 2013, p. 147]; *Alex was mad at me. Really, really mad* [Kelk, 2013, p. 217]; *Completely and utterly overloaded, I edged my way to the arm of the sofa and sat down, drinking my coffee in silence* [Kelk, 2013, p. 244]. Парные интенсификаторы могут иметь компоненты, полярные по коннотации: *It was pure dumb luck how all this happened* [Yahoo News, www.yahoo.com (дата обращения 06.01.2014)]. Реже встре-

чается тройное употребление интенсификатора: ‘*We know you’re totally super crazy busy*’ [Kelk, 2013, p. 287]. Многие экспрессивные интенсификаторы имеют ограниченную сочетаемость, приближающую их к фразеологическим единицам. Среди них обращают на себя внимание лексические единицы с отрицательной коннотацией, имплицитно выражающие отвращение: I spoil my children *rotten*; Are you *stinking* rich? [Interview with Mary Berry, BBC I, 09.01.2014]; ‘It’s not like him,’ I admitted, not wanting her to worry but worrying myself *sick* [Kelk, 2013, p. 280]. В современной литературе, отражающей спонтанную разговорную речь, ощути-мо присутствуют экспрессивные интенсификаторы-дисфемизмы, среди которых преобладают так называемые “four-letter-words”.

Избыточность представления интенсификации признака является стилистическим маркером экспрессивности, показателем особенностей индивидуального стиля автора или портретной / психологической характеристики героя.

Список литературы

Дорошенко В.А. Качественные элементы в предложениях современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.

Кобрина О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке (семантика и средства выражения). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М., Л., 1964.

Bailey S. Just for Christmas. Croydon, 2013.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1987.

Evening Standard. 25 January, 2014. P.14.

Kelk L. I Heart Christmas. London, 2013.

Электронные источники

Interview with Mary Berry. BBC I, 09.01.2014.

Yahoo News. www.yahoo.com (дата обращения 06.01.2014, 23.02.2014)

Filimonova Olga Yevgenjevna (Saint Petersburg, Russia)

INTENSIFIERS IN MODERN ENGLISH

The article focuses on the analysis of semantic and structural peculiarities of intensifiers in modern English. Using the notion of gradience the author describes qualitative, quantitative, comparative, emotive and evidential types of intensifiers giving examples from modern fiction, newspapers, adverts and TV interviews.

Keywords: *intensifier, gradience, qualitative, quantitative, comparative, emotive, evidential, expressiveness, text, cognitive analysis*

УДК 81.0

В.А. Данилова (Москва, Россия),
Г.И. Данилова (Санкт-Петербург, Россия)

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КУЛИНАРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
В КОНТЕКСТЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА
НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье с позиции лингвокультурологического подхода рассматривается корпус фразеологических единиц немецкого языка, имеющих в своём составе кулинарный компонент, выраженный лексемами *Milch* и *Butter*.

Ключевые слова: кулинарный компонент, лингвокультурологический анализ, фразеологический фонд, языковая картина мира, диахронический подход

Лингвокультурологический подход к исследованию языка, получивший в последнее десятилетие широкое распространение как в зарубежном, так и в отечественном языкознании, делает возможным рассматривать те или иные языковые факты комплексно, с привлечением максимально доступного объема экстралингвистической информации. Сосредоточенность на анализе собственно языковой картины мира уступила место попыткам реконструкции концептуальной картины мира, трактовке языковых явлений через призму исторического пути того или иного этноса как специфического лингвокультурного сообщества. На протяжении столетий язык передаёт верования, заблуждения, национально-культурные установки, фиксируя таким образом национально-специфическое видение окружающего мира.

Фразеологический фонд языка благодаря своей структурной специфике и устойчивости, безусловно, является чрезвычайно ценным материалом исследования, позволяя как можно более полно проанализировать избранный фрагмент концептуальной картины мира. Техническая доступность таких источников, как словарь В. и Я. Гримм, словарь К.Ф.В. Вандера и др., делает возможным проводить лингвокультурологические изыскания в диахроническом аспекте. Собранные в этих словарях фразеологические единицы (далее ФЕ) включают в себя устойчивые сло-

весные комплексы эпохи раннего средневековья, они снабжены примерами, авторскими комментариями, пометами об их распространённости в конкретной местности Германии, нередко приводятся эквиваленты из других языков.

Сравнительный анализ словарей XIX века и современных лексикографических источников позволяет сделать вывод о том, актуальна ли та или иная идиома в современном немецком языке. На наш взгляд, было бы неверным концентрироваться лишь на фразеологическом фонде современного немецкого языка, игнорируя вышедшие из употребления либо малоупотребительные ФЕ. Концептуальная картина мира интересна именно в диахроническом аспекте, когда можно выделить её трансформации или же наоборот неизменные сегменты, сохраняющие стабильность на протяжении веков.

Диахронические исследования позволяют также установить прототипы ФЕ, проясняют мотивы обращения народа к конкретному образу, позволяют осмыслить пути вторичной номинации. Для каждого этноса существуют свои образно-ассоциативные метафорические переосмысления исходных значений, своеобразный культурный код, сквозь призму которого раскрываются национальные особенности миропонимания.

Особым «кодом» коммуникации является «кулинарный, или гастрономический код». Кулинарные привычки каждого народа складывались на протяжении многих веков под влиянием географических, климатических, экономических факторов и стали неотъемлемой частью всякой национальной культуры. Традиционные продукты питания, способы их приготовления и употребления, своеобразные блюда национальной кухни – в них отчётливо проступает этническая специфика.

Поэтому исследование ФЕ с кулинарным компонентом имеет особую культурологическую ценность.

Объектом данного исследования мы выбрали немецкие фразеологизмы, стержнем которых является кулинарный компонент, выраженный лексемами *Milch* и *Butter*.

Обратимся к библейской символике как к общехристианскому фонду ассоциаций. В Библии молоко выступает как один из основных продуктов питания, необходимых для жизни: «Das Nötigste im Leben der Menschen sind: Wasser, Feuer, Eisen und Salz, kräftiger Weizen, Milch und Honig, Blut der Trauben, Öl

und Kleidung. All dies dient den Guten zum Guten, doch für die Schlechten verwandelt es sich in Schlechtes [Sir. 39: 26–27] (*Главное из всех потребностей для жизни человека – вода, огонь, железо, соль, пшеничная мука, мёд, молоко, виноградный сок, масло и одежда: всё это благочестивым служит в пользу, а грешникам может обратиться во вред*) [Сирах. 39:32, здесь и далее по синодальному переводу]. Также в Ветхом Завете молоко упоминается в качестве угощения, предложенного Авраамом посетившим его трём мужам (Троице): «Dann nahm Abraham Butter, Milch und Kalb, das er hatte zubereiten lassen, und setzte es ihnen vor <...> [Gen. 18:8] (*И взял масла и молока и телёнка приготовленного, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели* [Быт. 18: 8]). Молоко и мёд являются признаками благословенной земли: «In ein Land, in dem Milch und Honig fließen, wirst du kommen <...> [Ex. 33:3] (*И введёт он вас*) в землю, где течёт молоко и мёд <...>» [Исх. 33:3]). Вообще словосочетание «земля, текущая молоком и мёдом» как символ изобилия, благосостояния встречается при ветхозаветном описании Земли обетованной неоднократно, по нашим подсчетам – не менее 25 раз.

В Песне Песней Соломона мёд и молоко также выступают вместе и означают неизъяснимую сладость: «Deine Lippen, meine Braut, sind wie triefender Honigseim; Honig und Milch ist unter deiner Zunge, und deiner Kleider Geruch ist wie der Geruch des Libanon». [Hld. 4:11] (*Сотовый мёд каплет из уст твоих, невеста; мёд и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!*) [Песн. 4:11]. Словосочетание *Milch und Honig* вошло в ФЕ *aus j-s Munde fließt Milch und Honig* (кто-либо льстит). Представление о молоке как о сладостном вкусном напитке зафиксировано также, например, в ФЕ *Süße Milch soll man vor Katzen hüten* (букв. Молоко следует оберегать от кошек).

Благодаря своему цвету, молоко используется для описания красоты лица с ярким румянцем на белой коже (*aussehen wie Milch/Schnee/Lilie und Blut/Rose*). Эквивалентное русское выражение *как кровь с молоком* издавна используется для описания здорового человека, имеющего цветущий вид.

Естественные процессы (напр., скисание) и действия, производимые с молоком (кипячение, снятие сливок), стали основной возникновения нескольких старинных ФЕ. Скисание молока вы-

ражает что-либо чрезвычайно неприятное (*jmdm. wird die Milch sauer – с кем-л. произошло нечто досадное*). В Тироле некогда была распространена ФЕ *die Milch sinken lassen* (*терять мужество*), основанная, вероятно, на свойстве кипящего молока оседать, будучи снятым с огня. В XVI веке распространённое в Швабии выражение *er lässt die milch abe* означало, что кто-либо идёт на уступки, предъявляет меньшие требования [Grimm, 1854–1961, Bd.12, Sp. 2189]. Лексема *abe* является отделяемой приставкой (*ab*). Снятие сливок, символически обозначающее получение материальной выгоды, корысти, нашло отражение в ФЕ *die Milch abrahmen* (букв. *снять сливки*). Ср. ФЕ с кулинарным компонентом *Rahm/Sahne* (*сливки*), которые употребляются в сходном метафорическом значении (*den Rahm/die Sahne abschöpfen – снимать сливки, перен. брать себе лучшую часть*).

Наблюдения за влиянием молока на организм зафиксированы в поговорке *die Milch balgt wohl, aber sie talgt nicht* (*молоко насыщает, да жира не добавляет*). Идиома *guter Wein ist der Alten Milch* сопоставляет молоко и вино, шутливо называя вино «*молоком стариков*».

Количество идиом, включающих в себя кулинарный компонент *Butter* (масло), чрезвычайно велико; словарь К.Ф.В. Вандера приводит 118 подобных ФЕ. Наряду с *Rahm/Sahne* (*сливки*) кулинарный компонент *Butter* (*масло*) обычно обозначает нечто ценное, привлекательное, полезное (ср. *Butter verdirbt keine Kost. – Каши маслом не испортишь; alles in (schönster) Butter – шутл. в лучшем виде; всё идёт как по маслу*). Масло символизирует богатство и благополучие (ср. *sich nicht die Butter vom Brot nehmen lassen – перен. уметь постоять за себя; не дать себя в обиду*); *einem die Butter vom Brot schaben/nehmen* – более ранняя «зеркальная» ФЕ (*пожиться за чей-л. счёт; лишить кого-л. лакомого кусочка*). Метафорическое значение *деньги* компонент *Butter* приобретает в актуальной сегодня ФЕ *wenn man mit Butter umgeht, macht man sich fettig*; ср. также сходную по смыслу ФЕ: *wer Butter knetet, bekommt fette Finger* (*перен. Кто имеет дело с большими деньгами, у того они прилипают к рукам*).

Помимо материального благополучия масло может символизировать счастье, удачу, напр., *es bleibt keine Butter auf seinem Brote liegen* (ср. рус. *удача повернулась к нему спиной*). Ср. *das ist (wdre) ein Stück Butter im Brei* (*это неожиданное счастье, удача*).

ФЕ *jmdm. fällt die Butter vom Brot* символизирует переживание острых негативных эмоций (в первую очередь, чувства страха), напр. «*erschreck ich, dasz mir die butter hätte mögen vom brote fallen.*» [Grimm, 1854–1961, Bd. 2, Sp. 584]. Необходимость возмещения кем-л. материального ущерба выражено в ФЕ *er muss die Butter bezahlen* (букв. он должен оплатить масло). В местности Эйфель имела место следующая идиома, характеризующая человека, пренебрегающего понятием справедливости: *er schneidet die Butter bis auf den Teller* (букв. он режет масло до самого дна тарелки; другими словами: забирает себе больший кусок, заботится о собственной выгоде). Следует отметить, что в голландском, английском языках кулинарный компонент *Butter* обладает тем же значением выгоды, прибыли, удачи (ср. англ. *no butter will stick to my bread*; гол. *elk wil de boter op zijnen koek hebben*).

В основе ряда ФЕ лежат свойства продукта. Так, например, в словаре В.и Я. Гримм зафиксирована идиома *wie Butter an der Sonne bestehen* (auch: (da) stehen). ФЕ употреблялась для описания чувства невыносимого стыда, от которого человек сгорал подобно плавящемуся на солнце маслу [Grimm, 1854–1961, Bd.2, Sp. 585]. Словарь В. Борхарта, Г. Вустмана, Г. Шоппе приводит иную трактовку данной ФЕ: так говорят о человеке, который, несмотря на весь свой ум и мужество, в полной растерянности/беспомощности оказывается перед обстоятельствами, не в силах изменить их. Так, пример из литературы XVI века: *Da du mit deiner weisheit kunst wie butter an der sonne bestunst* (1582, Haynecius, die Komödie «Hans Pfriem», Vers 2029) [цит. по: Borchardt, Wustmann, Schoppe, 1955, S. 94].

О пользе и вреде масла говорится в ФЕ *Butter ist des Morgens Gold, des Mittags Silber und am Abend Blei* (букв. Масло по утрам – золото, в обед – серебро, вечером – свинец).

Старинные ФЕ с кулинарным компонентом *Butter* зафиксировали некогда распространённые в Германии поверья и приметы. Так, словарь К.Ф.В. Вандера содержит идиому на диалекте *Bueter op Bartelmei kearnet [gebuttert] wahr en gans Jahr un heilet ds Salwe*, которая была распространена в Вестфалии. Она приписывает маслу, сбитому в день Св. Варфоломея (24 августа), лечебные свойства мази и способность не портиться в течение всего года. Интерес вызывает также идиома *wer am gastmahl die butter anschneidet, darf dies jahr nicht heiraten* (букв. Кто на пире раз-

режет масло, не должен жениться в этом году) [Grimm, 1854–1961, Bd. 2, Sp. 585]. Вероятно, здесь зафиксировано старинное суеверие, связанное со вступлением в брак. Людвиг Штракерьян (Ludwig Strackerjan) в книге „Aberglaube und Sagen aus dem Herzogtum Oldenburg» (1909) приводит сходное выражение *wer die Butter zuerst anschneidet, wird in 7 Jahren nicht heiraten* (букв. кто первым надрежет масло, тот не женится в течение 7 лет). Другая старинная идиома *wenn man die Butter auf der Erde (dem Boden) findet, dann ist das Butterfass verzaubert.* – букв. если находишь масло на земле, то, значит, бочка с маслом заколдована), восходит своими корнями, по предположению К.Ф.В. Вандера, к народному поверью, согласно которому ведьмы, слетавшиеся на гору Броккен, роняли на землю из заколдованных бочек некое вещество, схожее с маслом или смолой. Ср.: *Altfries.: Az wy di buwter op it lan fynne, dan binne dy tjenuen betjoend. Holl.: Als men de boter op het land vindt, is de karn betooverd* [Wander, 1867-1888, S. 52].

Фонд немецких ФЕ с кулинарным компонентом чрезвычайно обширен и многообразен, однако, по нашим наблюдениям, представляется возможным выделить две большие группы: ФЕ с единственным кулинарным компонентом и ФЕ, в которых помимо лексем *Milch/Butter* присутствуют названия других продуктов или блюд.

Как показывает количественный подсчет, по словарю К.Ф.В. Вандера, в большинстве идиом присутствует один кулинарный компонент (61 ФЕ из 91 с компонентом *Milch*, 69 ФЕ из 118 с компонентом *Butter*). В качестве второго кулинарного компонента выступают названия молочных продуктов (обычно в сочетании *Milch – Käse*, *Milch – Butter*, *Milch – Molke*). Объектом фразеологического переосмысления становятся процессы, производимые с молоком, напр. *es wird nicht jede Milch zu Butter geschlagen* (букв. не из всякого молока сбивают масло); *aus schlechter Milch werden keine guten Molken* (букв. из плохого молока не выйдет хорошей сыворотки); *wie Milch, so Käse* (букв. каково молоко, таков и сыр). В идиомах со стержневым компонентом *Butter* встречаются следующие сочетания: *Butter – Käse*, *Butter – Quark*. Эти молочные продукты не являются производными друг для друга, так что при помощи сочетания кулинарных компонентов может быть подчеркнута иерархия продуктов, различная

или, наоборот, одинаковая их значимость в жизни людей, напр.: *frische Butter ist besser als alter Quark* (букв. *свежее масло лучше, чем старый творог*); *Butter und Käse sind an einem Tag geboren* (букв. *масло и сыр родились в один день; когда говорят о чем-л. родственном, схожем*).

Однако нами отмечено значительно большее количество ФЕ в обеих группах, где второй кулинарный компонент обозначает продукт или блюдо, не относящиеся к молочным продуктам (22 ФЕ в группе с компонентом *Milch*, 39 ФЕ в группе с компонентом *Butter*). При этом чётко прослеживается следующая закономерность: с лексемой *Butter* широко сочетаются такие лексемы, как *Brot*, *Brei*. Образная составляющая этих ФЕ строится на повседневных действиях, производимых с маслом (масло намазывают на хлеб, кладут в кашу), напр.: *jeder will die Butter auf sein Brot streichen* (букв. *каждому хочется намазать себе масло на хлеб*); *man muss nicht alle Butter in einen Brei tun* (букв. *не следует всё масло класть в кашу*).

При этом с лексемой *Milch* встречаются следующие сочетания: *Milch – Wein*, *Milch – Bohnen*, *Milch – Weißbrot*, *Milch – Fisch*, *Milch – Rinderbraten*, *Milch – Wasser*. За счет употребления в одной ФЕ заведомо не сочетаемых с молоком продуктов (бобов, вина, рыбы), либо, в соответствии с народной мудростью, плохо сочетающихся продуктов (белого хлеба) возникает эффект контраста, усиливается образное противопоставление. Об этом свидетельствуют следующие ФЕ: *Milch und Wein bringt das Kind auf Totenschrein* (букв. *молоко и вино доведут дитя до смертного одра*), ср. *итал. latte e vino ammazza il bambino*; *Milch auf Wein ist Gift; aber auf Milch den Wein, das mag eine Arznei sein* (букв. *молоко, выпитое после вина, – яд; однако вино, выпитое после молока, может стать лекарством*). Данная ФЕ имеет аналоги в латыни, французском и датском языках (ср. *дат. melk paa viin er venin, viin paa melke er medicin*); *süße Milch und Weißbrot, das ist mir bitter Tod* (букв. *молоко и белый хлеб – для меня это смерть горькая*); *wer mit heißer Milch sich weh getan, bläst auch kaltes Wasser an* (ср. *рус. обжегшийся на молоке на воду дует*); *Milch, Fisch und Schweinefleisch dient nicht zusammen* (букв. *молоко, рыба и свинина не сочетаются друг с другом*); *ein gereichter Löffel Milch stärkt mehr als ein verheissener Rinderbraten* (букв. *поданная ложка молока укрепляет лучше, чем обещанное жар-*

кое); *auf süße Milch gehören keine sauren Bohnen* (букв. *с молоком не сочетаются солёные бобы*).

Таким образом, в многочисленных ФЕ с кулинарными компонентами *Milch* и *Butter* отражено место этих базовых продуктов питания в картине мира немецкого народа с древности до наших дней. Помимо представлений о сочетаемости/несочетаемости продуктов, их свойствах, использовании в народной медицине, связанных с ними народными приметами и поверьями ФЕ зафиксировали повседневные гастрономические привычки немцев, их представления о ценности одного продукта по сравнению с другим. При этом некоторое число аналогичных устойчивых словесных комплексов в других европейских языках свидетельствует о сходном отношении к пище, сложившемся, в частности, под влиянием христианской культуры. Собранный нами фразеологический материал свидетельствует об аналогичной коннотативной оценке таких базовых продуктов питания, как молоко и масло, в рамках картины мира различных европейских этносов. Путём привлечения экстралингвистической информации – сведений о повседневной жизни, социально-культурных установках, религиозных представлениях народа – и соотнесения их с лингвистической формой выражения представляется возможным описать пока ещё недостаточно изученный сегмент гастрономического кода национальной культуры.

Список литературы

- Borchardt W., Wustmann G., Schoppe G. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Leipzig, 1955.
- Krüger-Lorenzen K. Deutsche Redensarten und was dahintersteckt. München, 2001.
- Strackerjan L. Aberglaube und Sagen aus dem Herzogtum Oldenburg. 2 Bde. – 2. Aufl., Oldenburg, 1909.

Электронные источники

- Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. 4 Bde. Leipzig, 1867–1881 [Электронный ресурс] URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander/> (дата обращения: 05.02.2014).

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. 16 Bde. Leipzig: S. Hirzel, 1854–1961 [Электронный ресурс] URL: <http://urts55.uni-trier.de:8080/Projekte/DWB> (дата обращения: 05.02.2014).

*Danilova Victoria Anatolievna (Moscow, Russia),
Danilova Galina Ivanovna (Saint-Petersburg, Russia)*

THE IDIOMS WITH A CULINARY COMPONENT IN THE CONTEXT OF THE GASTRONOMIC CODE OF THE GERMAN NATIONAL CULTURE

The article discusses German idioms containing lexems *Milch* and *Butter*. The idioms with a culinary component reveal the unique gastronomic code of the German culture from ancient times to the present day. As a subject of the linguaculturological analysis, they make a reconstruction of the German world view possible.

Keywords: *culinary component, lingoculturological analysis, idioms, picture of the world, diachrony*

УДК 811.112; 81-25

Л.Б. Копчук (Санкт-Петербург, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье проводится анализ социокультурного содержания фразеологизмов немецкого языка Швейцарии на основе выявления национально специфической системы образов, закрепленных во фразеологическом составе. Устанавливаются лексические компоненты, которые содержат культурно значимую информацию и отражают национальное самосознание германошвейцарского языкового общества.

Ключевые слова: *фразеология, швейцарский вариант немецкого языка, социокультурный компонент значения, культурный символ*

Национальное своеобразие немецкого языка Швейцарии, обусловленное особенностями его социально-функциональной структуры, а именно, уникальным характером взаимодействия и взаимопроникновения литературного языка и швейцарского (алеманнского) диалекта (см. [Домашнев, Копчук, 2001, с. 65–79; Löffler, 1986]), в значительной степени определяет особенности его фразеологии. В результате тесного взаимодействия языковых и внеязыковых факторов образовался корпус употребительных только в германо-швейцарском узусе фразеологизмов, отражающих в своей совокупности особенности исторических, культурных и политических условий немецкого языка в Швейцарии и специфику его социально-функциональной структуры.

По образному определению В.Н. Телия, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Исследование социокультурного содержания фразеологии позволяет определить круг фразеологических образов, отражающих особенности национального мировосприятия. Именно во фразеологии в полной мере воплощаются особенности национально-культурного развития германошвейцарского сообщества, самобытность его традиций, обычаев, норм поведения, проявляется специфика картины мира данного этноса.

Как показывает анализ, ядро фразеологической микросистемы швейцарского варианта немецкого литературного языка состав-

ляют специфически швейцарские фразеологизмы, национально детерминированная образность которых базируется на собственных языковых средствах [Копчук, 1997, с. 129–131], и которые наглядно демонстрируют тезис: «... система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Малыгин, 1999, с. 39]. Социокультурное своеобразие таких фразеологических гельвецизмов обусловлено, прежде всего, включением в их состав лексических компонентов, которые служат для номинации национальных реалий и отражают **географические и природные особенности, историю и культуру, специфику жизни и быта швейцарцев**. В этой связи можно согласиться с утверждением Р.Х. Хайруллиной о том, что «фразеологический образ всегда связан со словом как компонентом фразеологизма» [Хайруллина, 2011]. Лексические компоненты выступают культурными маркерами, их семантизация позволяет вскрыть необходимые для адекватной интерпретации фразеологизмов историко-культурные ассоциации.

Жизнь граждан альпийской страны издавна и полностью определяется географическими и природными условиями, что неизменно отражается как на их мировосприятии, так и на национально-специфических образах и фразеологизмах. К наименованиям швейцарских явлений, связанных с особенностями природы и климата страны, относятся, например, следующие лексические компоненты фразеологических гельвецизмов:

der Hochschein = ‚erster Lichtstrahl morgens auf Berg- und Turmspitzen‘ → *keinen Hochschein haben* (‚keine Ahnung haben‘); *die Bise* = ‚Nordostwind‘ → *Drei Dinge sind gar selten; Wind und Frost, Bise mit Tauwetter und ein Weib, das wenig redet*. Компонент *Bise* составляет в качестве определяющего элемента сложных слов основу компаративного фразеологизма *wie das Bisewetter* (‚wie ein Sturmwind‘) и шуточного названия обуви *ein Paar ‚Bisluft‘* (‚Überzieh-Pantoffeln aus dickem Filz, in die man mit den Schuhen schlüpft‘).

Географическое положение и природа являются доминирующими факторами, определяющими характер повседневной жизни и трудовой деятельности населения и, соответственно,

своеобразное мировосприятие и языковую картину мира лингвокультурной общности. По наблюдению швейцарских лингвистов, наиболее продуктивной сферой возникновения и функционирования лексических гельвецизмов является крестьянская жизнь [Naas, 2000; Meyer, 1989 и др.]. Подтверждением этого является высокая фразеобразовательная активность лексических единиц, которые служат для номинации предметов и явлений, связанных со спецификой жизни и деятельности швейцарского народа. Крестьянский уклад жизни значительной части населения страны, особенно в прошлом, в период возникновения основного ядра национальной фразеологической системы, оказал существенное влияние на формирование своеобразия немецкого языка Швейцарии в области словарного состава, что отражается в тематической принадлежности высокочастотных фразеологических компонентов. Особенной фразеобразовательной активностью отличаются компоненты, относящиеся к тематической группе «домашние животные», в первую очередь, существительное *die Kuh: keine heiligen Kühe kennen* (‚nichts Heiliges haben‘); *etwas so lange warten, bis eine Kuh einen Batzen gilt* (‚etw. unendlich lange warten‘); *es ist eine Kuh in der Luft* (‚es ist etw. (Unangenehmes) im Anzug‘). Показательно частое использование этой лексемы при оформлении национальных народных пословиц, например, *Drei Babi machen eine Kuh stierig*.

В Швейцарии, как и во всем южнонемецком регионе распространено употребление существительного *die Geiss* (вместо немецкого *die Ziege*), неоднократное использование которого в составе фразеологических единиц связано с народным представлением о неполноценности этого животного, например: *auf der Geiss heim müssen* (‚mit langer Nase abziehen‘); *etwas ist so lecker (kogäs) wie eine Geiss; wissen, wie man die Geiss scheren muss* (‚superklug sein‘); *Da könnte der Geiss das Haar ausgehen* (‚es ist nun bald genug‘).

Частое употребление компонента *das Ross* в составе фразеологических гельвецизмов обусловлено как экстралингвистически, так и особенностями его лингвистической характеристики в немецком языке Швейцарии. Стилистической маркированности этой лексемы в собственно немецком стандарте как относящейся к высокой, поэтической сфере употребления противостоит в швейцарском варианте его стилистически нейтральное восприятие и

использование, что также является результатом воздействия алеманнского диалекта. Такое отношение к существительному *das Ross* определяет не только его употребительность в устной разновидности языка германошвейцарцев, но и его высокую фразеологическую активность: *das Ross am Schwanz aufzäumen; zwischen Ross und Wand* ('in der Enge, Klemme'); *den Kopf auf haben, wie ein Kutscheross* ('den Kopf hochtragen'); *Mein Rösslein strebt dem Stall zu* ('meine Arbeit nimmt ein Ende').

Спецификой природных условий страны и трудовой деятельности швейцарского народа обусловлена широкая употребительность компонента *die Birne* в составе фразеологических гельвецизмов, при этом образной интерпретации подвергается именно прямое, а не переносное, стилистическое сниженное, значение этого слова: *jmdm. (heimlich) in die Birnen gehen* (jmds. Mädchen besuchen'); *etwas zu verlesen haben wie dürre Birnen* (,großen Vorrat an etwas haben'); *Diesmal gibt es keine Birnen* (,Diesmal gibt es daran nichts zu rütteln').

Предпочтительное использование в Швейцарии и в других южнонемецких областях существительного *das Kraut*, по сравнению с лексемой *der Kohl*, и наряду с ареальным *der Kabis*, накладывает отпечаток на употребительность этой единицы в составе фразеологизмов, например: *Besser eine Laus im Kraut als gar kein Fleisch* (ср. нв: *Besser eine Laus im Kohl als gar kein Fleisch*).

Национальную специфику обнаруживают также фразеологизмы, в компонентный состав которых входит наименование традиционно знаменитого, прославившего Швейцарию продукта питания – сыра: *Mach dich zum Käse und verzieh dich!* ('geh weg!'); *Witz und Käs' – beide räss.*

К обозначениям неповторимых швейцарских реалий, придающим фразеологическим гельвецизмам национальный колорит, относятся также многочисленные топонимы. Наименования крупнейших и наиболее значимых для политической и культурной жизни городов Швейцарии являются семантически стержневыми компонентами многих фразеологизмов, например: *Abläss in Bern holen und kein Geld mitbringen; Lieber der Erste in Genf, als der Zweite in London; Bern hat schöne Gassen und ein wüstes und wildes Land.*

Производное от топонима Basel (город на севере Швейцарии) прилагательное обнаруживается в пословице *Es gehört auf den Bas-*

ler Tisch (Basler Tisch – der Tisch, an dem sich die Gdste am unerzogensten betragen). Менее известны географические названия в выражениях *Jetzt ist Murten über* – 'Jetzt ist es zu viel' (*Murten – Stadt in der Westschweiz*) и *Er macht's wie der Kuhhirt von Dorlikon* (,er legte seine Stelle nieder, um nicht abgesetzt zu werden').

За пределами Швейцарии, на территории Франции, расположена область, связанная с германошвейцарским социальным коллективом культурной, языковой и географической близостью, название которой является одним из семантически определяющих компонентов фразеологического гельвецизма *das Feuer im Elsass sehen* (,feurige Kugeln sehen').

Названия рек, озер, водоемов, относящихся к швейцарской территории, обнаруживаются в следующих фразеологических гельвецизмах: *Das geht nicht in die Aare* = *Das wird in der Lette nicht versinken* – 'das wird wirken' (*die Aare* – schweizerischer Nebenfluss des Rheins); *sich gegenseitig die Suonen abgraben* – 'das Wasser abgraben' (*die Suonen* – künstlich angelegte Bewässerungsleitungen an den Abgängen des Walliser Berglandes); *Inzwischen ist doch viel Wasser durch den Genfersee geflossen.*

Как показывают примеры, включение топонимов в состав фразеологических гельвецизмов обусловлено тем, что в сознании представителей германошвейцарского социума они приобретают функцию символизации определенных признаков в результате интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологической единицы.

Семантическую основу самобытных фразеологизмов нередко составляют имена реальных или фиктивных лиц (мифонимы), которые подвергаются образному переосмыслению и приобретают свойства знаков культуры.

Особенное место среди фразеологических гельвецизмов занимает однозначно этимологически мотивированное выражение, содержащее имя человека, прославившего Швейцарию во всем мире, *ich bin kein Pestalozzi*. Семантическую основу этого фразеологизма и его употребления в значении 'ich muss vorerst auf meinen eigenen Vorteil bedacht sein' составляет особенно почитаемое и знаменитое в швейцарском народе качество великого педагога – его бескорыстие в деле просветительства. В данном случае наблюдается процесс переноса характеристики определенного лица на имя собственное, которое становится культурным символом и ценностным ориентиром.

Отличие от данного примера, большая часть имен собственных в составе фразеологических гельвецизмов является демотивированными образованиями, которые можно квалифицировать как мифонимы. Например, выражения *ein Hans Chlupf (Klupf) sein* и *ein Hans Chlupf heissen* (‘Feigling sein’) содержат вымышленный компонент-антропоним, который служит олицетворением трусости. В данном случае, очевидно, можно говорить о персонификации диалектизма *der Klupf* (‘plötzlicher Schreck, große Angst’).

Для культурно-национального самосознания швейцарцев чрезвычайно важен статус страны как независимого нейтрального государства, в их коллективной исторической памяти особое место отводится историческим событиям, благодаря которым Швейцария приобрела свое положение в мире. Географическое название *Morgarten* (Bergabhang in den Schweizer Alpen, am Agersee) является семантическим ядром фразеологического гельвецизма *jmdm. ein Morgarten bereiten* (‘eine vernichtende Niederlage bereiten’), мотивированность которого определяется тем фактом, что победой в битве при Моргартен в 1315 году швейцарцы добились независимости от Габсбургов.

Во фразеологическом составе находит отражение особенная любовь швейцарцев к национальным народным играм. Так, например, высокой фразеобразовательной активностью характеризуется существительное *die Hose*, что обусловлено большой популярностью традиционной народной игры *der Hosenlupf*. Форма одежды для этого состязания послужила поводом для прямого и переносного, т.е. фразеологического, употребления выражений: *in die Hosen steigen* (‘sich zum Kampf bereit machen’); *mit jmdm. in die Hosen müssen* (‘sich mit Hosenlupf jmdm. im Kampf messen müssen’); *in die Hose(n) gehen* (‘nicht gelingen’). Знание специфического социокультурного содержания данного лексического компонента необходимо для правильной интерпретации таких фразеологических гельвецизмов.

С национальной игрой *Hosenlupf* связано также употребление общенемецкого существительного *der Kranz* в распространенных в обиходно-разговорной речи фразеологизмах *in die Kränze kommen* (‘unter den Siegern sein’, ‘erfolgreich sein’); *nicht in die Kränze kommen* (‘keine Aussicht auf Erfolg, auf Verwirklichung haben’). Дело в том, что первоначально эти выражения относи-

лись к награждению победителя именно в борьбе *Hosenlupf* или в стрелковых соревнованиях, а затем в переносном значении стали использоваться и в других сферах жизни (ср. также: *Gang und Kranz verlieren*).

В основе фразеологического гельвецизма *den Hornuss (sicher) treffen* (‘den Nagel auf den Kopf treffen’) лежит выражение из швейцарской народной игры типа лапты *das Hornussen* (‘ein Schlagstockspiel’) [Ammon, 1995, S. 272].

Популярна в Швейцарии также национальная карточная игра *der Jass*, для обозначения процесса которой употребляется разговорное по характеру выражение *einen Jass klopfen*. Субстантивированный инфинитив от глагола *jassen* используется в качестве сравнения, например, *die Nase rümpfen wie beim Jassen*.

Карточная игра *der Jass* послужила основой для образования другого фразеологического гельвецизма *jmdm. das Nel(l) abstechen* (‘jmdn. übertreffen’), семантическим стержнем которого является заимствованное из нидерландского языка существительное *das Nel(l)*, обозначающее козырную девятку (Trumpfneun beim Jass).

Важным символом национальной идентичности являются для швейцарцев собственные денежные единицы, названия которых обнаруживают достаточно высокую фразеобразовательную активность. Так, для номинации основной денежной единицы в немецкоязычных областях Швейцарии (а также Лихтенштейна) используется существительное романского происхождения *der Franken*, которое в этом значении входит в состав фразеологического оборота *Jetzt ist einem Doktor ein Franken vertrunnen* (‘man hat jmdm. den Vorteil genommen’).

Наименование мелкой швейцарской монеты *der Rappen* (100 Rappen = 1 Schweizer Franken) является семантически определяющим компонентом в выражениях *keinen roten Rappen* (ср. нв. *keinen roten Heller*) и *Rappen spalten* (‘kleinlich sparen’), от которого образованы существительное *die Rappenspalterei* и прилагательное *rappenspalterisch*.

Использование монет, получивших название *das Zwanzigrappenstück* (в обиходно-разговорной речи – *der Zwanziger*), обусловило появление швейцарского фразеологического варианта к собственному немецкому выражению *der Groschen ist gefallen* – шв.: *der Zwanziger (das Zwanzigrappenstück) ist hinunter(gefallen)*.

В семантически сходном словосочетании (*manchmal geht es lange, bis der Batzen fällt*) употребляется существительное *der Batzen*, архаичное в собственно немецком варианте, но актуально принадлежащее швейцарскому узусу в значении 'Zehnrappenstück' и обнаруживающее высокую фразеобразовательную активность: *das Weggli und den Batzen (haben wollen); das Mösch putzen zu ganzen Batzen* ('richtig die Meinung sagen'); *etwas so lange machen (warten), bis eine Kuh einen Batzen gilt; Wer es glaubt, zahlt einen Batzen* (ср. нв.: Wer's glaubt, bezahlt einen Taler).

Приведенные лексические компоненты, создающие национально специфические фразеологические образы, приобретают символическое значение посредством соотнесения с культурно-национальными эталонами и стереотипами [Маслова, 1997, с. 47]. Наряду с представленными фразеологизмами, включающими социокультурно обусловленные компоненты, особенности национального характера и психологии германошвейцарцев находят яркое отражение в корпусе швейцарских пословиц и поговорок, которые являются результатом обобщения народного опыта многих поколений данного лингвокультурного общества (см. [Добровольский, Копчук, Малыгин, 2005, с. 477–479]).

Таким образом, в результате тесного взаимодействия языковых и внеязыковых факторов, связанных с особенностями исторических, культурных и политических условий развития немецкого языка в Швейцарии, образовался корпус фразеологических единиц, употребительных только в германошвейцарском языковом узусе и содержащих культурно значимую информацию. Самобытность фразеологии швейцарского варианта немецкого языка обусловлена оригинальной системой национальных культурных ценностей и стереотипов данного языкового общества, которые находят отражение в соответствующей системе фразеологических образов.

Список литературы

Добровольский Д.О., Копчук Л.Б., Малыгин В.Т. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) // Язык. Человек. Общество: междунар. сб. науч. тр. СПб., 2005. С. 374–492.

Домашнев А.И., Копчук Л.Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. СПб., 2001.

Копчук Л.Б. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка: монография. СПб., 1997.

Малыгин В.Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. СПб., 1999.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; New York, 1995.

Haas W. Die deutschsprachige Schweiz // Die viersprachige Schweiz / Hans Bickel, Robert Schläpfer: – 2., neubearbeitete Auflage. Aarau, 2000. S. 57–138.

Löffler H. Des Schweizers Deutsch – das Deutsch der Schweizer // Das Deutsch der Schweizer. Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. Aarau, 1986. S. 15–23.

Meyer K. Einleitung // Duden: Wie sagt man in der Schweiz? Wörterbuch der schweizerischen Besonderheiten. Mannheim; Wien; Zürich, 1989. S. 13–24.

Электронные источники

Хайруллина Р.Х. Межкультурная коммуникация: сопоставительный аспект изучения языков // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии: Электронный журнал 4 (10), июнь 2011: [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/47/> (дата обращения: 20.01.2014).

Kopchuk Liubov Borissovna (Saint Petersburg, Russia)

**PHRASEOLOGIES OF GERMAN LANGUAGE
IN SWITZERLAND
IN THE CONTEXT OF NATIONAL CULTURE**

The article focuses on the sociocultural content of phraseological unit in German Switzerland, based on elicitation of specific national system of images. The lexical components which contain significant cultural information and reflect national identity of German Swiss linguistic society are detected.

Keywords: phraseology, the Swiss variety of the German language, socio-cultural component of signification, a cultural symbol

УДК 81-22' 811-13

К.И. Немцева (Санкт-Петербург, Россия)

**ИДИОЭТНИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
КАК ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО
РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ**

Статья посвящена исследованию фразеотематического поля «Религия» на материале испанского и французского языков. Цель статьи – выявление национальной специфики фразеологии указанных языков, отражающей особенности национального религиозного сознания. В статье автор использует методы идиоэтнической фразеологии, исследующей фразеологический материал на четырех срезах.

Ключевые слова: идиоэтническая фразеология, фразеолекса, диада, атомарное словосочетание, фразеологическая единица, фразеотематическое поле

Фразеология представляет собой языковую универсалию, в которой наиболее ярко проявляются национально-своеобразные черты мировидения. Выявлением специфических черт различных языков занимается идиоэтническая фразеология. Ее предметом являются «идиоэтнические черты фразеологизмов, обусловленные типичными свойствами системы данного языка, сознания его носителей и селективного отображения в них культурно-исторических фактов» [Кириллова, 2003, с. 21].

Для выявления идиоэтнической маркированности фразеологии языков проводим сопоставительный анализ на четырех срезах:

1) фразеолексы 2) диады 3) атомарные словосочетания 4) фразеосемемы. На каждом срезе выделяются три типа аналогов: лексический, семантический и идиоэтнический. Лексический тип отражает эквивалентность на лексическом уровне – ему соответствуют изолексы, изодиады, изосочетания, изосемемы; семантический тип – на семантическом уровне при возможной лексической вариантности; идиоэтнический тип свидетельствует об отсутствии аналогов в других языках по отношению к рассматриваемому языку. Идиоэтнические элементы называются соответственно идиолексами, идиодиадами, идиосочетаниями и идиосемемами. Совокупность идиоэтнических элементов и составляет национальную специфику фразеологии языка.

При исследовании фразеотематического поля (ФТП) «Религия» нами были выявлены идиоэтнические элементы на всех четырех срезах, свидетельствующие об особенностях религиозного сознания испанского и французского народов.

План выражения фразеологической системы языка имеет следующую структуру: 1) фразеотематическое поле (ФТП) 2) фразеотематические ряды (ФТР) 3) фразеологические парадигмы (ФП) 4) фразеолексы. Ядром поля является фразеолекса. Фразеолекса – это несамостоятельная единица языка, функционирующая только в составе фразеологических единиц (ФЕ), совокупность фразеолекс составляет фразообразовательную лексику языка, частью которой является объект нашего исследования – лексика тематического поля «Религия». Она классифицируется на идеографической основе, для исследования ее вхождения во фразеологию мы проводим картографирование фразеолекс испанского и французского языков с помощью идеографического словаря. В нашей работе мы опираемся на идеографическую схему Р.Халлига и В.Вартбурга, которая рассматривается как аналог лексико-семантической системы языка [Караулов, 1976, с. 315]. Отправной точкой в рассуждениях авторов является сосюрский тезис о языке как о «системе, все элементы которой образуют целое» [Сосюр, 1933, с. 114]. Главная цель работы Р.Халлига и В. фон Вартбурга – выявить, как носители языка членят смысловой континуум, находящий отражение в лексике языка. По их мнению, картина мира обычного носителя языка составлена из зафиксированных в языке донаучных понятий, а сам носитель языка воспринимает весь окружающий мир с так называемым наивным реализмом (в том смысле, что такой взгляд не совпадает с научным знанием о мире) [Hallig, Wartburg, 1963, S. 88]. Смысловой континуум, согласно мнению авторов, включает в себя три основных макрополя: а) Вселенная (без человека); б) Человек; в) Человек и Вселенная, которые в дальнейшем разбиваются на 10 тематических полей. Религия в этой схеме находится в поле «Социальная организация».

Структура тематического поля (ТП) «Религия» по словарю Халлига и Вартбурга включает следующие тематические ряды и группы: 1. *Les sentiments religieux, Les croyances*. 2. *La religion (généralités, la superstition, la mythologie, les cultes non chrétiens, le christianisme)*. 3. *L'irréligion*. 4. *L'Église (organisation, droit,*

clergé, ordres, vêtements sacerdotaux, lieux du culte, rites et les cultes, fêtes).

Наша выборка по идеографической схеме Халлига–Вартбурга насчитывает 224 лексемы. Данное лексикосемантическое поле было дополнено нами лексемами идеологического словаря Х. Касареса. Идеографический словарь испанского языка состоит из трех частей: синоптической, аналогической и алфавитной. Синоптическая часть представляет собой понятийную классификацию содержательной стороны испанской лексики. Религия здесь занимает совершенно другое место, что свидетельствует о важности данного понятия для испанского сознания. На синоптической схеме видно, что весь смысловой континуум сначала делится на два больших макрополя: «Бог» (с полем «Религия») и «Вселенная», куда входят остальные 37 полей. Такой «религиозной» картине мира, на наш взгляд, также соответствует подробное описание религиозных реалий в аналитической части словаря. Например, в тематической группе «Ересь» насчитывается 30 различных еретических течений, а в тематической группе «Ислам» присутствует 141 лексема, причем не все в полной мере соотносятся с религиозной тематикой, например, здесь присутствуют и названия блюд *alcuzcuz*, и виды налогов *tuna, azaque*, подробное перечисление званий мусульманских правителей и другие культурные реалии. Такая обширная группа, посвященная реалиям жизни мусульман, обусловлена историческими причинами и тесными контактами Испании с арабами во время Конкисты и последующей за ней Реконкисты. Достоинство ТП «Религия» по словарю Халлига и Вартбурга состоит в более наглядной структуре, представленной в виде таблиц с четко определенными рядами и группами, которые при необходимости легко наполняются дополнительными лексемами. Таким образом, наша выборка «Религия» насчитывает 275 лексем в обоих языках. Из этого количества лексем во фразеологию вошло 149 в испанском и 148 во французском языках. Из этого следует, что оба языка на нашем материале обладают практически одинаковым уровнем фразеологичности: испанский язык фразеологичен на 54 %, а французский – на 53 %.

При анализе фразеологического материала ФТП «Религия» нами были выявлены примеры по каждому из четырех срезов:

Первый срез – фразеолексы:

- лексический тип – изолексы: *милосердие* – *исп. piedad/ фр. piedad, вера* – *исп. fe/ фр. foi, религия* – *исп. religión/ фр. religion, магия* – *исп. magia/ фр. magie, пророк* – *исп. profeta/ фр. prophète, ересь* – *исп. herejía/ фр. hérésie, демон* – *исп. demonio/ фр. démon.*

- семантический тип – *исп. hereje/ фр. hérésie: исп. cara de hereje / фр. il ne fera pas (point) d'hérésie; исп. iglesia/ фр. paroisse: исп. como la campana de una iglesia – трещит без умолку/ фр. entendre sonner les cloches et ne pas savoir dans quelle paroisse – слышать звон, да не знать, где он.*

- идиоэтнический тип – по соотносительности с лексемами другого языка идиолексы подразделяются на семь видов: этнографические, селективные, стилистические, лингвистические, фразеологические, архаические, исторические.

Фразеологические – фразеолекса одного языка соотносится не с фразеолексой другого языка, а с его лексемой, не входящей во фразеологию [Кириллова, 2003, с. 102].

В испанском языке: *божественность* – *divinidad, алилуя* – *aleluya, архиепископ* – *arzobispo, капеллан* – *capellán, прихожанин* – *paroissien, монахиня* *монья, жилище отшельника* – *ermita, шалость* – *diablura, собор* – *catedral, облатка* – *hostia, дискос* – *patena, ризничий* – *sacristán, обряд* – *rito, псалом* – *salmo, трепник* – *misal, проповедь* – *sermón, пост* – *vigilia, иезуит* – *jesuita, викариат* – *vicaría, мусульманская молитва* – *zálá.*

Во французском языке: *Творец* – *createur, секта* – *secte, чудовище* – *monstre, призрак* – *fantome, язычник* – *païen, апостол* – *apôtre, святость* – *sainteté, проклятие* – *damnation, церковный собор* – *concile, конклав* – *conclave, пострижение (в духовный сан)* – *tonsure, священник* – *prêtre, монастырь* – *couvent, аббатство* – *abbaye, звонарь* – *sonneur, амвон* – *jubé, кропильница* – *bénitier, кропило* – *goupillon, рака* – *châsse, культ* – *culte, катехизис* – *catechisme, анафема* – *anatheme.*

Стилистические – фразеолекса, соотносимая с лексемой другого языка, представляет собой ее стилистический синоним.

В испанском языке: *angelón, santísima, santito\а, diablejo, diablillo.*

Селективные – лексемы, существующие в одном языке как результат селективного способа номинации в языке, которым в другом языке соответствуют лакуны [Кириллова, 2003, с. 99].

В испанском языке: *santiguada* – *крестное знамение.*

Во французском языке: *grimoire* – *колдовская книга, тарабарщина, glas* – *похоронный звон.*

Лингвистические – фразеолексы, существующие только в ФЕ и не способные существовать в виде отдельных лексических единиц:

В испанском языке: *San Blando.*

Во французском языке: *Saint-Frusquin, Saint-Glinglin, Saint-Lundi.*

Исторические – лексемы, обозначающие предметы материальной культуры прошлого.

В испанском языке: *cruzada* – *крестовый поход.*

Во французском языке: *croisade* – *descendre des croisades* – *‘исходить из старинной знати.*

Второй срез – диады. На втором уровне исследования нами были рассмотрены диады ФТП «Религия», в результате чего мы получили 68 изодиад, 22 диады семантического типа, 304 идио-диады в испанском языке и 390 идио-диад во французском.

- лексический тип – изодиады: *fe/foi u carbonero/charbonnier: исп.fe de carbonero – фр. la foi du charbonnier – слепая вера.*

- семантический тип – диады двух языков, в которых первые или вторые члены находятся в гиперо-гипонимических отношениях либо в отношениях смежности. В следующем примере оба члена находятся в таких отношениях: *исп. siervo de Dios* – 1) *раб божий (обычно о самом себе); 2) простак, простофиля* – *фр. servante de Dieu/Christ/Jésus-Christ* – *монахиня.*

- идиоэтнический тип:

В испанском языке: *Cristo/moro* – *como Cristo no fue moro* (АСС «как Христос не был мавром») – *не было и быть не могло, clavo/ Cristo* – *por los clavos de Cristo* (АСС «ради гвоздей Христа») – *ради всего святого, ради всех святых.*

Во французском языке: *sexe/ange* – *discuter sur le sexe des anges* (АСС «спорить, какого пола ангелы») – *вести пустые, бесполезные дискуссии, ange/bête* – *ni ange ni bête* (АСС «ни ангел, ни зверь») – *ни то, ни сё; ни рыба, ни мясо, jeu/enfer* – *jouer un jeu d'enfer* (АСС «вести адскую игру») – *крупно играть.*

Третий срез – атомарные словосочетания (АСС)

- лексический тип – *исп. auto de fe* – *ист. аутодафе, сожжение на костре* – *фр. acte de foi* – 1) «*поступок, совершаемый в силу убеждений, во имя веры*»; 2) *догмат, аксиома.*

- семантический тип – *исп. dormir como un bendito* (АСС спать, как блаженный) – *фр. dormir comme un ange* (АСС спать, как ангел) – спать спокойно, безмятежно.

- идиоэтнический тип:

В испанском языке: *sentarle/venirle a uno una cosa como (a un santo) Cristo un par de pistolas* (АСС сидеть на ком-то/подходить кому-то, как Христу пара пистолетов) – не подходить, как корове седло, *parecer un santo de Francia/de piedra* (АСС казаться святым Франци/из камня) – быть вялым, апатичным.

Во французском языке: *faiseuse d'anges* (АСС фабрикантша ангелов) – разг. а) женщина, занимающаяся незаконными абортми; б) женщина, принимающая за плату младенцев для вскармливания.

Четвертый срез – фразеологизмы: Н.Н. Кириллова выделяет десять типов межъязыковых соответствий, из которых межъязыковые фразеологические эквиваленты относятся к лексическому типу, межъязыковые фразеологические варианты – к семантическому типу, а остальные типы соответствий – к идиоэтническому типу [Кириллова, 2003, с. 116–118].

- лексический тип – межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), атомарные словосочетания и фразеосемемы которых идентичны: *исп. fe rúnica/фр. foi rúnique* (АСС «вероломная вера») – вероломство, коварство, *исп. entrar en la religión/фр. entrer en religion* – постричься в монахи, принять постриг.

- семантический тип – межъязыковые фразеологические варианты (МФВ), выражающие одну и ту же фразеосемему, атомарные словосочетания которых обозначают один и тот же первичный десигнат, нерелевантные признаки которого выражаются вариативно: *исп. ha pasado/pasó un angel/фр. l'ange a passé/c'est un ange qui a passé* – тихий ангел пролетел (о внезапно наступившей паузе в разговоре).

- идиоэтнический тип – межъязыковые фразеологические омонимы (МФО) – ФЕ разных языков, атомарные словосочетания которых совпадают, но имеют разные фразеосемемы вследствие разных префразеологических аспектов их первичных десигнатов: *исп. fuego sacro/sacrado* (АСС священный огонь)- антонов огонь, гангренозное, рожистое воспаление/фр. feu sacré – священный огонь, искра божья, талант; межъязыковые фразеологические паронимы (МФП) – разноязычные ФЕ, отличающиеся по зна-

чению, атомарные словосочетания которых, совпадая частично или полностью по лексическому составу, различаются синтаксическими связями между компонентами: *исп. capaz de hacer pecar a un santo* (АСС способный заставить согрешить и святого) – 1) чертовски хорошенькая (о женщине); и святого введет в соблазн; 2) отличный, превосходный (о вещи)/фр. faire damner un saint (les saints) (АСС заставить согрешить святого) – il ferait damner un saint – он и святого ввел бы в грех, он кого угодно выведет из себя; векторные фразеологизмы (МВФ) – ФЕ разных языков, находящиеся в векторных отношениях: *исп. más feo que un voto a Dios* (АСС страшнее, чем клятва Богу) – страшен как смертный грех/фр. laid comme un démon (АСС безобразный, как демон) – страшный как черт; типолого-идентичные фразеологизмы (МТИФ) – ФЕ разных языков, эквивалентные по смыслу, синтаксическая модель атомарных словосочетаний которых идентична, но заполнена различным лексическим составом: *исп. ni toro ni cristiano* (АСС ни мавр, ни христианин)/фр. ni ange ni bête (АСС ни ангел, ни зверь) – ни то ни сё, ни рыба, ни мясо; межъязыковые фразеологические синонимы (МФС) – разноязычные ФЕ, фразеосемемы которых тождественны, а атомарные словосочетания различны: *исп. no tener perdón de Dios* (АСС не иметь прощение Бога) – не иметь ни стыда, ни совести/фр. ne avoir ni foi ni loi (АСС не иметь ни веры, ни закона) – быть бессовестным, не иметь ни стыда ни совести; 10) идиоэтнические фразеологизмы – отсутствие аналога: *исп. ser como la campana de la Inquisición (que nunca daba a tiempo)* (АСС быть, как колокол Инквизиции (который никогда не звучал кстати) – говорить всегда некстати, невпопад; *исп. hacer un toro cristiano* (АСС сделать мавра христианином) – сделать доброе дело, поступить хорошо; фр. pain des anges (АСС хлеб ангелов) – причастие, Тело Господне.

Как показал исследованный материал, на каждом срезе сопоставления были выявлены универсальные для двух языков, семантически схожие и, что самое главное, идиоэтнические явления. Наличие индивидуальных, национальных черт в ФТП «Религия» в испанском и французском языках свидетельствует о различиях в национальном религиозном сознании данных народов, обусловленных историческими и культурными особенностями.

Список литературы

- Испанско-русский фразеологический словарь. М., 1985.
 Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
 Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. СПб., 2003.
 Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2005.
 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
 Французско-русский фразеологический словарь. М., 1963.
 Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, Gili, 1959.
 Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. Berlin, 1963.
 Lexis Larousse de la langue française. XVI. Paris, 2002.

Электронные источники

- Diccionario de la lengua española Diccionario de la Real Academia Española. URL : buscon.rae.es/diccionario/drae.htm (дата обращения: 10.02.14).

Nemceva Kseniia Igorevna (Saint-Petersburg, Russia)

IDIOETHNICITY OF A PHRASEOLOGICAL SYSTEM AS A FEATURE OF THE NATIONAL RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

The article is dedicated to the investigation of the phraseothematic field "Religion" on the material of the Spanish and French languages. The purpose of the article is to discover national specificity of Spanish and French phraseology which reflects peculiarities of the national religious consciousness. The author uses methods of the idioethnical phraseology exploring phrase material at four levels.

Keywords: *idioethnical phraseology, phraseolexeme, dyad, atomic phrase, phraseological unit, phraseothematic field*

УДК 81'373.7:811.111

Н.А. Павленко (Донецк, Украина)

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена исследованию семантики английских фразеологических единиц с гендерным компонентом. Рассматриваются различные подходы к концепции фразеологического значения, уточняется его структура. Анализируются механизмы фиксации гендерного компонента в структуре фразеологического значения. Приводятся результаты компонентного и семантического анализа, в ходе которого были выделены ядерные и периферийные признаки, используемые для номинации человека.

Ключевые слова: *гендер, фразеологическая единица, семантика, интегральная сема*

Современный этап развития лингвистики характеризуется бурным ростом гендерных исследований. Значительные изменения в этой области связаны с пересмотром исследовательских целей и задач путем разработки новых методик и направлений изучения гендера в языкознании.

Несмотря на то, что гендерные исследования являются новым направлением в науке, к настоящему времени сделан ряд существенных выводов. Вопрос о правомерности гендерного подхода к анализу человеческой истории и культуры уже не ставится под сомнение и считается вполне очевидным и обоснованным. В центре внимания гендерных исследований находятся «культурные и социальные, а также языковые факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры» [Зыкова, 2003, с. 133]. Фразеология как ретранслятор культурных и языковых изменений аккумулирует обширные данные для анализа механизмов реализации гендерного компонента в языковой системе. В настоящее время появляется все больше лингвистических исследований, ориентированных на выделение гендерных различий во фразеологических структурах различных языков. Помимо

стремительно развивающихся гендерных исследований в сфере лексики и фразеологии (см., напр. [Телия, 1998; Зыкова, 2002, 2003; Бессонова, 2002]), исследования гендера как языкового феномена ведутся по таким направлениям как: лексикография ([Колесникова, 2002; Ольшанский, 2002]), дискурс ([Кирилина, 1999, 2000, 2002; Томская, 2002]), коммуникация [Fitzpatrick, Mulac, Dindia, 1995] и другие.

Данная статья посвящена описанию семантических особенностей фразеологических единиц с гендерным компонентом. Исследуемые языковые единицы представляют значительный фрагмент языковой картины мира и отражают специфику менталитета языкового сообщества.

Анализ механизмов фиксации гендерного компонента в семантике фразеологических единиц не представляется возможным без исследования специфики фразеологического значения. В теории фразеологии наблюдаются два взгляда на его сущность. В первом случае фразеологическое значение отождествляется с лексическим, во втором, рассматривается как кардинально отличающееся от всех значений. Отличие фразеологического значения от лексического состоит в том, что экспрессивный потенциал фразеологизма создается всеми его компонентами, конститuentы концептуальной картины мира вербализуются путем образного переосмысления, приобретая новое вербальное выражение. Также кроме номинативной и экспрессивной функций фразеологические единицы выполняют ряд других, таких, как прагматическая, гносеологическая, фатическая, кумулятивная функции [Башиева, 1995, с. 9].

В контексте современных подходов к исследованию фразеологических единиц важную роль играет концепция фразеологического значения А.В. Кунина [Кунин, 1972, 1999]. Он выделяет в составе фразеологизма три аспекта: сигнификативный (содержание понятия, которое реализуется в этом значении), денотативный (объем понятия, который реализуется на основе выделения минимума признаков денотата) и конотативный (информация, заложенная в языковых единицах, кроме их предметно-логического смысла) [Кунин, 1999, с. 92]. Однако, для целей данного исследования целесообразно взять за основу концепцию семантики идиом, предложенную В.Н. Телия [Телия, 1988], которая предлагает рассматривать значения идиом

в качестве иерархически упорядоченной модели, выступающей в виде макрокомпонентов, состоящих, в свою очередь, из семантических «примитивов». В.Н. Телия выделяет в семантике идиомы следующие компоненты: 1) дескриптивный макрокомпонент, отвечающий за содержание, отображаемое в значении идиомы; 2) оценочный макрокомпонент, обозначающий ценность обозначаемой идиомы; 3) мотивационный макрокомпонент, обозначающий образ, адекватный действительности или неадекватный ее представлению; 4) эмотивный макрокомпонент, или эмотивная окраска идиомы; 5) стилистический макрокомпонент; 6) грамматический макрокомпонент, или сведения о морфологических, синтаксических и фонетических формах идиом.

Вслед за В.Н. Телия, И.В. Зыкова делает предположение о существовании в семантике идиом еще одного – гендерного макрокомпонента, который находится в тесной взаимосвязи с вышеуказанными компонентами. Накладываясь на описание идиомы, гендерный макрокомпонент помогает в полной мере раскрыть понятия маскулинности и фемининности. Однако сложность выведения данного макрокомпонента заключается в его способности «рассеиваться» по остальным макрокомпонентам фразеологического значения «в случае отсутствия в дескрипции эксплицитной семы, указывающей на денотата мужского или женского пола» [Зыкова, 2003, с. 29]. В таком случае представляется возможным задействовать остальные макрокомпоненты фразеологического значения, то есть проанализировать механизмы имплицитного выражения гендерного компонента в значении идиомы.

Материал проведенного исследования составили 279 фразеологических единиц, в значении которых присутствует гендерный компонент. Эмпирические данные были получены из авторитетных фразеологических словарей и словарей идиом [Кунин, 1998; Oxford Dictionary of Idioms, 1993; Cambridge International Dictionary of Idioms, 2002]. Исследовательский корпус отбирался с учетом применения структурного и семантического критериев. Структурный критерий отбора применялся к фразеологизмам, одним из компонентов которых является лексема-указание на лицо мужского или женского пола, т.е. такие слова, как *man*, *boy*, *girl*, *woman* и т.д., например: (*as*) *fat as alderman* 'толстый как олдермен', тучный, полный, с брюшком, *Aunt Edna* 'тетушка Эдна', театралка с консервативными вкусами'. С помо-

щью семантического критерия отбирались идиомы, содержащие в своем значении сему пола: *a wet nurse* ‘кормилица’ – a woman who breast feeds and cares for another’s child ‘женщина, которая кормит грудью чужого ребенка’. При этом лексемы в структуре фразеологизма, указывающие на пол денотата, часто совпадали с таковым в дефиниции: *a man for all seasons* ‘мужчина на все времена’ – a man who is ready to cope with any contingency and whose behaviour is always appropriate to every occasion ‘мужчина, который ведет себя соответственно каждой ситуации’.

Анализ семантических особенностей языкового материала показал, что фразеологические единицы с гендерным компонентом являются номинациями человека по ряду признаков, а именно: характер, внешность, физические или умственные способности, род деятельности, отношения, возраст и манера одеваться.

Семантический класс идиом, номинирующих человека по роду деятельности, присущему тому или иному полу (*a principal boy* ‘театр. трагист актриса, исполняющая мужскую роль’ – the leading male role in a pantomime, played by a woman ‘ведущая мужская роль в пантомиме, которая исполняется женщиной’), является наиболее многочисленным и насчитывает 97 единиц, что составляет 34,8 % от общего количества единиц выборки. Семантика фразеологизмов, составляющих данную группу, отличается тем, что в основном гендерный признак комбинируется с семой “род деятельности”, например: *the son of Mars* ‘букв. сын Марса’ – a military man ‘военный’. В количественном соотношении преобладают идиомы-номинации мужских профессий. Часто они характеризуют род занятий, связанный с военным делом или религией: *Holy Joe* ‘букв. Святой Джо’ – a minister or priest ‘министр или священник’.

Группа идиом с дифференциальной семой “манера поведения” составляет 41 единицу (14,7 %): *a lady of easy virtue* ‘женщина сомнительной нравственности’ – a loose and promiscuous woman, one easily seduced ‘особа легкого поведения’. В семантике идиом данной группы интегральной является сема “поведение”, которая комбинируется с семой пола: *a Jack the Lad* ‘парнишка Джек’ – a confident and not very serious young man who behaves as he wants to without thinking about other people ‘самоуверенный, легкомысленный человек, который не думает о других людях’. Данный семантический класс характеризуется преобладанием маскулин-

ных фразеологизмов, что может быть обусловлено особенностями формирования языкового сознания и традиционной андроцентричностью английского языка.

Группа фразеологизмов-наименований лица по характеру отношений насчитывает 38 единиц, что составляет 13,6 % от общего количества единиц выборки: *the old lady* ‘старуха’ – a wife and mother ‘жена, супруга; мать’. Кроме облигаторных сем данной группы (“сема пола” и “характер отношений”), можно выделить компоненты, которые конкретизируют характер отношений. Чаще всего это дополнительные семы, указывающие на приобретенное родство, например: *half brother* ‘сводный брат’ – the son of either of one’s parents by another partner ‘сын одного из родителей от другого партнера’. Превалирующее количество идиом данной группы относятся к рефрентам мужского пола: *Mr. Right* ‘будущий муж, суженый’ – the man that a woman may be hoping to find as an ideal mate, esp. in marriage ‘мужчина, которого женщина считает идеальным партнёром, особенно для брака’.

Численность группы фразеологизмов, номинирующих человека по внешнему признаку, составляет 33 единицы (11,8 % от общего количества единиц выборки): *a plain Jane* ‘букв. неприметная Джейн’ – a woman or girl who is not attractive ‘непривлекательная девушка или женщина’; *a platinum blonde* ‘блондинка с волосами цвета платины’ – a person who has very light blonde hair ‘особа, у которой очень светлые волосы’. Данная группа характеризуется следующим набором сем: “сема пола” + “внешность” + дополнительная сема “особенности внешнего вида / манера одеваться”: *Beau Brummel* ‘красавчик Браммел’ – extremely or excessively well-dressed man, fop, dandy ‘щеголь, денди, франт’. В группе превалируют фразеологизмы с фемининной референцией, что можно объяснить повышенным вниманием к внешности у представительниц слабого пола.

Группа идиом-номинаций лица по дифференциальному признаку “образ жизни” насчитывает 30 единиц (10,7 %): *pukka(h) sahib* ‘букв. подлинный’ – a real gentleman ‘разг. ирон. настоящий джентльмен’; *Lady Bountiful* ‘букв. Леди Щедрость’ – a woman who enjoys showing people how rich and kind she is by giving things to poor people ‘богатая женщина, которая занимается благотворительностью, чтобы показать, насколько она щедра’. Так, целый ряд фразеологизмов данной группы характеризуется

набором определенных сем “образ жизни” + “пол” + дополнительная сема “мотивация поведения / действия”, а также преобладанием мужского гендерного компонента в семантике.

Семантический класс идиом-возрастных номинаций состоит из 25 единиц, что составляет 9 % от общего количества единиц выборки: *Darby and Joan* ‘Дарби и Джоан’ – an elderly married couple who live a placid, harmonious life together and are seldom seen apart ‘пожилая любящая пара’. Среди обязательных сем данного семантического класса можно выделить основные семы “возраст”, “пол” и дополнительную сему “род занятий / интересы”, например: *a bread and butter miss* ‘школьница’ – a schoolgirl ‘девочка школьного возраста’. Доминирующими в данной группе являются гендерно маркированные фразеологизмы, характеризующие женщин и мужчин преклонного возраста.

Группа фразеологизмов-наименований по признаку физических или умственных способностей насчитывает 15 единиц (5,4%): *dumb Dora* ‘букв. глупая Дора’ – a stupid and often naïve woman ‘глупая женщина, дурочка’. Большинство идиом данной группы характеризуется набором интегральных сем “физические/ умственные способности” + “пол” + дополнительная сема “отклонения”: *Jack Sprat* ‘букв. Джек Спрэт’ – a small man ‘карлик’. В рамках данной группы наблюдается практически равное распределение идиом с мужским и с женским гендерным компонентом, которые преимущественно определяют физические или умственные отклонения.

Основные наблюдения и результаты анализа семантических особенностей корпуса языкового материала позволяют сделать следующие выводы:

Наиболее многочисленными являются группы идиом, номинирующие род деятельности, отношения и черты характера человека, так как эти признаки чаще всего используются для переосмысления в ФЕ и являются ядерными в языковой системе картины мира. В свою очередь, результаты количественного анализа идиом, характеризующих физические, умственные способности, свидетельствуют о периферийности данных признаков.

В ходе компонентного анализа фразеологической семантики была выделена сема пола, которая взаимодействует с другими компонентами фразеологического значения и является интегральной, так как передает гендерную информацию, общую для

группы фразеологических единиц. Это позволяет сделать вывод о том, что гендерный компонент, являясь неотъемлемой составляющей семантики многих идиом, влияет на особенности фразеологической номинации, которая является способом вербализации представлений о различных социальных и культурных аспектах жизни языкового сообщества.

Преобладание идиом с антропонимическими лексемами связано с особенностями их семантики, а также набором номинативных функций. Высокий потенциал исследования семантики фразеологизмов с гендерным компонентом связан со способностью данных единиц отражать эволюционные процессы в обществе, характеризовать социальный строй, уровень материального и интеллектуального развития, а также все происходящие изменения.

Список литературы

- Башиева С.К. Стилистический компонент фразеологического значения. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1995.
- Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: Монографія. Донецьк, 2002.
- Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М., 2003.
- Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- Кирилина А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы Междунар. науч. конференции (25-26 июня 2002). Иваново, 2002. С. 238–242.
- Кирилина А.В. О применении понятия Гендер в русскоязычном описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 19–27.
- Колесникова М.С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: сб. статей. М., 2002. С. 28–37.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1999.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М., 1972.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., исправл. М., 1998.

Ольшанский И.Г. Тексты брачных объявлений как источник гендерной самоидентификации // Гендер: Язык, культура, коммуникация: Докл. Второй международной конф. М., 2002. С. 243–248.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.

Томская М.В. Лаборатория гендерных исследований МГЛУ // Гендер как интрига познания: Альманах. М., 2002.

Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge, 2002.

Fitzpatrick M.A., Mulac A., Dindia K. Gender-preferential language use in spouse and stranger interaction // Journal of language and social psychology. L., 1995. Vol. 14, № I / 2. P. 18–39.

Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford, 1993.

Pavlenko Nina Aleksandrovna (Donesk, Ukraine)

SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH GENDER COMPONENT

The paper discusses the meaning of English phraseological units with gender component. Introductory notes concern the approaches to interpretation of phraseological meaning and its structure. The mechanisms of gender fixation in the structure of phraseological meaning are analyzed. The article gives the results of component and semantic analysis, which help to define the core and peripheral characteristics used in nominating a human.

Keywords: gender, phraseological unit, semantics, integral seme

УДК 811.111'27

А. И. Приходько (Запорожье, Украина)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается отражение культурологического компонента в структуре фразеологизмов. Особое внимание уделено роли фразеологии в процессе познания и отражения окружающей действительности.

Ключевые слова: фразеология, культурологический, познание, отражение

Развитие когнитивной лингвистики в последние десятилетия позволяет по-новому взглянуть на многие понятия, традиционно используемые в исследованиях языка и речи. Целый ряд лингвистических проблем получают новое освещение и новое решение в силу их освещения с новой точки зрения, и это прежде всего проблемы категоризации и концептуализации, проблемы языковой картины мира, проблемы соотнесения языковых структур с когнитивными, т.е. – все то, с чем связано освещение ментальных репрезентаций и способов их языкового выражения. [Кубрякова, 1996, с. 54].

Категоризация фактов и событий реального мира у разных народов может иметь большую вариативность, наличие которой связано со спецификой жизнедеятельности данного народа, с существованием определенных этнических стереотипов, детерминирующих процессы восприятия и интеграции. Все эти этнокультурные феномены занимают определенное место в коммуникативно-познавательной деятельности субъекта, так как входят в систему регуляторов, определяющих характер и специфику дискурсивной деятельности.

Сюда же входит и набор морально-этических установок, которые представлены как универсальные, общечеловеческие ценности. Однако иерархия ценностей, культивируемых в том или ином обществе, имеет свою специфику. Подобные качественные сдвиги и модификации, несомненно, находят свое отражение в организации фразеологических единиц.

Фразеологическая система передает национально-специфическую форму выражения общечеловеческих культурных ценностей. Изучая ее, можно получить представление об особен-

ностях национальной культуры, ценностных представлениях носителей языка, о специфике так называемой «языковой картины мира» и структурно-семантических параметров конкретной языковой действительности. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Всякий фразеологизм, с нашей точки зрения, – это текст, т.е. хранитель культурной информации. Но если мы слышим фразу типа «язык помнит и хранит тайны...», то должны понимать, что это не более чем метафора. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры

Фразеология особенно ярко отражает историю, культуру, быт и характер народа, его взгляды. Ассоциации прошлого, представления закреплялись в языке, становились всенародным достоянием. В некоторых случаях они были очень похожи у разных народов, а иногда приводили к самым неожиданным проявлениям. Национально-культурный компонент – часть семантики слова, которая связана с национальной культурой.

Национально-культурная семантика особенно выразительна во фразеологических единицах. Национальную языковую специфику указанных единиц составляют внутренний образ (первоначальный денотат), который лежит в основе единиц, семантика и структура фразеологической единицы, лексический состав и стилистические характеристики. Фразеологизмы обладают культурным компонентом значения, который лежит в основе сопоставительного описания семантической структуры фразеологических единиц, которые сопоставляются между собой по семантической и грамматической форме. Национальная самобытность языка находит самое яркое и непосредственное выражение во фразеологии.

Для полного понимания функционирования фразеологических единиц в языке необходимо связывать их с менталитетом нации.

Менталитет – это категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, состав ума, состав души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты разномасштабных лингвокультурных сообществ. Обычно, под менталитетом понимают некую глубинную структуру сознания, которая зависит от социокультурных, языковых, географических и других факторов. Фразеологические единицы концентрируются в языке веками и снова образуются в каждой эпохе, т.к. они вбирают в себя культурную информацию, дают возможность сказать много, используя меньше языковых средств, и в то же время достигают глубин народного духа, культуры.

Фразеологизмы несут в себе языковые образы, которые являются способом восприятия картины мира и делают значительный вклад в ее формирование, отражают оценочное отношение к действительности. Рассмотрение традиционной ментальности народов помогает пролить свет на современные реалии действительности. Именно менталитет отражает характерное отношение к миру разных наций.

Корпус лексико-семантических средств, который составляет основу лексикона и грамматикона языковой личности, естественно, более чувствителен к культурному компоненту, в нем колоритно и выпукло отражаются национальные особенности восприятия окружающей действительности.

Знание всех особенностей и коннотативных тонкостей моральных, правовых этических, эстетических и других норм данного конкретного социума является одним из наиболее важных условий осуществления речевой деятельности и достижения успешности выполняемых речевых операций. Морально-этикетные нормы поведения – это основа национального самосознания. Именно фразеологизмы и являются зеркальным отображением этнокультурных норм поведения того или иного народа [Арнольд, 2002; Телия, 1996].

Фразеологические единицы, характеризующиеся сложной семантической структурой и являющиеся языковыми знаками вторичной номинации, обладают способностью отражать окружающую действительность, что позволяет рассматривать их как познания последней. Следовательно, фразеологический фонд языка представляет значительный интерес для когнитивистики. На-

большей когнитивной значимостью обладают фразеологизмы, имеющие национально-культурный компонент [Кравцов, 2008, с. 222] в плане выражения или плане содержания.

Среди вопросов, которые решаются в пределах современной лингвистической парадигмы, одно из приоритетных мест занимает проблема когнитивно-семантических областей и их развитие в рамках определенных лексико-фразеологических систем.

Одной из главных проблем фразеологии является определение фразеологической единицы (фразеологизма, устойчивого словосочетания или фразы). Фразеология любого языка, весьма богата по форме и семантике, – сложный конгломерат устойчивых сочетаний слов, стилистический диапазон которых колеблется от нейтральных общелитературных оборотов до жаргонных вульгаризмов [Скребнев, 2000, с. 75].

Фразеологизмы занимают особое место среди других знаков языковой системы. Они являются следствием потребности в выразительных средствах коммуникации – вербальном выражении чувств, эмоциональных оценок, средств эмоционального влияния, точных характеристик человека, предметов, явлений.

Внешняя, материальная сторона фразеологизмов как знаков – это их компоненты, связанные между собой синтаксической связью, но из-за единства семантики эти внутренние связи ослаблены, а внешняя связь слова с контекстом выражена четко и сохраняется, так как она актуальна. Фразеологическая единица – это всегда опосредованный знак. Он указывает на определенное представление через другое представление.

Проблема фразеологического значения – одна из наиболее сложных не только во фразеологии, а и в языкознании вообще. Фразеологическая номинация существенным образом отличается от лексической, поскольку она относится к подтипу специфической косвенной номинации и осложнена коннотативным значением.

Лингвисты отстаивают точку зрения о том, что в основе фразеологизма лежат ассоциативные трансферы, так как в процессе речи происходит передача информации не только объективно, но и субъективно-оценочного характера. В отличие от лексем, значение которых потенциально охватывает все признаки и свойства предмета, действия и т. д., фразеологизмы относятся к знакам языка, выражающим лишь некоторые качества [Пономаренко, 2000, с. 254]. Следовательно, основная функция фразеоло-

гизма состоит не в номинации денотатов (референтов). Фразеологизм не столько именуется предмет мысли, сколько характеризует его в каком-то плане, дает ему оценку – положительную или отрицательную, причем с определенной степенью интенсивности.

Фразеология базируется на богатом историческом опыте народа, вбирает в себя представления, связанные с трудовой деятельностью и культурой людей. Благодаря компрессии общественного опыта во фразеологизмах наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей, обычаями. Одним из факторов, усложняющих семантику фразеологизма, является национально-культурная коннотация. Последняя может быть представлена как один из компонентов значения фразеологизма или как элемент семантики фона.

Важным для контрастивного исследования есть анализ фразеологического пласта единиц со специфической образностью. Сравнение образности таких единиц возможно посредством сравнения компонентов фразеологических единиц и их атрибутов.

Среди фразеологизмов существует целый ряд единиц с компонентом-диалектизмом. Экспрессивность диалектизма поддерживается тем впечатлением языковой свежести, неординарности, которое он оказывает на читателя. Степень же экспрессивности зависит от принадлежности диалектного элемента к определенному языковому уровню, от его семантической прозрачности и субъективно-оценочной информации, которую он несет.

На экспрессивность устойчивых выражений опосредствованно влияют специфические фраземные компоненты – переосмысленные обобщенные антропонимы, топонимы и т.п. Растворяясь и переосмысливаясь во фразеологическом целом, они приобретают другое значение в сравнении с тем, какое присуще им в словарном составе языка. Обобщенный антропоним может усложнять метафорическое содержание фразеологизма, давать толчок новому ассоциативному осмыслению.

Употребление собственных названий-образов в составе фразеологизмов создает дополнительные возможности экспрессивности: в одном случае их использование является более едким, чем употребление несобственных наименований, в другом – введение антропонимов-образов смягчает остроту выражения, служит средством эвфимизации.

Языковые знаки связаны со знаками культуры в целом. Эту связь можно определить как ассоциативный, символический. Кроме простого сохранения информации, для фразеологизмов характерологической является функция прагматического освоения действительности [Тарнаева, 2005, с. 29]. Объектом названия и, самое главное, оценивания во фразеологии есть человеческое поведение, его фрагменты, отдельные действия людей, их черты, внешние признаки, внутренние качества.

Фразеологическая система ценностей не отображает в полном объеме современного состояния системы ценностей исследуемых социумов, так как коннотации, закрепленные во фразеологии, во многих случаях касаются периода возникновения фразеологизма.

Для культурологического исследования определяющим является сам способ репрезентации значений, внутренняя форма, образность. Сравнение национально- или этномаркированных фразеологизмов позволяет делать выводы о расхождении в системе ценностных установок социумов, которые обнаруживаются в коннотациях, в значимости и семантической нагрузке того или другого символа.

Таким образом, фразеология – микросистема, которая входит в общую систему языка и имеет национально-культурную специфику, т.к. тот или иной объект в определенной культуре существует в специфических условиях, свойственных только данной культуре, имеет культурно обусловленные ассоциативные связи. В рамках лингвокультурологического подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов видится в том, что они заключают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, явлении национальной культуры.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.

Кравцов С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. научн. конф. (г. Белгород, 4–6 мая 2008 г.). Белгород, 2008. Т. 2. С. 219–223.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Пономаренко А.Ю. Экспрессивный компоненту безеквівалентних фразеологічних одиниць // Гуманітарний вісник: Сер. «Іноземна філологія». Черкаси, 2000. № 4. С. 250 – 257.

Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2000.

Тарнаева Л.П. Репрезентация национально-культурной специфики концептуализации явлений природы в русских и английских фразеологизмах // Международный семинар №3 (6) «Проблемы идеотнической фразеологии». СПб., 2005.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Prihodko Anna Ilinichna (Zaporozhye, Ukraine)

CULTUROLOGICAL ASPECT OF PHRASEOLOGY

The article deals with the question of manifestation of culturological component in the structure of phraseological units. Much attention is paid to the study of the role of phraseology in the process of cognition and reflection of the surrounding reality.

Keywords: phraseology, culturological, cognition, reflection

УДК 81'373.47

А.Н. Пягай (Санкт-Петербург, Россия)

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ VS. ДИСФЕМИЗАЦИЯ

Статья посвящена изучению тенденций к изменению в речевом этикете современного английского языка и существенному влиянию бесчисленных субкультур на формирования «новой» нормы словоупотребления. Несмотря на то, что дисфемия предполагает намеренный уход от нормы и употребление лексики сниженного стиля, этот речевой феномен набирает все большую популярность.

Ключевые слова: дисфемия, дисфемизм, речевой этикет, речевая норма, прагматика

Термин «норма» применительно к речевому дискурсу употребляется в двух значениях: во-первых, нормой называют общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих; во-вторых, нормой называют предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные словарем, справочником, учебником. Впервые это различие было проведено в трудах пражского лингвистического кружка, прежде всего – в работах Б. Гавранека. Он писал: «Каждый член определенного общественного целого, территориального или рабочего подчиняется бессознательно или сознательно своим высказываниям языковым навыкам соответствующего целого, ибо в ином случае он исключал бы себя из него» [Гавранек, 1986, с. 86–87]. Это «обязательное» и составляет языковую норму (или норму литературного языка).

Норма, как правило, выступает в сознании говорящих не сформулированной, лишь как навык. Действительно, мы научены с детства, что можно говорить, а что произносить не следует. Об этом свидетельствует частое неумение говорящих сформулировать возражения против того, что им представляется неправильным, в частности против дисфемии, отчасти в этом состоит и эффект воздействия дисфемизмов.

Имплицитно норма выступает в виде образца, который находится в сознании носителя языка. В этом случае она проявляется в неявной, несформулированной, неописанной форме. При этом индивидуальные отступления от нормы, в частности дисфемия, вызывает протесты.

Эксплицитно сформулированной норма предстает перед носителями языка в виде некоего кода, отражающего представление «лучшей» части социума о речевой норме.

Интересно, что речевая норма в большой степени подвержена веяниям эпохи, т.е. она находится в постоянном изменении и корректировке. Подобные изменения, выражаясь вначале в единичных словоупотреблениях, постепенно становятся частотными и под влиянием определенных социальных обстоятельств, входят в норму. Примером может служить употребление в речи слов, обозначающих Бога, дьявола и прочую религиозную лексику. Слова такого рода еще несколько веков назад не допускались в речи, а сейчас их использование не несет за собой ничего предосудительного. Речь об этом более подробно пойдет позже.

Однако язык допускает и обратный процесс. Слова и выражения, широко распространенные раньше, под действием некоторых обстоятельств, выпадают из нормы. Так случилось с некоторыми словами, обозначающими расовую принадлежность.

На описанные ранее процессы изменения в языке влияет фактор употребительности (распространенности). В.Г. Костомаров в своем труде «Языковой вкус эпохи» говорит: «Общественный вкус нынешнего времени диктует демократизация речи, что естественно связывается с обновлением литературного канона за счет внутренних языковых ресурсов» [Костомаров, 1994, с. 65]. Это заявление следует признать справедливым, если учесть количество употреблений сленгизмов, просторечий и прочей лексики сниженного стиля.

Приведем пример, демонстрирующий сказанное выше: «*Middle Britain thinks...one puff on the joint leads to the needle*» [Listener, 2005]. В этом примере слово «needle» употреблено в значении «*a hypodermic needle used for injecting drugs; the use of, or addiction to, injected drugs*». Обеспокоенность общества проблемой наркомании выражается в увеличении числа статей в СМИ на эту тему. Употребление таких сленгизмов, а тем самым уход от нормы литературного языка, можно назвать социально обусловленным.

Ср.: «*The Mob from its Chicago headquarters runs the subcontinent* [Guardian, 2009] *Mob – an organization of violent criminals, the Mafia (slang)* [ODMS, 2010]. К сожалению, и в современном мире тема преступности не перестает быть менее актуальной,

а выражения, раскрывающие все тонкости криминальной жизни, постепенно проникают в повседневную речь.

Еще одним способом определения речевой нормы является лингвистический анализ, задачей которого является определение условий употребления и коммуникативных целей тех речевых актов, в которые они входят. Известный аксиолог П. Ноуэлл-Смит писал: «Мы стремимся обнаружить, что такое «хорошее», путем выяснения тех ограничений, которые налагаются на употребление слова «хороший» [Цит. по Арутюнова, 1999, с. 41]. Такое наблюдение является весьма интересным и для изучения темы дисфемии: оно позволяет сделать заключение о том, что дисфемизмы выходят за грани ограничений, наложенных «культурным» социумом.

Характерной чертой современной коммуникативной лингвистики является интерес к значению и функционированию нормы в процессе речевого общения. Академическая наука, занятая изучением языка, все больше и больше обращается к реальным процессам коммуникации. В поле зрения ученых оказывается самое главное – те, кто пользуется языком, те, для кого язык и существует, немаловажными представляются и правила речеупотребления. По мнению Ю.Н. Караулова «языковая личность – вот та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка». Он считает, что нельзя познать язык, если не выйти за его пределы и не обратиться к его носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности [Караулов, 2010, с. 3].

В этой связи большой интерес для лингвистических исследований представляет изучение речевого этикета, являющегося одним из показателей межличностных отношений в языке. Речевой этикет является одним из важных элементов культуры и неотъемлемой частью общей системы этикетного поведения человека в обществе. Проблематика, связанная с пониманием речевого этикета, активно разрабатывается Е.И. Беляевой, В.Е. Гольдиным, М.А. Егоровой, С.В. Неверовым, И.А. Стерниным, Н.И. Формановской, Л.В. Цуриковой и другими учеными-лингвистами.

Под речевым этикетом понимается «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления ре-

чевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [ЛЭС, 1990, с. 413].

В основе речевого этикета как функциональной системы языковых единиц лежит и функция общения (коммуникативная), и функция выражения мысли.

Основываясь на коммуникативной функции языка, автор многочисленных работ о современном русском речевом этикете Н.И. Формановская выделяет специализированные функции речевого этикета, а именно: контактоустанавливающую, регулирующую, эмоционально-модальную и функцию ориентации на адресата [Формановская, 1990]. Н.И. Формановская при этом отмечает, что при рассмотрении функций речевого этикета важно разобраться в том, какое место последний занимает в общении, какую роль он играет в речевом общении и как он включается в общий контекст коммуникации общающихся [Формановская 1990, с. 14].

Вся система языка развивается и видоизменяется с течением времени. Что-то утрачивается, а что-то, напротив, приобретает в процессе постоянной языковой эволюции. От пользователей языка требуется умение ориентироваться в его богатстве, в его неуловимых, но так необходимых для точного выражения мыслей и чувств, оттенков значений. Требуется умение ориентироваться в нормативных вариантах употребления, выработанного языком в процессе его многовекового развития. Носители языка легко выделяют единицы и формы речевого этикета и ощущают необходимость их употребления, так как социально-определенные ситуации требуют функционально-определенных знаков.

Речевая ситуация, в которой бытует речевой этикет, – это ситуация непосредственного общения коммуникантов, ограничиваемая прагматическими координатами я – ты – здесь – сейчас, которые организуют ядро поля языковых единиц речевого этикета. Грамматическая природа этих единиц определяется дейктическими указателями я – ты – здесь – сейчас (*Благодарю вас, Поздравляю!* и т.д.) [ЛЭС, 1990, с. 413].

В связи с этим в поле зрения многих исследователей попадают так называемые устойчивые формулы речевого общения в различных ситуациях, таких как: прощание, приветствие, извине-

ние, обращение, просьбы и другие. Данные этикетные ситуации были выделены Н.И. Формановской.

В речевом взаимодействии устойчивые формулы речевого общения предназначены для оказания воздействия на собеседника, которое связано со стремлением говорящего продемонстрировать свое доброжелательное отношение к слушающему, уважение к его личности и тем самым поддержать межличностное общение. Устойчивые формулы речевого общения именуются единицами речевого этикета (ЕРЭ) и определяются как «ситуативно обусловленные, коммуникативно-направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единиц устойчивые формулы общения» [Формановская, 1990, с. 80]. Собеседники выбирают адекватную форму выражения своего коммуникативного намерения в зависимости от параметров ситуации общения, учитывая правила вежливого речевого общения, иными словами, правила речевого этикета. ЕРЭ обладают социальной информативностью, так как являются своеобразными символами общественно-исторического опыта человека. Кроме того, воплощение ЕРЭ позволяет в большинстве случаев определить социальные роли и статус коммуникантов.

Несмотря на тот факт, что прагматика как раздел теории знака существует достаточно времени, прагматический подход к описанию языковых явлений появился лишь в 60-е годы двадцатого столетия и в настоящее время находится в состоянии пересмотра исходных основ и перспектив исследования.

Существует мнение, что любое речевое поведение является диалогичным, и существование монолога в чистом виде невозможно. Диалогизм, как считает М. Ляхтеэнмяки, подчеркивает социальный характер языка. Язык индивида, по его мнению, и социален, и индивидуален. Освоение языка является активным творческим процессом, который характеризуется ситуативностью и перспективой индивида, при котором происходит социально-конструированная интерпретация реальности говорящим с чужими словами, и он (говорящий) участвует в диалоге со своей уникальной точкой зрения [Ляхтеэнмяки, 1999, с. 36].

Диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. Даже в тех случаях, когда человек ведет немой внутренний разговор, у него есть собеседник. Этот

собеседник – сам размышляющий человек, точнее, тот образ самого себя, который в данный момент наиболее уместен в данной речевой и деятельностной ситуации. В силу тех или иных прагматических установок, говорящий, употребляя дисфемизмы, намеренно выходит за рамки норм речевого этикета и делает выбор в пользу наименее ожидаемого, предсказуемого. Говорящий знает о ЕРЭ, они заложены в его подсознании благодаря многолетнему речевому опыту, однако эти знания уходят на второй план, а на первый выходит негативное эмоциональное состояние, провоцирующее нарушение норм.

Понятие культуры речи смежно понятию речевого этикета. Культуру речи можно определить как мотивированное употребление языкового материала, как использование в конкретной речевой ситуации оптимальных для этой ситуации языковых средств. Культура речи – это использование средств и возможностей языка, адекватных содержанию, обстановке и цели высказывания, и в этом смысле это понятие может быть значительно шире языковой (литературной) нормы, т.е., использование дисфемии в определенной ситуации можно считать не только оправданным, но и необходимым. Естественно, подобное утверждение ни в коей мере не оправдывает самые резкие дисфемизмы, но, по крайней мере, делает попытки объяснить их функционирование в речи.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – изд. 2-е, испр. М., 1999.
- Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1986.
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, М., 2010.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ляхтеэнмяки М. Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах // Теоретическая и прикладная линг-

вистика. Вып.1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. Воронеж, 1999. С. 32–45.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1990.

Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford, New York, 2010.

Listener. London, 25/10/2005.

The Guardian. London, 15/9/09.

Piagai Azella Nikolaevna (Saint Petersburg, Russia)

SPEECH ETIQUETTE VS. DYSPHEMISATION

The article is devoted to the study of tendencies in the modern English speech etiquette and significant influence of numerous subcultures on the formation of a “new” discourse norm. Regardless of the fact that dysphemy presupposes deliberate norm violation and emerge of derogatives, this speech phenomenon is gaining its popularity.

Keywords: dysphemy, dysphemism, speech etiquette, speech norm, pragmatics

УДК 81.111'23

Ю.В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

РЕФЕРЕНЦИЯ И ИМЯТВОРЧЕСТВО: КТО В ИМЕНИ МОЁМ?

В статье на материале антропонимов рассматриваются такие аспекты ономастических исследований, как модели креативного имянаречения в британской и американской культурах, референциальные свойства антропонимов и их влияние на процесс самоидентификации личности. Прагматика выбора имени и проблема его восприятия носителем и окружающими анализируются автором с опорой на фундаментальную для современных исследований оппозицию “свой – чужой”.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, имянаречение, оппозиция “свой – чужой”, самоидентификация, референция, языковая личность

Имя собственное, оним, как никакой другой тип языкового знака, тесно связано с понятием «референция» в силу того, что его основное предназначение – не описание, а указание, индивидуализация внеязыкового объекта. Иными словами, «идеальные» имена собственные, выполняют номинативную функцию и обладают свойством единичной референции независимо от условий коммуникации.

В то же время, отмечая важность изучения личных имен – антропонимов, – зарубежные и отечественные лингвисты подчеркивают расширение их функций, их многомерность, многокомпонентность, прагматическую маркированность, социальную и личностную значимость. Как социально-языковой знак, личное имя представляет собой сжатую историю общества [Kaplan, Bernays, 1999], особую модель речевого поведения антропонимической языковой личности [Голомидова, 1998; Гарагуля, 2009], имплицитно «различные аспекты социопрагматических референций говорящих» [Пак, 2005, с. 13].

Понятие референции получает различные определения и интерпретации, так как рассматривается в логико-семантическом, прагматическом аспектах, соотносится с уровнем слова, предложения или высказывания. В данной статье под референцией имени собственного понимается *отнесение имени к свойствам объекта действительности.*

Что касается логико-семантического аспекта референции, то дискуссия о семантике имени собственного, главным образом, связана с вопросом о тождественности/нетождественности значения и референции, значения и информационного объёма, который может включать языковую, речевую, энциклопедическую, фоновую, групповую, индивидуальную и другого вида информацию. По своей семантической структуре антропонимы распадаются на две группы: неоднозначные и однозначные [Schwarz, 1979]. Неоднозначные имена типа *John* конкретизируются только в определенном контексте, где они получают ясную (однозначную) референтную отнесенность. Однозначные (или прецедентные) имена типа *Napoleon* обладают денотативным, связанным с единичностью референта содержанием и вне контекста, несут в себе познавательную установку. Это имена с индивидуальными событийными коннотациями, имплицитно содержащие энциклопедическую информацию и те дополнительные сведения, которые являются отражением ассоциативных связей имени. Можно ли считать, что такие имена обладают сигнификативным значением?

По-видимому, в этих случаях более уместно говорить не о значении, а о фоновой информации, или *лексическом фоне* имени, под которым в лингвострановедении понимают «всю совокупность непонятных семантических долей, относящихся к слову» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 43], что сопоставимо с принятым в лексической семантике понятием «импликационал» [Никитин, 2007].

Тем не менее, у некоторых имен собственных может появиться связь с понятием и, как следствие, – абстрактно-обобщенные сигнификативные признаки. Наиболее ярким примером такого рода (в ряду различных случаев метонимической и метафорической сигнификации на базе имени собственного) могут служить так называемые *репрезентативные имена*, когда личное имя используется для выражения обобщенного понятия о типичном представителе определенного класса предметов. Такие имена могут репрезентировать различные национальности (*John Bull* – типичный англичанин); служить символами профессий (*G.I. Joe* – американский солдат); выполнять функцию заместителей личных имен в обиходной речи или в официальных документах (*Jack and Jill* – любые парень и девушка; *John Doe and Richard*

Roe – истец и ответчик). Указательная индивидуализирующая функция имен собственных такого рода ослаблена до минимума, они лишены связи с представлением о конкретном лице. В результате репрезентативные имена получают возможность описывать типизированный денотат, приобретают сигнификативное виртуальное значение и о единичности их референции говорить уже не приходится.

Подобная транспозиция имеет место и когда имя одновременно соотносится 1) с литературным, историческим или другим известным персонажем и 2) с любым лицом, которое, по мнению номинатора, обладает качествами данного героя (напр, *Scrooge* в значении «скряга» и т.д. – такие случаи ещё называют *ономастическими метафорами*). В данном случае можно говорить о функциональном сдвиге в характере референции – о её расщеплении. Литературные имена собственные находятся во взаимодополняющих отношениях с системой национального антропонимикона, т.к. поэтическое имятворчество является одним из источников развития и составной частью системы реальных имен. Так, придуманные для литературных персонажей имена *Miranda* (У. Шекспир, «Буря») и *Pamela* (Ф. Сидни, «Аркадия») в своё время органично вошли в обиход и не воспринимаются как изобретенные.

Говоря об имятворчестве (создании нового оригинального имени), о выборе имени из числа существующих, мы подходим к прагматическому аспекту референции.

В прагматическом плане референция личного имени рассматривается в данной статье как желаемая, предполагаемая, в некоторых случаях можно даже сказать, *ложно* предсказуемая соотносительность имени и свойств объектов\или субъектов действительности. Иными словами, референциальная отнесенность имени при имяназечении устанавливает не только связь знака и объекта\субъекта, но и отражает то, что хочет сказать этим именем номинатор о себе и о референте. В этой связи целесообразно рассматривать акт имяназечения через призму отношений «свой – чужой» (The Self – The Other).

Оппозиция «свой – чужой» является концептуальной основой и вектором исследования целого ряда ономастических процессов – ассимиляции, самоидентификации, оптимизации данного при рождении имени или выбора альтернативных имен разного

рода (псевдонимов, ником для виртуальной коммуникации, коммерческих имен т.е. временно выбираемых в качестве личного имени названий брендов, сайтов, политических акций и т.д.). Однако, не только смена имени, как смена координат сознания, порождает возможные и альтернативные миры, Ego и Alter Ego [Черниговская 2001]. Заложенные номинатором в изначально данному имени индивидуальные референции, определенно, способствуют как рефлексии антропонимической языковой личности, так и «виртуальному диалогу» номинатора и номината.

Рассмотрим на примере американской и британской культур модели имянаречения с точки зрения их отнесенности к окружающему миру:

1) соотносительность антропонима с именем другого человека (родителями, родственниками, известными людьми, персонажами);

Данная модель имянаречения весьма распространена во многих культурах, варьируясь от абсолютно произвольного выбора до строгой традиции. Для иллюстрации вариаций этой модели обратимся к именам детей знаменитостей, так как именно в этой среде заложенная в антропониме референция к имени родителя чаще всего играет роль «бренда», выступает маркером самолюбия, которое стоит за желанием оказать «протекцию». Например, певец *Michael Jackson* назвал сыновей и дочь, соответственно, *Prince Michael I*, *Prince Michael II* и *Paris Michael*. Нередко дочерей называют в честь отцов, несколько модифицируя мужское имя: отец *Bobby Brown* – дочь *Bobbi*, Имя ребенка может представлять собой аббревиатуру или анаграмму имени родителя. Так, имя дочери актрисы *Courtney Cox* совпадает с начальными слогами имени и фамилии матери – *Coco*, а модель *Jordan* соединила в имени своей дочери *Princess Tiaamii* имена своей матери и свекрови – *Amy* и *Thea* [Celebrity Baby Names].

Имена близнецов могут иметь и так называемую *перекрёстную референцию*, взаимную соотносительность имен. Это те случаи, когда имена являются зеркальным отражением друг друга (*Aidan – Nadia*, *Love – Evol*) либо опять же анаграммами (*Amy – May*, *Rebecca – Aceber*, *Reva – Vera*, *Ira – Ria*, *Mary – Myra*).

Отдельного внимания заслуживают имена-субституты, являющиеся примером того, как осознание оппозиции «свой – чужой» в своём имени может влиять на процесс самоидентификации. В зарубежной психологии данное явление соотносится с понятием

«replacement child syndrome» и подвергается критике, т.к. наречение второго ребенка в честь умершего первенца часто оказывает сильное негативное воздействие на носителей имен-субститутот: они живут с постоянным ощущением невозможности соответствовать идеализированному образу потерянного родителями ребенка, что приводит личность к ощущению неполноценности. В истории есть примеры известных людей, названных именами-субститутами. Так, Винсент ван Гог, страдавший биполярным аффективным расстройством и в цветовой гамме картин которого специалисты видели признаки раздвоения личности, был назван в честь мертворожденного за год до его собственного рождения брата. А Сальвадор Дали, также получивший свое имя в память об умершем брате, признавался, что его приводила в ужас фотография «первого Сальвадора», висевшая над кроватью его родителей, часто описываемого ими как гения. По признанию самого С.Дали, все его эксцентричные поступки и странности были результатом преодоления этого комплекса, упорным желанием доказать самому себе, что он не воплощение своего умершего брата, а другой, живой человек: «*All the eccentricities which I commit, all the incoherent displays, are the tragic fixity of my life. I wish to prove to myself that I am not the dead brother, but the living one*». [Цит. по Kaplan, Bernays 1999, p. 16]

Традиция имянаречения в чью-либо честь не ограничивается кругом близких родственников и зависит от пристрастий родителей: так, первое и среднее имя сына рок-музыканта *Tommy Lee – Dylan Jagger* – является комбинацией фамилий известных исполнителей *Bob Dylan* и *Mick Jagger*. [Celebrity Baby Names].

Своеобразным толчком к имянаречению в честь известной личности может стать значимое для номинатора событие, связанное со знаменитостью (при этом национальная принадлежность знаменитости не играет роли). Так, в 2008 г. в России был зарегистрирован *Гус Вячеславович Хмелев*, родившийся во время трансляции победного матча российской сборной, наставником которой являлся голландец Гус Хиддинк. [по материалам прессы www.rian.ru]. В этой связи можно упомянуть и историю, описываемую в романе Дж. Лахири “The Namesake” [Lahiri, 2004], о том, как эмигрировавший в США бенгалец назвал своего сына *Gogol* в честь русского писателя, книга которого чудесным образом спасла ему жизнь во время крушения поезда в Калькутте.

Такие имена содержат не только отсылку к спортивным, литературным или музыкальным пристрастиям родителей, но и скрытую референцию к определенному событию.

2) соотносённость имени с предметом, понятием, представителем флоры или фауны и т.п.;

Семантика имени (смысловое содержание имени, его этимология, внутренняя форма) становится одним из ведущих факторов в процессе создания новых имен в англоязычной культуре. Так, именослов США интенсивно расширяется благодаря образованию имен от апеллятивов: названий камней и ценных пород (*Beryl, Amber, Emerald, Opal, Ebony, Crystal*); растений (*Aspen, Acacia, Clover, Ivy, Nettle, Violet, Jasmine*); животных и птиц (*Bird, Magpie, Hummingbird, Fawn, Gazelle, Panda*), месяцев (*September, August, June, April, January*); времен года (*Spring, Autumn, Winter, Summer*); абстрактных понятий (*Liberty, Destiny, Chance, Desire*); прилагательных (*Golden, Precious, Earnest, Misty, Long*) и других слов – *Hunter, Piper, Man, Song, Soon, Tequila* и т.д.

Такие имена также могут отражать личные пристрастия родителей, их хобби, религиозные и идеологические предпочтения и т.д. Например, в семье актерской династии *Phoenix* дети получили имена, отражающие приверженность родителей идеалам хиппи, – *River, Rainbow, Summer, Liberty*. Интересно, что младший сын *Joaquin* позже даже взял себе псевдоним *Leaf*, чтобы не отличаться от братьев и сестёр. [www.kinoteka.ru].

3) соотносённость имени с желаемым качеством носителя;

Семантическое наполнение имени является важным фактором для предцирования именем соотносённости носителя с определенной чертой характера, добродетелью, что характерно для так называемых пуританских имён – *Joy, Mercy, Grace, Prudence, Hope, Faith, Felicity* и т.п. Современные мормоны штата Юта отчасти поддерживают традиции имянаречения пуритан и наряду с другими необычными именами дают своим детям и такие, как *Worthy, Virtue, Precious Blessing, Mormon Beauty, Marvelous Man, Confederate American, Friends Forsaken, Miracles Precious One*, и т.п. [Utah Baby Namer].

Такая «ложная», гипотетическая соотносённость имени и качества референта приводит в итоге к обесцениванию самого качества и, соответственно, семантики имени, что усугубляется социо-ономастическими курьёзами, когда в классе одной из лон-

донских начальных школ два ученика носят имя *Unique* (единственный в своём роде, уникальный).

4) соотносённость имени с географическим объектом (страной, городом, улицей и др.);

Оттопонимные имена типа *Dallas, Nevada, Florida, Montana, Indiana, Georgia, Trinidad, Argentina, Asia, India, Odessa, Kenya* весьма популярны в антропонимиконе США и Великобритании, но их выбор редко бывает немотивированным. В такие имена часто заложена закодированная референция к месту рождения человека, либо к какому-либо топониму с культурной, исторической или личной для номинатора значимостью.

5) соотносённость имени с этносом, нацией;

В последние годы в сотню самых популярных имен США неизменно входят испаноязычные, еврейские, арабские, гавайские, афроамериканские и др. антропонимы (напр., *Juan, Carlos, Xavier, Alejandro, Gabriella, Kayla, Sierra, Caleb, Latoya, Latisha*), а также растёт популярность имен русского происхождения (*Tonya, Ulyana, Sasha, etc.*). Прагматической целью выбора национального имени становится, прежде всего, стремление номинатора к самоидентификации, сохранению своих корней в поликультурном обществе. Однако стоит отметить, что референтная соотносённость этнически маркированного антропонима в современных условиях глобализации нередко становится ложной, т.к. заимствование имен из других культур становится при имянаречении всё более массовым, а американские и британские справочники имен предлагают родителям антропонимы практически со всего света, снабжая их пояснениями относительно происхождения и семантики. При этом заимствованный антропоним нередко творчески модифицируется принимающей культурой, претерпевая усечение (напр., *Ekat* от *Ekaterina*), аффиксацию (*LaTanya* – афроамериканский вариант), гендерную транспозицию (*Mischa* относят к женским именам), изменение написания (*Natashya* – дочь Тори Эймс), изменение соотносённости полной и краткой форм имени (напр., полное имя младшей дочери президента США Барака Обамы – *Natasha*, а обиходное, гипокористическое – *Sasha; Alex* воспринимается как сокращение от *Alexey*, тогда как *Alyosha, Lyosha* с формой *Alexey* и друг с другом никак не соотносятся, а считаются отдельными именами в своей полной форме).

В целом можно заключить, что зачастую референциальная отнесенность личного имени устанавливает не столько связь знака и объекта, сколько эксплицитно или имплицитно передает информацию о «другом» – о самом номинаторе, его жизни, интересах, ожиданиях от номината. Родители при имянаречении ребенка всё чаще стремятся заложить в имя некий особый смысл, секретный код, скрытую референцию к объектам и субъектам действительности, включая самих себя.

Для имядателя, совершающего при имянаречении номинационный выбор, такое прагматически обусловленное имя всегда будет частью его самого. Вопрос в том, будет ли оно «своим» или «чужим» для носителя, ощущается ли им присутствие «другого» в своём имени и какую роль этот внутренний диалогизм играет в жизни индивида.

Список литературы

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. 1990.

Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1998.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Пак С.М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ докт. филол. наук. М., 2005.

Черниговская Т.В. В своём ли мы имени? // Альманах «Канун», вып. 2 «Чужое имя». СПб, 2001. С. 246–260.

Kaplan J., Bernays A. The Language of Names. N.Y. 1999.

Lahiri Jh. The Namesake. N.Y. 2004.

Schwarz S.P., Naming and Referring: The Semantics and Pragmatics of Singular Terms. N.Y. 1979.

Электронные источники

Celebrity Baby Names [Сайт] URL: <http://nameberry.com/celebrity-baby-names> (дата обращения: 03.04.2014).

Utah Baby Namer [Сайт] URL: <http://wesclark.com/ubn/> (дата обращения: 07.05.2013).

<http://www.kinoteca.ru/stars> (дата обращения: 15.01.2014).

Sergaeva Yulia Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

REFERENCE AND NAMEGIVING: WHO IS IN MY NAME?

The author explores and illustrates the issues of naming patterns used in American and British cultures, referential features of personal names and their impact on the development of *self-identity*. The problems of choice and perception of a person's name are viewed via the opposition "Self – Other".

Key words: name-giving, creativity, reference, proper names, personal names, name studies, linguistic personality, nomination, opposition Self – Other, self-identity

УДК 81.111

И.Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается экспланаторный потенциал идей постмодернизма для теоретического описания гендера. Приводятся примеры конкретного применения постмодернистских теорий в лингвистических гендерных исследованиях.

Ключевые слова: *постмодернизм, деконструктивизм, дискурс, власть, знание, женский язык, безгласная группа*

Гендерные исследования, в том числе и в лингвистике, находятся в большой зависимости от теории и методологии постмодернизма. Представляется необходимым упомянуть основные постмодернистские идеи и постструктуралистские приемы, которые лежат в основе любого гендерного поиска в так называемых социальных науках (в отечественной традиции их называют гуманитарными).

Слово «постмодернизм» стало употребляться в дискуссиях об архитектуре, музыке и литературе с начала 80-х годов прошлого столетия еще до того, как было осмыслено его содержание. Словари определяют постмодернизм как «общую тенденцию в культуре конца XX-го века, для которой характерно растущее осознание искусственности всех средств выражения и систем мышления» [см., напр., CSED, p. 1283]. Этот «общий и часто противоречивый термин отражает изменения и тенденции, которые имели и имеют место в литературе, музыке, архитектуре, философии и т.д. ...Появление марксистской, феминистской и психоаналитической критики в 70-е годы является еще одним аспектом постмодернизма» [Cuddon, 1991, p. 733–734].

Решающую роль в становлении постмодернистского комплекса сыграли семиотика и психоанализ. Суть семиотического подхода заключается в том, что и структуралисты, и постструктуралисты исходили из лингвистического представления о социальной действительности, то есть о том, что все может быть описано как язык (или как имеющее свой язык): системы родства, карточные игры, жесты и мимика, кулинария, религиозные ритуалы и по-

ведение насекомых. Отсюда понятно, почему постмодернизм в гуманитарных науках получил название «лингвистического поворота».

Постмодернизм как культурный стиль опирается на философские идеи французских постструктуралистов, прежде всего, Ж. Деррида, М.Фуко, Р. Барта и Ж. Лакана, а также многих других, которые подвергли критическому анализу ценности западноевропейской буржуазной цивилизации. Сегодня можно сказать, что некоторые из их постулатов укоренились и являются базовыми положениями в гуманитарных науках в начале XXI века.

Деконструктивистская теория Ж. Деррида

Важнейшим постулатом можно считать дерридеанский постулат о том, что «мир есть текст» и тезис о художественно-литературном по своей сути характере человеческого мышления. Весь мир воспринимается Ж. Деррида как бесконечный текст, а культура любого исторического периода и самосознание личности – как сумма дискурсов или текстов (постулат интертекстуальности сознания). «Ничто не существует вне текста», и индивид всегда находится «внутри текста» [Derrida, 1967, p. 158].

Ж. Деррида пытается переосмыслить метафизическую концепцию знака при помощи процедуры хайдеггеровского перечеркивания знака. Мысль о необходимости знака как потребности заменять в ходе развития цивилизации каким-либо условным образом то, что в момент коммуникации не присутствует в своей наглядной осязательности, в теоретическом плане проявляется как принцип «наличия отсутствия» реального объекта. «Знак является посторонним присутствию», «присутствию, которое и есть Бытие» [Derrida, 1978, p. 49]. Мир в знаковой репрезентации предстает, таким образом, как цепь непрерывных отсылок и референциальных сопоставлений, где фигурируют одни лишь знаки, поэтому он являет собой бесконечную знаковую репрезентацию или то, что Ж. Деррида называет «игрой знака в знаке» [Гурко, 2001, с. 78].

В конце концов, постоянное применение знаков в системе других знаков (в языке) превращает знак в «след» обозначаемого явления и превращает его в нечто принципиально отличное от означаемого. Эта идея, общий смысл которой заключается в утверждении, что знак предполагает, прежде всего, отсутствие

объекта, принадлежит Ж. Лакану, но у Ж. Деррида и Ю. Кристевой она тщательно разработана и постепенно достигает в постструктурализме статуса догмы. Упомянутое положение нашло у Ж. Деррида объяснение в описании роли знака через оппозицию двух терминов – *presence* и *differance*, где *differance*, похожее на *difference* «отличие», связано со вторым значением французского глагола *differer* – «отсрочивать», и скорее должно быть переведено как «различение» [Ильин, 1996, с. 25]. Временной интервал, разделяющий знак и обозначаемое им явление, с течением времени превращает знак в его «след», а «различение» предстает как зазор между предметно-чувственной и дискурсивной практикой.

Суть «деконструктивистской программы» Ж. Деррида сводится не столько к способам обозначения, сколько к критике того, что обозначается, а именно, мира вещей и законов, управляющих вещами. Дерридеанский анализ, вскрывающий внутреннюю противоречивость текста, показал, что научность в западноевропейской культуре сводится к западной логоцентрической традиции, подспудно навязывающей свой смысл всему, на что направлена мысль. Деконструкция Ж. Деррида – это анализ самой аргументации, пословесное испытание текста на логическую прочность, позиция принципиального сомнения во всем. Деконструкция какого-либо знакового феномена, будь то отдельный текст, автор или культурный язык, направлена на дезинтегрирующее «разоблачение» и подрыв предмета исследования.

Деконструкция есть способ прочтения текста, нацеленный на выявление того, как с одной стороны, другие тексты входят в анализируемый текст (интертекстуальность), а также на выявление неартикулируемого центра (точки зрения). Деконструкция ставит целью выявить свойственное данному феномену разноречие: присутствие множества взаимно противоречащих и взаимно друг друга уничтожающих голосов в том, что традиционно принимается за некое целое.

Феминистская критика является крупным направлением в рамках деконструктивизма. Концепция логоцентризма Деррида здесь рассматривается как отражение сугубо мужского, патриархального начала, причем, этот модус интерпретации был задан самим Ж. Деррида, который отождествлял мужское начало и Логос.

Бинаризм, то есть мышление в рамках двучленных оппозиций, – принцип, который лег в основу структуралистского под-

хода, весьма успешно применялся и постструктуралистами. Так, типичной для Ж. Деррида системой оппозиций является следующая культурная матрица: голос/письмо, звук/молчание, бытие/небытие, сознание/бессознательное, внутри/вне, наличие/отсутствие, означающее/означаемое и т.д.

Многие традиционные дихотомии культуры отсылают к оппозиции мужское/женское – в оппозиции *культура/природа* культура пронизана культом разума, духа, бога: отца и сына. Природе же (а вместе с нею и женщинам, которые *присутствуют*, как показал З. Фрейд, в символическом, культурном и социальном, прежде всего, через факт рождения богочеловека) отводится роль загадочной силы, являющей себя мощью земли, стихий, пассивной неизменяемостью и женственной загадочностью [Торогов, 1985]. Своеобразие анализа Ж. Деррида заключается в том, что он отдает явное предпочтение второму, «репрессированному» члену оппозиции, что ведет к переоценке ценностей. В рамках дерридеанского подхода понятным становится тот факт, что в гендерных исследованиях внимание сосредоточено почти исключительно на анализе категорий «женщина» и «женское».

Теория власти и знания в работах М. Фуко и Р. Барта

М. Фуко сосредоточился на иллюстрации прямой и непосредственной связи языка с исторически обусловленными системами референции. Он обосновал ряд концепций, в огромной степени повлиявших на представление о способе производства гуманитарного знания. В конечном счете, М. Фуко создал концепцию истории культуры и методике ее анализа, в которой роль языка рассматривается как основополагающая.

М. Фуко попытался создать представление о механизме функционирования западноевропейской цивилизации на основе связи власти со знанием. М. Фуко всегда волновал вопрос о том, каким способом современная власть создает «послушные тела». Он исследует власть и дискурсивные механизмы ее реализации. М. Фуко противопоставляет классическому представлению о власти (наличие властвующего и подчиненного; негативный характер – подчинение, запрещение, принуждение; привилегия государства) «генеалогию власти», которая описывает современную власть – скрытую, и даже противоречивую, которая реализуется неразрывно со знанием, организуя социальное пространство по принципу «всеподнадзорности».

Согласно воззрениям М. Фуко, власть и знание непосредственно пронизывают друг друга, поэтому нет отношений власти без установления соответствующего поля знания, нет и знания, которое не предполагало бы и не конституировало бы в то же время отношений власти. *Дискурс*, согласно концепции М. Фуко, трактуется не столько как способ организации отношений между «словами» и «вещами», сколько как установление, обуславливающее режим существования объектов, поэтому «воля к знанию» предстает одновременно как «воля к власти» [Фуко, 1994]. Дискурсы М. Фуко рассматривает как практики, которые систематически образуют объекты, как способ создания значений.

Власть как дискурсивный феномен составляет также заметную часть проблематики Р. Барта. По Р. Барту, разделены не только виды языковой деятельности (потребление и производство), не только культура, но и сам язык внутри себя. «В «примиренной культуре», на уровне которой нет видимых конфликтов, на самом деле имеет место разделение (социальное) языков» [Барт, 1994, с. 520]. Каждый из социолектов основан на исключении фигуры Другого, поэтому «социальное» понимается им как «разделенное». «Языки эти не сообщаются друг с другом (разве что в разговорах о погоде), причем, не на уровне языковой системы, которая понятна для всех, а на уровне дискурса и его видов, <...> языки нелюбопытны, равнодушны к друг другу; в нашем обществе мы обходимся языком себе подобных, не нуждаясь жизненно в языке другого...» [Барт, 1994, с. 524].

Р. Барт вводит классификацию, с помощью которой все языки делятся на *внутривластные (энкратические)* и *вневластные (акратические)* [Барт, 1994, с. 530]. В поле гендерных исследований это разделение соответствует мужскому и женскому языкам (язык, «осененный» властью, и вневластный язык). Одной из первых работ, в которых было продемонстрировано, как речь женщин отражает и воспроизводит их подчиненное положение, была ставшая ныне классической работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1973]. Р. Лакофф выделила несколько отличительных признаков женского языка, например:

- Преувеличенная вежливость и склонность к эвфемизации.
- Гиперкорректность.
- Специализированный словарь, связанный с женской сферой опыта.

- Аффективные прилагательные и слова-интенсификаторы.
- Слова и фразы, снимающие категоричность высказывания.
- Более детализированные, чем в мужской речи, цветообозначения.
- Разделительные вопросы, свидетельствующие, по мнению исследователи, о неуверенности в правильности собственного мнения и т.д.

“Powerless language”, с тех пор не раз подвергавшийся исследованию, как выяснилось позже, не является дистинктивной чертой именно женской речи, – он может коррелировать с разными параметрами личности и ситуации общения, но, как правило, отличает речь лиц с низким социальным статусом. Тем не менее, Д. Камерон, в частности, приводит данные об использовании работниками «секса по телефону» речевых стилей, напоминающих «женский язык» Р. Лакофф, «чтобы представить некую эротичную и беспомощную женственность, которую, как они полагают, хотят купить их клиенты» [Камерон, 2005, с. 553].

Р. Барт определяет дискурс власти как дискурс превосходства, как стремление не дать говорить Другому, замкнув социолект на себя: «я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен» [Барт, 1994, с. 548]. Одновременно с понятием властного языка (языка власти) Р. Барт вводит понятие власти языка, связанное с тем, что язык *заставляет* сказать, а не позволяет сказать (там же), поскольку, выбрав тот или иной социолект, человек становится его рабом, невольно воспроизводя встроенные в него смыслы.

В феминистской теории эти тезисы ведут к формированию постулатов о том, что только доминирующая группа (в данном случае, мужчины) имеет свой язык, иные же группы (в данном случае, женщины) безгласны (muted), и вынуждены пользоваться «мужским» языком, то есть языком, в который встроена модель мира доминирующей группы. Именно здесь имеет начало удивление мужчин по поводу того, что они не понимают, чего хотят и что хотят сказать женщины – на самом деле, причина в том, что женщины пользуются *не своим* языком, и поэтому не могут артикулировать нужные смыслы.

Список литературы

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
- Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- Камерон Д. Представляя гендер: лингвистика и постмодернизм // Гендер и язык. М., 2005. С. 552–557.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. СПб., 1994.
- Collins Cobuild English Dictionary. 2nd ed. London, 1997. (CCED)
- Cuddon G.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. London, 1991.
- Derrida J. De la Grammatologie. Paris, 1967.
- Lakoff R. Language and Women's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.
- Toporov V.N. On the semiotics of mythological conceptions about mushrooms // Semiotica. 1985. Vol. 43. № 4. P. 295–357.

Serova Irina Georgievna (Saint Petersburg, Russia)

POSTMODERNIST IDEAS AS BASIS FOR THEORETICAL DESCRIPTION IN LINGUISTIC GENDER RESEARCH

The article focuses on postmodernist ideas, which served a basis in theoretical description in the linguistic gender research. Examples are given of how these ideas can be applied in gender linguistics.

Keywords: postmodernism, deconstructivism, discourse, power, knowledge, women's language, muted groups

УДК 811.111

М.И. Хейхель (Донецк, Украина)

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ВОЗРАСТУ В XX в.

Статья посвящена анализу экстралингвистических факторов, повлиявших на изменение количества наименований лица по признаку «возраст» в английском языке в XX в. Рассматриваются лексико-семантические группы наименований лица по возрасту в начале XX в., причины появления новых лексико-семантических групп и лексем, в том числе, большого количества оценочных наименований лица по возрасту.

Ключевые слова: наименование лица, возраст, семантика, оценка, фактор, диахрония

«Возраст» принадлежит к числу ономаσιологических категорий, когнитивная сущность которых связана с процессом восприятия, интерпретации и языковой репрезентации явлений внешнего мира. Категория возраста является неотъемлемым элементом объективной действительности, отражающимся в сознании носителей языка в совокупности языковых и речевых средств и подвергающихся концептуализации.

Изучение англоязычных наименований лица позволяет не только изучить закономерности процесса наименования лица в английском языке, но и определить специфику англоязычной картины мира в целом. Это объясняется тем, что, во-первых, наименования лиц отражают глубоко национальные социально-политические и бытовые понятия, и представления, а во-вторых, они включают большое количество периферийных, второстепенных семантических компонентов, которые отражают национальную специфику обозначаемых реалий.

Ономаσιологическая группа «наименования лица» занимает одно из ведущих мест в системе лексикона по богатству и разнообразию структурно-семантических форм и на протяжении нескольких десятилетий вызывает неизменный интерес отечественных и зарубежных лингвистов. Эта проблема освещалась в работах Г.Н. Абреимовой, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, А.А. Уфимцевой и др. [Абреимова, 1998; Гак 1977; Кубрякова, 1986; Уфимцева, 1976].

Наименования лиц по признаку «возраст» входят в лексический класс «наименования лиц» и представляют собой значительный в количественном и качественном отношении пласт лексики любого современного языка. Понятие «возраст» связано с такими универсальными, когнитивными категориями как «время» и «развитие», что проявляется в моделировании человеком образа мира [Языковая номинация, 1977].

Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению возрастной лексики, был Р.И. Хашимов [Хашимов, 1973]. В его трудах описываются слова, обозначающие ребенка. Имена возраста как сложившаяся система рассматриваются в диссертации Г.А. Пулягина [Пулягин, 1975] и работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1997]. Изучение наименований детей в русском языке продолжила А.Т. Ашхарова [Ашхарова, 2002]. Сопоставительные исследования В.И. Матвеева (на материале русского, украинского и английского языков) [Матвеев, 1987], И.Ю. Проценко (на материале испанского и украинского языков) [Проценко, 2010], С.М. Беляковой, Л.А. Новиковой [Белякова, Новикова, 2001] (возрастные обозначения в диалектном языке) имеют большое практическое и теоретическое значения.

В 20 в. наблюдается значительное увеличение количества слов, называющих человека по признаку возраста. Помимо количественных изменений наблюдается большое количество качественных.

Так, в начале века в английском языке четко прослеживается наличие только двух лексико-семантических групп: наименования лиц детского возраста (например, *child* ‘ребенок’, от древнеанглийского *cild* ‘плод, младенец, нерожденный или новорожденный человек’; *baby* ‘ребенок, младенец’, появившееся в конце 14 в.) и наименования лиц взрослого, зрелого возраста (например, *adult* ‘взрослый’, от латинского слова *adultus* ‘взрослый, зрелый’; *grown-up* ‘взрослый (человек)’, впервые замеченное именно в качестве существительного в 1813 г.).

Развитие науки и техники, достижения медицины и улучшение благосостояния увеличили среднюю продолжительность жизни человека в 20 в. с 35 до 65 лет. Таким образом, отчетливо появляется необходимость в еще одной лексико-семантической группе, в которую входят наименования лица пожилого возраста, например, *wrinkly* ‘пожилой человек’, возникшее в 1972 г.

от существительного *wrinkle* ‘морщина’. Постепенно происходит и членение уже существующих лексико-семантических групп на более мелкие, например, лексико-семантическая группа «детство» делится на подгруппы «младенчество», «детство», «отрочество». На стыке с лексико-семантической группой «зрелость» возникают лексико-семантические группы «юность», «молодость». К концу 20 в. количество лексико-семантических групп у различных исследователей варьируется от 5 до 12, ввиду невозможности определения четких границ между различными этапами жизни [Волкоморова, 2006].

Членение крупных лексико-семантических групп на подгруппы приводит к тому, что наименования лица по возрасту начинают, помимо исключительно денотативного, включать в себя и коннотативное значение.

Как отмечают Н.А. Купина и М.Ф. Скорнякова, имена лиц часто характеризуются семантической двойственностью – они не только называют лицо по какому-либо признаку, но и устойчиво ассоциируются с действиями, поступками, поведением их носителей, отражают разные стороны бытия и в значительной степени используются не только для того, чтобы назвать лицо, но и для того, чтобы дать о нем некоторую информацию или выразить отношение [Купина, Скорнякова, 1979]. Многие новые наименования лица по признаку возраста носят оценочный характер, в основной своей массе – негативный.

Возрастная лексика начинает восприниматься как опасная и дискриминирующая [Алексеева, 2002, с. 8]. В 1969 г. в Америке известный геронтолог Роберт Батлер даже вводит новое понятие «ageism» – эйджизм, или дискриминация по возрастному признаку, стереотипное отношение к людям пожилого возраста. Возникают эвфемизмы, например, *old age pensioner* ‘пенсионер по старости’ заменяется на *senior citizen* ‘пожилой человек’.

Появляются и нейтральные лексемы, которые только называют возраст, не включая в себя дополнительных сем: *sexagenarian* ‘шестидесятилетний’ – a person who is between 60 and 69 years old ‘человек между 60 и 69 годами’; *septuagenarian* ‘семидесятилетний’ – a person who is between 70 and 79 years old ‘человек между 70 и 79 годами’; *octogenarian* ‘восьмидесятилетний’ – a person who is between 80 and 89 years old ‘человек между 80 и 89 годами’; *nonagenarian* ‘девяностолетний’ – a person who is

between 90 and 99 years old ‘человек между 90 и 99 годами’; *centenarian* ‘человек ста лет и более’ – a person who is a hundred or more years old ‘человек, которому 100 и более лет’.

Количество наименований лексико-семантической группы «дети» продолжает расти, появляются такие неформальные лексемы, как *teeny-bopper* ‘девчонка-подросток, которая интересуется модой и поп-музыкой’ – a young teenager, typically a girl, who keenly follows the latest fashions in clothes and pop music ‘подросток, как правило, девочка, увлеченно следующая моде в одежде и поп-музыке’; *tweenager* ‘ребенок 10–14 лет’ – a child between the ages of about 10 and 14 ‘ребенок в возрасте 10–14 лет’.

Наименования лиц молодого и среднего возраста также претерпевают изменения. Теперь наряду с семей «возраст» они содержат большое количество дополнительных сем, зачастую оценочного характера. С улучшением уровня жизни, появляются наименования лица по возрасту, содержащие семы, указывающие на уровень благосостояния, социальный статус: *a fine lady* ‘светская дамочка’, *corruptie* ‘молодой честолюбивый представитель среднего класса с сомнительными принципами и качествами’.

Новые наименования лиц были также заимствованы из популярных сериалов и шоу, например, популярный в 80-х годах сериал о жизни людей среднего возраста “Thirtysomething” дал основу для образования новых наименований лиц с компонентом *-something* ‘человек в возрасте, обозначенном основой плюс 1–9 лет’.

Один из факторов, который оказывает весомое влияние на лексику, номинирующую человека по возрасту, является социальный фактор. Существует целый ряд наименований, которые не называют лицо конкретно по возрасту, но соотносят его с определенным периодом века. Появляется лексема для обозначения человека, принадлежащего к поколению пика рождаемости (особенно с 1946 по 1960 в США и Канаде) – *baby-boomer, boomer* ‘человек, родившийся в период демографического взрыва’ – someone who was born during a baby boom, especially during the years after the end of the Second World War ‘тот, кто был рожден в период демографического взрыва, особенно в годы после Второй мировой войны’, а позже по названию романа Д. Коупленда в лексикон входит слово *Generation X*, обозначающее тех, кто родились в период демографического спада 1961-1981 гг., последовавшего за периодом послевоенного демографического взрыва;

поколение, выросшее в условиях возрастающего комфорта, получившее хорошее образование, но безразличное к деньгам и профессиональной карьере, не нашедшее себе применения в жизни. На пороге нового тысячелетия, в 90-е годы, появляется лексема *Generation M (millennial generation)*, а затем *Generation Z* ‘те, кто родились после 2000 г.’.

Таким образом, мы видим, что одними из основных факторов, повлиявших на значительные количественные и качественные изменения наименований лица по признаку «возраст» в английском языке являются такие экстралингвальные факторы, как технический прогресс, развитие медицины, улучшение качества жизни и социальный фактор.

Список литературы

Абреимова Г.Н. Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998.

Алексеева І.В. Евфемізм як відображення соціальних змін: від позначення табу до етикетних форм та політичної коректності // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. К., 2002. №7. С. 1–18.

Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 170–200.

Ашхарова А.Т. Концепт «дитя» в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002.

Белякова С.М., Новикова Л.А. Жизнь и ее периоды в языковом сознании диалектоносителей // Славянские духовные ценности на рубеже веков: Сб. ст. Тюмень, 2001. С. 17–22.

Волкоморова О.Б. Возрастная лексика в лингвистических исследованиях // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2006. №1. С. 38–40.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица. В кн.: Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.

Матвеев В. И. Структура семантического поля возраста человека (на материале русского, украинского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987.

Орлова Ю.В. Мотивуючі ознаки концепту «вік людини» (на матеріалі української, російської та англійської мов) // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика та літературознавство. Луганск, 2007. Вип. 3. С. 110–115.

Проценко І.Ю. Структурно-семантична характеристика лексики на позначення віку людини в іспанській та українській мовах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецьк, 2010.

Путягин Г.А. О принципах организации групп в лексической системе (на материале имен существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1975.

Серебрякова Н.А. Лексико-семантическое поле возраста в английском, немецком и русском языках // Актуальные вопросы английской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск, 2001. С. 146–153.

Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. В кн.: Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1976. С. 7–99.

Хашимов Р. И. К вопросу о формировании русской возрастной лексики (историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Шиманович Г.М. Когнітивні чинники еволюції назв осіб в англійській мові ХХ століття: Дис. ... канд. філол. наук. К., 2005.

Щербо П.А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков: на материале английской, французской и русской лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

Stevens C.M. Webster's Ever Ready Dictionary of the English Language. N.Y., 1928.

Wehmeier S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (6th edition). Oxford, 2000.

Электронные источники

Online Etymology Dictionary: [сайт]. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения 04.12.2013).

Kheikhel Maiia Igorevna (Donetsk, Ukraine)

THE INFLUENCE OF THE EXTRALINGUISTIC FACTORS ON THE NAMES OF PERSONS ACCORDING TO THE AGE CRITERION IN THE TWENTIETH CENTURY ENGLISH

The article deals with the analyses of the factors which influenced the quantitative changes of the names of person according to the age criteria in English in the twentieth century. The article also considers the lexico-semantic classification of the names of person according to the age criteria at the beginning of the twentieth century, the causes of emergence of new lexico-semantic groups and lexemes, the large quantity of evaluative names of person according to the age criteria.

Keywords: name of person, age criteria, semantics, factor, evaluation, diachrony

УДК 81.0

З.Я. Тураева (Бёблинген, Германия)

**МОИМ СТИХАМ, КАК ДРАГОЦЕННЫМ ВИНАМ,
НАСТАНЕТ СВОЙ ЧЕРЕД**

Статья посвящена творчеству Марины Цветаевой, одного из великих поэтов прошлого столетия. Делается попытка установить связь между ее жизненными обстоятельствами и творческим путем. В произведениях Цветаевой прослеживаются вера в бессмертие искусства, неприятие мещанства и корысти, осознание трагизма собственной судьбы. К важным характеристикам ее творчества относятся любовь к свободе, верность бедным и угнетенным, гимн любви и искусству.

Ключевые слова: литературное наследие, жизненный путь, поэзия, метафора, синтаксический повтор, преданность искусству

26 сентября 1892 года, по старому стилю, 8 октября, по новому, в семье Ивана Цветаева – профессора искусствоведа, основателя музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве, и Марии Мейн родилась первая дочь – Марина Цветаева. Ей суждено было встать в один ряд с великими поэтами первой половины XX века – Александром Блоком, Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком, Осипом Мандельштамом. Ее поэзия переведена на многие языки мира.

Марина росла в атмосфере преданности искусству – искусству слова, музыки, живописи.

Как хорошо за книгой дома!

Под Грига, Шумана и Кюи

Я узнавала судьбы Тома.

(1908–1910)

Мать Марины, талантливая пианистка, широко образованный человек, была тяжело больна – у нее была чахотка, которая и унесла ее в 1906 году. В связи с болезнью матери семья подолгу жила за рубежом – в Италии, Швейцарии, Германии, Франции. Отсюда и свободное владение Мариной французским и немецким языками. Ее образование получило великолепное развитие в период посещения курса французской литературы в Сорбонне в 1909 году.

Детство, отрочество и юность отложили неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь Марины Цветаевой и на ее творчество. У совсем юной женщины пробуждается с удивительной остротой ощущение недолговечности жизни, осознание извечной трагедии человечества – смертности.

Странно чувствовать так сильно

И так просто

Мимолетность жизни и свою.

(1913)

Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли./ /

– Послушайте! – Еще меня любите,

За то, что я умру.

(1913)

В одном из своих ранних стихотворений – «Литературным прокурорам» (1911–12) она пишет:

Быть в грядущем лишь горсточкой пыли

Под могильным крестом? Не хочу!

Марина Цветаева принадлежит поколению, судьба которого была глубоко трагична. Период их жизни охватывает две мировые войны, революцию, эпоху террора и, нередко, вынужденную эмиграцию. Все это сопряжено с ощущением бездомности, отверженности, неприкаянности. Эти настроения проникают в поэзию Марины Цветаевой, как это имеет место в следующих стихах:

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,

Длилось – миг.

Настоящее первое счастье,

Не из книг.

В январе на заре было горе,

Длилось – час.

Настоящее, горькое горе
В первый раз.

1911–1912

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

1913

В 1918–22 годах Марина оказывается одна с малолетними детьми в разоренной Москве. Сергей Эфрон, ее муж, сражается в рядах белой армии, остается в живых и уезжает за рубеж. В 1922 году Марина воссоединяется с мужем и начинается эмигрантское существование семьи. Кратковременное пребывание в Берлине, три года в Праге и долгая жизнь в Париже, отмеченная сложными отношениями с русской эмиграцией, не принявшей творчества Марины. Сергей Эфрон сотрудничал с НКВД в надежде, что это откроет для него двери в Россию. Он оказался замешанным в политическом убийстве и в 1937 году был вынужден бежать из Франции в Россию. Вместе с ним уехала их дочь Ариадна. Марина Цветаева с сыном Георгием остается во Франции еще на два года. Они отправятся на родину в 1939 году. В 1941 году мужа и дочь арестовывают. Эфрона ждет расстрел, а Ариадну долгие и мучительные годы лагерей и ссылка.

Существование Марины Цветаевой в Москве, как и в эмиграции, оказывается бедственным – ни жилья, ни работы, ни денег. Вскоре после начала войны, вместе с какой-то частью писательской организации Марина с сыном едут в Елабугу, в эвакуацию. В далеком провинциальном городке великая русская поэтесса пытается устроиться в писательскую столовую посудомойкой. Однако писательские жены считают ее недостойной этой работы и ей отказывают. Именно здесь, в Елабуге, 31 августа 1941 года Марина Цветаева кончает жизнь самоубийством.

Творческое наследие Марины Цветаевой обширно. Ее произведения переведены на все ведущие языки мира. Помимо поэзии ее труды включают трагедии на античные сюжеты, эссе, очерки. Вера в вечную жизнь искусства, неприятие уродливого мира мещанских интересов, корысти, ощущение трагизма собственной жизни, предчувствие раннего конца прослеживаются в ее стихах.

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано все понять?
1911–1912

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Не изменившие друзья
В потертом красном переплете.
1908–1910

Вера в бессмертие искусства и в собственный жребий помогают ей в жизни и в творчестве.

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам
Настанет свой черед.

1913

Поэзия Марины Цветаевой многогранна. Она причастна и к жизни природы и к жизни общества. Она не знает временных границ. Так, ожившее в фильме Рязанова стихотворение Марины Цветаевой вошло во внутренний мир современного человека русской культуры.

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами.
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!
1915

Следующие строки есть одна из многочисленных иллюстраций ее связи с природой:

Красной нитью рябина зажглась,
Падали листья – я родилась.
Спорили сотни колоколов,
День был осенний – Иоанн Богослов.

Начало литературной деятельности Марины Цветаевой отмечено влиянием символистов, прежде всего В. Брюсова, и Макса Волошина, в доме которого в Крыму, где собиралась творческая интеллигенция той поры, Марина неоднократно бывала.

Пройдя через тяжкий период в истории XX столетия, приведший к разрушительной войне, которая унесла миллионы жизней

и превратила некогда цветущие земли в пустыню, Цветаева была непримирима к порабощению одних другими, к враждебности одних к другим.

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови! /.../

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по течению спин./.../

На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

1939

Творчество для Марины Цветаевой возможность бегства из бесчувственной реальности. Настоящая поэзия многогранна. Мы ищем в стихах ответы на то, что тревожит и заботит нас. И с каждым из нас поэзия говорит по-своему. Как сказал некогда Н.В. Гоголь о стихах А.С. Пушкина, мы находим в них «бездну пространства». Это в полной мере можно отнести и к поэзии Марины Цветаевой. В цикле «Стол» находим гимн миру прекрасного, миру поэзии, миру труда.

СТОЛ

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
 Спасибо, что ног не гнул
 Под ношей, поклажу грез –
 Спасибо – что нес и нес. /.../

Всем низостям – наотрез!
 Дубовый противовес
 Льву ненависти, слону
 Обиды – всему, всему./.../

Так будь же благословен –
 Лбом, локтем, узлом колен
 Испытанный, – как пила
 В грудь вьевшийся – край стола!

1933

Слова «Мой письменный верный стол» содержат метафору, в которой стягиваются далекое и близкое, живое и неживое, мир материальный и мир духовный. «Стол» больше, чем постоянный спутник поэта. Это и олицетворение внутреннего мира поэта, который противопоставит бездуховному мещанскому существованию. Это и приверженность поэта творчеству, его единение с миром духовным, миром поэзии, миром природы. Многие слова могут быть полностью поняты и осмыслены только в рамках всего цикла – в данном случае речь идет о цикле «Стол», включающем шесть стихотворений.

Еще одна примечательная сторона творчества Марины Цветаевой – ее связи с немецким романтизмом – Гете, Гейне, Гельдерлином и ее отношение к Германии. Первое свидание с этой страной состоялось еще при жизни матери – в 1904 году. Семья жила в Шварцвалде, красивейшем уголке Германии, где пленяющая душу красота природы заставляет забыть о бренности всего живого. «...колыбель моей души», пишет Марина Цветаева в своих дневниках в 1919 году, а также «Все людские помыслы так мелки / В этом царстве доброй полумглы». Вновь свидание с Германией состоялось в 1910 году. Опять воскресали неведомые легенды, где сталкиваются добро и зло, любовь и разлука, мужество и предательство. Германия видится Цветаевой как страна сказки, что так не вяжется с трагедией, разыгравшейся в мире через несколько десятилетий.

Обратимся еще к одному стихотворению Марины Цветаевой:

Я расскажу тебе – про великий обман:
 Я расскажу тебе, как ниспадает туман
 На молодые деревья, на старые пни./.../

Я расскажу тебе – про великую ложь:
 Я расскажу тебе, как зажимается нож
 В узкой руке, как вздымаются ветром веков
 Кудри у юных – и бороды у стариков.

Рокот веков.
 Топот подков.

В этом стихотворении, как нередко, мы находим глубокий смысл, воистину «бездну пространства». Можно воспринимать его как образ истории человечества – войны, кровь и пепел век за веком. Звуковая аранжировка двух последних строк вызывает представление о мчащейся коннице, о преследовании, о нападении одних на других: «Рокот веков./ Топот подков». Таким представляется автору ритм истории. «Рокот веков» можно рассматривать как метафору, несущую в себе неясный, но грозный образ времени, таящий в себе призрак войн, кровавых битв, унесших миллионы жизней – крестовые походы, завоевания Орды, войны Нового Времени. Гармония синтаксических повторов противопоставит ее отсутствию в реальной жизни, где мчащиеся кони есть не просто символ вечного движения, а войн как тяжкого знаменья нашей цивилизации.

Нетрадиционность образов прослеживается не только в поэзии, но и в прозе Марины Цветаевой, например, в очерке «Живое о Живом», посвященном Максиму Волошину: «...сущность Волошина – полдневная, а полдень /.../ самый телесный, вещественный, с телами без теней /.../ и, одновременно, самый магический, мифический и мистический час суток, как и полночь. Таково и творчество Волошина, в котором /.../ меньше моря, чем материка и больше берегов, чем реки».

Сменяют друг друга поколения, уходят века и тысячелетия. Настоящее искусство продолжает жить и Марина Цветаева навсегда с нами.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. В книге «Теория метафоры». Москва, 1990.

Золотой век русской поэзии. Поэты пушкинской поры. Составление, предисловие, комментарии Н.И. Якушина. Москва, 2009.

Эткинд. Е. Разговор о стихах. Москва, 1970.

Turaeva Zinaida Yakovlevna (Büblingen, Germany)

**MY POETRY LIKE PRECIOUS WINE IS YET TO SEE
ITS TIME TO COME**

The article treats the issue of the literary heritage of Marina Zvetaeva, one of the greatest poets of the last century. An attempt is made to trace the link between her path in life and her poetry. Belief in immortality of art, hostility to meanness and selfishness, realization of her own tragic fate can be traced in her work. Love for freedom, fidelity to the weak and the abused, hymn to love and to art are characteristics of her poetry.

Keywords: literary heritage, path in life, poetry, metaphor, syntactical repetition, fidelity to arts

УДК 81'42

А.А. Александрова (Великий Новгород, Россия)

**АППРОКСИМАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ
КОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ТЕКСТАХ
ПАРОДИИ И БУРЛЕСКА**

Предмет рассмотрения – аппроксимация анализируется в статье как средство объективации комической картины мира автора на примере художественных имитационных текстов пародии и бурлеска. Раскрываются понятия картины мира и комической картины мира, описываются механизмы объективации комической картины мира в рассматриваемых текстотипах. Концептуальной основой категории аппроксимации в признается отличие картин мира, несоответствие ценностных ориентиров авторов исходного и имитационного текстов.

Ключевые слова: аппроксимация, картина мира, комическая картина мира, исходный текста, имитационный текст, пародия, бурлеск

Внимание современной науки к человеческому фактору и идее субъектности мышления обращает исследователя текста к концептуальным и методологическим установкам когнитивной науки. Быстрое развитие когнитивистики обуславливает проникновение её методов и терминологии в различные сферы лингвистической науки. Фундаментальные для когнитивистики понятия «когниция», «концепт», «категоризация», «концептуализация», «прототип» и пр. экстраполируются на традиционный предмет изучения лингвистики текста – текст как связную и целостную последовательность знаков, равно как и на конститутивные текстовые свойства (в терминологии отечественных лингвистов, категории). К числу понятий, востребованных современной наукой, правомерно отнести «картину мира», описываемую когнитивистами как концептуальную систему.

Художественная картина мира конкретизируется в картине мира автора текста – носителя художественного мышления. Как и картина мира любого индивида, картина мира автора художественного текста включает в себя универсальное и национальное, но в первую очередь, фиксирует уникальность творческого субъекта: «ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события» [Щирова, 2007, с. 156]. Выявление

индивидуально-личностного компонента признаётся наиболее важным аспектом описания картины мира автора художественного текста как реального когнитивного субъекта. В авторской картине мира обнаруживают «образную, «очеловеченную» картину, которая несет в себе черты автора как языковой личности» [Филиппова, 2008, с. 8].

Особенность познавательной деятельности языковой личности автора художественного текста состоит в художественном и индивидуально-личностном освоении мира и предполагает освоение и интерпретацию уже существующих текстов, которые переосмысляются креативным субъектом, исходя из специфики собственного мировидения и мирооценки. Переосмысленные знания «чужих» текстов составляют часть картины мира автора и вербализуются в его произведениях [там же, с. 8–9]. При этом уже существующие тексты, проходя через призму индивидуально-авторского мировосприятия, «преломляются» в авторском сознании, чтобы вербализоваться в создаваемых на их основе новых текстах *неточно, приблизительно*.

Приблизительность текста выступает концептуальной основой текстовой категории аппроксимации, признаваемой прежде всего «конститутивным свойством вторичных текстов» [Ионова, 2006, с. 5]. Поскольку вторичный текст создается путем преобразования исходного текста и предполагает по отношению к нему определенный характер и степень приблизительности, аппроксимация стала рассматриваться как «ключевой принцип вторичного текстообразования» [там же].

Под вторичным текстом обычно понимается текст, созданный на базе уже существующего исходного текста. Выделяют разнообразные вторичные тексты: тексты-примитивы, репродуктивные тексты, тексты-адаптации, краткое изложение и резюме, новые интерпретации текстов, изменяющие их содержание, записи под диктовку и тексты-имитации. Вторичные тексты как результат субъективного восприятия, интерпретации и оценки креативного субъекта являются неотъемлемым условием развития литературного творчества в рамках отдельной эпохи, когда уже существующие тексты приобретают новое понимание под воздействием авторского сознания. В глобальном безграничном интертекстуальном пространстве культуры особый интерес составляют художественные имитационные тексты, в том числе тексты пародии

и бурлеска, являющиеся продуктом комического и критического индивидуально-авторского переосмысления исходного текста или текстотипа.

Представляя собой подвижное пространство межтекстового диалога данные имитационные тексты служат плодотворным материалом для их сравнения с исходными текстами и выявления особенностей их аппроксимации. Категория аппроксимации в имитационных художественных текстах пародии и бурлеска реализуется соотносительностью исходного и имитационного текстов на основании *подобия* их лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных свойств. Особенности актуализации категории аппроксимации выражаются совокупностью лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных соответствий и трансформаций. И в тексте пародии, и в тексте бурлеска соответствия создают фон для трансформаций, которые выдвигаясь на первый план имитационного текста, объективируют оценочное отношение автора к исходному тексту.

Тексты пародии и бурлеска представляют собой художественные имитационные тексты, основными свойствами которых, в отличие от иных типов вторичных текстов, признаются имитационность, оценочность и комичность. В научной литературе эти имитационные тексты трактуются по-разному, а отношения между ними рассматриваются как *синонимические* или как *гипогиперонимические*, когда бурлеск определяется через пародию и признаётся её разновидностью или пародия определяется через бурлеск и признаётся его разновидностью. Отсутствие четких критериев разграничения пародии и бурлеска оправдывает введение дополнительного параметра, уточняющего их типологическую специфику, им может служить реализуемый в данных текстотипах вид аппроксимации: для пародии характерна собственно текстовая аппроксимация, а для бурлеска – текстотипологическая аппроксимация. Текст пародии является комической имитацией исходного *текста* и соотносится с ним на основе подобия лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных свойств. Текст бурлеска является комической имитацией исходного *текстотипа*, в нем повторяются инвариантные свойства одной из текстотипологических моделей: эпической поэмы, оды, трагедии или рыцарского романа.

Комизм текстов пародии и бурлеска основывается на контрасте, который проистекает из их двойственной природы. Комический эффект *пародии* достигается смысловым и ценностным контрастом между воспроизводимыми в ней элементами исходного текста и нововведенными элементами, трансформирующими его структурную и содержательную организацию. Комический эффект *бурлеска* достигается резким контрастом между темой и характером ее речевого изложения: возвышенная тема излагается низким стилем (низкий бурлеск) или низкая тривиальная тема излагается высоким стилем (высокий бурлеск).

Концептуальной основой категории аппроксимации в текстах пародии и бурлеска является отличие картин мира, несоответствие ценностных ориентиров авторов исходного и имитационного текстов. Автор комического имитационного текста, обладая собственным художественным видением, мировоззрением и ценностными идеалами, выступает как интерпретатор исходного текста, который вызывает в его сознании эмоциональный отклик и оценку. В отличие от нейтральной по своей направленности оценки автора текста стилизации, оценка автора комического имитационного текста градуируется от резко негативной до «добраго смеха» (В.Я. Пропп). На одном «полюсе» градуальной шкалы этой оценки находится конфликт картин мира, т.е. кардинальные разногласия авторов, когда имитационный текст выполняет функцию критики и сатирического разоблачения первичного текста. На другом «полюсе» – «добрый смех», карнавальное осмеяние предшествующего опыта, когда имитационный текст является «добродушным подшучиванием» над оригиналом.

Традиционно считается, что существует столько картин мира, сколько имеется индивидов, контактирующих с миром, и сколько имеется «призм мировидения» [Серебренников, 1988]. Картина мира не есть зеркальное отражение мира, а его интерпретация. Субъекты картин мира различаются своим глубинным мироощущением, которое задает картине мира индивида особую тональность и эмоциональную окрашенность [Серебренников, 1988, с. 29–30]. Наличие в эмоциональной палитре автора имитационного текста чувства юмора, позволяющего рассматривать моделируемую исходным текстом предметную ситуацию через призму комического отношения к миру, позволяет говорить о наличии индивидуально-авторской комической картины мира.

Комическая картина мира, по мнению И.В. Попченко, имеет антропологический статус, является продуктом жизнедеятельности человека и формируется, когда он обнаруживает комизм предметов и явлений в процессе познания и интерпретации реальной действительности. Такое видение феномена комического, отраженное в картине мира, можно определить как «комическую картину мира», являющуюся фрагментом общей картины мира [Попченко, 2005, с. 10].

Таким образом, индивидуально-авторская комическая картина мира представляет собой «совокупность образов комического (ситуаций, явлений, свойств, предметов и т.п.), отклоняющихся от *стереотипного* восприятия окружающего мира, от *нормативных* жизненных ценностей и вызывающих комический эффект» [там же, с. 6] (курсив мой – А.А.). Понятия стереотипа и нормы можно экстраполировать на исходный текст рассматриваемых нами имитационных текстов как на гармонично функционирующую, структурно и содержательно связную и цельную систему. Обусловленные авторской интенцией пародии или бурлеска комические трансформации вносят разлад в систему, создают алогичный, шаржированный, отклоняющийся от стереотипа мир, объективирующий индивидуально-авторскую комическую картину мира. Целью трансформаций и, следовательно, приблизительного воспроизведения исходного текста, т.е. актуализации категории аппроксимации, является различие картин мира, несоответствие ценностных ориентиров автора исходного и автора имитационного текстов. Это различие побуждает к созданию комической имитации, высмеивающей определенные особенности исходного текста или описываемой в нем предметной ситуации. Трансформации исходного текста в имитационном тексте определяются индивидуально-авторской комической картиной мира и объективируют оценочное отношение автора имитационного текста к моделируемой исходным текстом предметной ситуации.

Художественные имитационные тексты пародии и бурлеска как проявления категории комического в литературе всегда выполняли важную социальную функцию сатирического разоблачения, являлись инструментом критики предметов и явлений окружающей действительности посредством комического высмеивания их свойств в художественной форме.

По мысли Р. Бонда, бурлеск занимает промежуточное положение между критическим и художественным текстом [Bond, 1932, p. 14]. Тексты бурлеска являются комическим осмыслением исходного текстотипа в творческой форме и имеют ярко выраженное критическое начало. Бурлеск нередко выступает орудием политической и социальной сатиры, обличает недостатки и пороки общества, выставляя их «в героическом свете» (Ср. бурлеск С. Батлера на рыцарский роман «Гудибрас») [Ibid., p. 14].

Наличие мотива «против» в этимологии слова «пародия» (Ср. *корень слова parodia содержит элементы para- (против, рядом) и -ode (песнь)*) указывает на то, что и она направлена *против*, в данном случае, определенных особенностей пародируемого произведения. В их число входят тематика, идейное содержание, особенности сюжета, система персонажей, композиция или язык. Присутствие в слове *parodia* компонента *para-*, имеющего также значение «рядом, близ», расценивается Л. Хатчен как указание, скорее, на близость пародии к исходному тексту, чем на контраст с ним. Хатчен называет пародию «ироничной транс-контекстуализацией» (ironic “trans-contextualization”), повторением исходного текста с какими-либо отличиями [Hutcheon, 2000, p. 32]. Таким образом, и пародия и бурлеск представляют собой специфические тексты, интегрирующие свойства как художественных, так и литературно-критических произведений. Критическое начало, объединяя пародию и бурлеск, является критерием их отличия от стилизации, нейтральной в своей оценке исходного текста.

Комическая имитация состоит в повторении внешних признаков любого жизненного явления, в процессе которого затмеваются или отрицается его внутренний смысл. В пародии и бурлеске комической имитации могут подвергаться движения и действия человека, его жесты, речь; можно имитировать не только человека, но и то, что им создано в области материального мира. Пародирование и бурлескное переложение стремятся показать, что за внешними формами проявления духовного начала ничего нет, что за ними – пустота и представляют собой средство раскрытия этой внутренней несостоятельности [Пропп, 1999, с. 26].

Итак, характер аппроксимации, выражающийся в соотношении соответствий и трансформаций в текстах пародии и бурлеска,

является средством объективации комической картины мира автора и основывается на различии мировоззренческих установок авторов исходного и имитационного текстов. Прототекст проходит через призму индивидуально-авторского мировосприятия, «преломляется» в его сознании и вербализируется в имитационном тексте приблизительно, т.е. является в определенной степени аппроксиматичным ему. Репрезентантами авторской комической картины мира служат соответствия и трансформации исходного текста в имитационном тексте: они функционируют в качестве маркеров адресованности и коммуникативно-прагматических фокусов имитационного текста и формируют важную часть программы его интерпретации, закладываемой автором в текст.

Список литературы

- Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Попченко И.В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб., 2007.
- Bond R. *English Burlesque Poetry, 1700–1750*. Cambridge (Massachusetts), 1932.
- Hutcheon L. *A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms*. Chicago, 2000.

Alexandrova Anastasia Andreevna (Veliky Novgorod, Russia)

**APPROXIMATION AS A MEANS OF OBJECTIVATION
OF THE AUTHOR'S COMIC WORLD VIEW IN PARODY
AND BURLESQUE**

Approximation is analysed in the article as a means of objectification of author's comic world view by example of parody and burlesque. Notions of world view and comic world view are explained; mechanisms of its objectification in text types under consideration are described. It is explained that authors of source text and literary imitation have different world views and values; this disagreement becomes conceptual basis of approximation in parody and burlesque.

Keywords: approximation, world view, comic world view, source text, literary imitation, parody, burlesque

УДК 802.0-73

Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

**О РОЛИ ОБРАЗА АВТОРА В ФОРМИРОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

В статье рассматривается роль образа автора в формировании художественного текста, его повествовательной перспективы, в определении художественной точки зрения в тексте.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, художественная точка зрения, лирика, эпос, повествовательная перспектива, картина мира, художественная картина мира, структура текста

Нормы и правила структурной организации текстов находятся в непосредственной зависимости от их внутренней, смысловой организации и в то же время испытывают на себе влияние экстралингвистических факторов, к которым можно отнести время и форму существования акта коммуникации, специфику жанрового стиля, индивидуальный стиль автора и т.д. [Воронцова, 2013, с. 186]. Каждое художественное произведение является выражением личности своего создателя в плане совокупности идей и их лингвистического воплощения. Как речевое произведение, художественный текст характеризуется, прежде всего, своим субъектом речи. В повествовательном тексте им должен быть автор (создатель текста), однако, это не совсем так, поскольку роль автора-создателя в художественном тексте нельзя отождествлять с ролью говорящего в речевом высказывании. Причиной этого является то, что в данном случае мы имеем дело с неполноценной коммуникативной ситуацией, когда автор отделён от своего высказывания. Читатель может судить о создателе текста лишь постольку, поскольку он отразился в тексте, то есть отсутствует прямой контакт с адресантом повествования. Кроме того, автор художественного текста создаёт вымышленный мир, который выдаётся за фрагмент реального. Следовательно, в коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а образ автора, повествователь. Именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощён в тексте и с которым имеет дело читатель [Падучева,

1996, с. 200–206]. В разговорном же дискурсе всё реально: и говорящий, и то, о чём он говорит.

Образ автора включает в себя субъект произведения, который является творцом его художественного мира, и словесно-речевую структуру, организующую художественное повествование. Автор художественного текста (субъект, адресант) является направляющей силой акта художественной коммуникации, определяет тип повествования, точку или угол зрения, под которым будут в дальнейшем развиваться идеи и образы предлагаемой целостной эстетической структуры. Содержание категории образа автора с литературоведческой и лингвистической точек зрения подробно рассмотрено в работах многих авторов [Бахтин, 2000; Барт, 1989].

Понятие «художественная точка зрения» раскрывается как отношение системы (лингвистической, стилевой и т.д.) к своему субъекту. Субъект системы – это сознание, способное породить текстовую структуру и реконструируемое при восприятии текста. Художественная модель в самом общем виде воспроизводит образ мира для данного сознания, то есть моделирует отношение личности (адресанта повествования) и мира. Эти отношения имеют субъектно-объектный характер. В художественных текстах, как отмечает Б.А. Успенский, возможно наличие иерархии художественных точек зрения, по-разному представляющих действительность и по-разному интерпретирующих описываемые события. Иерархия художественных точек зрения лежит в основе жанровых законов. При этом возможно радиальное фокусирование в едином центре, который представлен субъектом повествования. Возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фокусируются в одном центре, а образуют некоторый рассеянный субъект, состоящий из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы. Ни один другой элемент текстовой структуры так тесно не связан с общей задачей построения художественной картины мира, как художественная точка зрения. Отношение «точка зрения – текст» есть всегда отношение «создатель – созданное». Точка зрения придаёт тексту определённую ориентированность относительно его субъекта. При этом каждый текст является частью внетекстовой структуры и представляет определённый тип мировоззрения, модель культуры [Успенский,

2000, с. 171–200]. Материальным проявлением функциональности и интенциональности субъекта повествования для читателя является весь текст. Именно поэтому категория образа автора является основополагающей, и именно поэтому типология повествовательной перспективы базируется, прежде всего, на субъектно-речевой организации текста.

Субъект повествования – это создатель авторской картины мира, представленной в произведении. Он является творцом художественного мира, отражающего определённые идейно-художественные взгляды, которые находят воплощение в словесно-речевой структуре произведения, в данном случае – в балладе. Сложность моделирования авторской картины мира как концептуальной системы предопределяется сложностью моделирования концепта как её основной составляющей, а также наличием её национальных, индивидуальных, эстетических особенностей [Щирова, 2013, с. 73–74].

Субъект (адресант) повествования фольклорных произведений принципиально отличается от субъекта повествования литературных произведений, так как он является коллективным, собирательным образом, отражающим настроения, вкусы, взгляды современного ему социума, но не творцом художественного мира, представленного в литературной балладе; для него характерен прямой контакт с адресатом повествования.

Наличие или отсутствие зримого повествователя в тексте баллады зависит от преобладания в конкретных текстах лирического или эпического начала. Повествователю нарратива соответствует в лирике лирический герой. Он обязательно присутствует в мире, который порождается текстом. Именно поэтому диегетический мир лирического текста легко отождествляется с реальностью: для этого достаточно, чтобы лирический герой отождествлялся с автором. Эпический повествователь не обязан присутствовать в том мире, который порождается текстом. Его присутствие там факультативно [Воронцова, 2010, с. 158–164].

Роль адресата повествования (воспринимающего субъекта) в художественной коммуникации также чрезвычайно важна. Ещё Аристотель отмечал важность роли слушателя (адресата) в процессе коммуникации, так как слушатель является его конечной целью. Понятие адресата повествования появилось в литературоведении в двадцатые годы XX века. Проблема читателя – адресата

подробно рассматривалась также немецкими учёными представителями школы рецептивной эстетики Х.Р. Яуссом, В. Изером и М. Науманом, которые писали, что художественный опыт имеет два аспекта: продуктивный (творческий) и рецептивный (сфера восприятия). Соответственно, существуют две теории творчества: традиционная и теория восприятия, основным объектом изучения которой является адресат [Цит. по Чернец, 2000, с. 21–30].

Выделение адресата в качестве объекта специального изучения подчёркивает диалогическое начало творчества, его направленность на читателя. Художественный текст предстаёт в качестве определённой программы воздействия на адресата. Таким образом, для адресата повествования текст является совокупностью чувств и мыслей, принадлежащих автору, а также возбудителем его собственной духовной энергии. Различаются внутренний адресат (один из персонажей текста) и внешний – читатель. В традиционном нарративе внутренний адресат обычно отсутствует, в то время как в лирическом тексте внутренний адресат, как правило, представлен.

Субъектно-речевая организация баллады определяет развитие перспективы повествования. Существуют некоторые её разновидности, которые отличаются друг от друга по степени приближенности субъекта повествования к описываемым событиям. При всеобъемлющей (неограниченной) перспективе повествования автор эпически дистанцируется от изображаемого, он стоит над изображаемыми героями и событиями, описывая их как в линейной пространственной и временной последовательности, так и в вертикальной причинно-следственной взаимосвязности. Повествование при этом не ориентировано на субъектно-определённый план повествователя. Доминирующим, определяющим все точки сюжета является взгляд автора-повествователя, который не персонифицирован, не входит во внутренний мир текста. В данном случае мы, как правило, имеем дело с нарративом третьего лица. Как отмечает Е.В. Падучева, в нарративе третьего лица авторская субъективность не исключена, но ограничена пределами лирических и риторических отступлений [Падучева, 1996, с. 206]. Имплицитный повествователь, с которым мы имеем дело в данном случае, может занять подчёркнуто внешнюю позицию по отношению к герою, то есть выступать в роли стороннего наблюдателя. Ограниченная (концентрирован-

ная) перспектива повествования предполагает наличие конкретного повествовательного субъекта, художественное изображение с опорой на «личный», субъектный план повествователя или одного из персонажей, выступающего также в роли повествователя, и обуславливает ориентацию времени и пространства художественного действия относительно этого лица. Повествование обычно ведётся от первого лица. В данном случае мы имеем дело с диегетическим повествователем, входящим в мир текста. Существует также много литературных произведений, сочетающих в разнообразных формах оба вида перспективы повествования. Это произведения с вариационной, перспективой повествования, в то время как художественные произведения, имеющие на всём своём протяжении одну точку зрения на изображаемое, являются текстами с константной перспективой повествования. Необходимо отметить определённую условность формулировки «перспектива повествования», так как в произведениях с неограниченной перспективой повествования субъект повествования может перевернуть рассказ одному из персонажей, и тогда прямая речь персонажа приобретает движущее сюжет значение. Эта классификация чрезвычайно важна, так как художественный текст и, в частности, баллада как речевое произведение характеризуется, прежде всего, своим субъектом речи.

Указанные выше типы перспективы повествования соотносятся со следующими повествовательными формами, выделенными Е.В. Падучевой: традиционный нарратив (ограниченная, концентрированная перспектива повествования), включающий повествование от первого лица с персонифицированным повествователем и повествование от третьего лица с не персонифицированным повествователем; свободный, косвенный дискурс (неограниченная, всеобъемлющая перспектива повествования) при котором повествователь отсутствует или играет пониженную роль в повествовании, а также лирическая форма, которая представляет собой усложнённое повествование от первого лица, состоящее в том, что в тексте представлен синхронный адресат – слушатель во втором лице. При этом адресатом может быть и сам повествователь [Падучева, 1996, с. 214].

Как показал анализ, и для фольклорных, и для литературных баллад наиболее характерна неограниченная всеобъемлющая повествовательная перспектива, являющаяся основой свободного

косвенного дискурса, при котором повествователь отсутствует или играет пониженную роль в повествовании, что способствует наиболее объективному представлению действительности в фольклорных балладах и создаёт эффект дистанцированности повествователя от описываемых событий.

В фольклорных балладах эпического характера, описывающих выдающиеся исторические события, и особенно в разбойничьих балладах о Робин Гуде, всеобъемлющая повествовательная перспектива довольно часто сочетается с ограниченной или концентрированной повествовательной перспективой, придающей повествованию определённую эмоциональную напряжённость и некоторый субъективизм в представлении событий. Как правило, субъект повествования в балладах такого рода наиболее эксплицитно представлен в сильных позициях балладного дискурса, то есть в его начале и конце, что характерно для реальной коммуникативной ситуации и указывает на наличие прямого контакта адресанта и адресата повествования. Эмоциональная напряжённость повествования находит выражение в использовании лексико-семантических (эмоционально-оценочные эпитеты) и синтаксических (инверсия) средств. Следовательно, коммуникативно-прагматическая функция субъектов повествования выражена довольно ярко в балладных дискурсах данного типа.

В литературных балладах эпического характера коммуникативно-прагматическая функция повествователя выражена довольно эксплицитно в тех случаях, когда черты фольклора являются доминирующими. Однако в большинстве случаев в подобных балладах преобладает константная всеобъемлющая повествовательная перспектива.

Для фольклорных баллад лирического характера типична константная всеобъемлющая повествовательная перспектива, эпическая отдалённость субъекта повествования от описываемых событий, в то время как для литературных баллад этого типа характерна концентрированная повествовательная перспектива. Коммуникативно-прагматическая функция субъекта повествования в балладах этого типа, как правило, бывает ярко выражена, что свидетельствует об индивидуально-авторской доминанте в представлении описываемых событий. Для повествования характерен субъективизм, описание внутреннего мира, переживаний субъекта повествования.

Список литературы

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
 Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
 Воронцова Т.И. Жанр как стилиобразующий фактор художественного текста // *Studia Linguistica*. Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс. СПб., 2013. С. 186–193.
 Воронцова Т.И. Повествовательность лирического дискурса (на материале фольклорных и литературных баллад) // *Studia Linguistica*. Вып. XIX. Человек. Язык. Познание. СПб., 2010. С. 158–164.
 Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
 Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000.
 Чернец Л.В. Литературное произведение как художественное единство // Введение в литературоведение. М., 2000.
 Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.

Vorontsova Tatiana Ivanovna (Saint Petersburg, Russia)

ABOUT THE ROLE OF THE AUTHOR'S IMAGE IN THE TEXT FORMATION

The article deals with the role of the author's image in the text formation and in the determination of the artistic point of view in the text.

Keywords: communicative situation, artistic point of view, lyrics, epos, narrative perspective, picture of the world, artistic picture of the world, structure of the text

УДК 811. 111

И.М. Гасанова (Санкт-Петербург, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ТЕКСТАХ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО РОМАНА

В статье рассматриваются различные типы самоидентификации личности и языковые средства их художественного моделирования. Описание процесса самоидентификации в тексте постколониального романа строится на основе универсальной оппозиции «свой – чужой». Особое внимание уделяется эмоционально-смысловым рядам противоположной оценочной направленности, воспроизводящим данную оппозицию в художественной форме.

Ключевые слова: самоидентификация, языковая личность, постколониальный роман, оппозиция «свой-чужой», квази-субъект

Вопросы самоидентификация личности (self-identification) связаны с осознанием человеком своей значимости в мире, отождествлением себя с окружающим миром и с самим собой, с созданием некоего образа, к которому стремится субъект («Я»). «Ядро» структуры самоидентификации составляют формы связи и отождествления личности с группами повседневного контакта, как то «семья», «друзья», «представители своего поколения», «коллеги по работе/учёбе» [Mead, 1994; Cooley, 1998].

Проблема самоидентификации личности закономерно получает освещение в художественном тексте, где автор создаёт художественную модель реальной действительности. Подобно человеку реального мира, персонаж-квазисубъект ищет истину своего бытия, соотнося его с освоением мира и познанием самого себя [Щирова, 2001, с. 124]. Согласно авторской интенции, эти поиски приводят героя к самоидентификации. В художественном тексте как в модели реальной действительности и вторичной моделирующей системе [Лотман, 2000, с. 61] сочетаются отражение объективного мира и авторский вымысел, объективируются не только дух нации, но и психологические, субъективно-оценочные и эмоциональные характеристики креативной языковой личности, при этом субъективность перцепции предопределяет особую роль индивидуального в авторской картине мира. Её специфика отражается в построении «как бы мира» текста [Щирова, 2007,

с. 151]. Важным способом выражения авторского мировидения можно считать художественное моделирование картины мира персонажа. В текстах постколониальной литературы в этой картине мира отображается конфликт языков и культур, неизбежный при ассимиляции субъекта в чужую реальность, пограничность сознания персонажа: персонаж изображается в постоянном поиске себя и своего места в мире.

Концептуальной основой изображения процесса самоидентификации в рассматриваемых текстах выступает универсальная оппозиция «свой – чужой». Обретая в тексте ту или иную оценочную направленность, члены этой оппозиции становятся важным средством языкового моделирования образа собственного «Я» в сознании персонажа, который, согласно авторской интенции, находится в условиях «другого» национального образования.

Традиционно разграничиваются различные типы самоидентификации: национальная, этническая, культурная, религиозная, профессиональная, семейная, языковая, политическая, региональная и пр. Личность представляет собой их переплетение. В проанализированных текстах постколониального романа основными типами самоидентификации, формирующих культурную самоидентификацию личности героя, являются национальная, профессиональная, религиозная и семейная. Специфика этих типов самоидентификации отображается в лексическом наполнении текста.

Проиллюстрируем сказанное обратившись к художественным текстам.

В романе «The Inheritance of Loss» Киран Десаи фокусирует внимание читателя на неспособности индийской девушки Саи существовать в условии национально-культурных различий Англии и Индии. Дочь индийского лётчика, погибшего далеко от родины, Саи получает воспитание в Англии, но не знает, как соразмерить себя с родным языком и родной страной. «Конфликт миров» обретает в тексте форму оппозиции двух культур – культуры Англии и культуры Индии.

(to make tea) the Indian way vs. the English way

Sai, her hands shaking, stewed tea in a pan and strained it, although she had no idea how to properly make tea this way, the Indian way. She only knew the English way [Desai 2006, p. 6].

he was a Hindi-speaker vs. he was an English-speaker

Sai felt embarrassed. She was rarely in the cook's hut, and when she did come searching for him and enter, he was ill at ease and so was she, something about their closeness being exposed in the end as fake, their friendship composed of shallow things conducted in a broken language, for she was an English-speaker and he was a Hindi-speaker [Desai, 2006, p. 19].

Внутренний дискомфорт, неуверенность и смущение персонажа, вызванные национально-культурными различиями Англии и Индии, не только номинируются прямо (*embarrassed*), но и передаются с помощью выразительной художественной детали – дрожания рук (*her hands shaking*). Приобщившись к ценностям «чужого мира», персонаж не просто испытывает неудобство в «своём мире», но и не понимает, как в нём жить (*She only knew the English way*).

Процесс ассимиляции личности с «чужой» культурой (религией, профессиональными устремлениями, различиями национального характера) отличается сложностью и противоречивостью, несёт в себе возможность разочарования личности в ценностях «чужого мира». Столкнувшись с реальностью, персонажи постколониального романа нередко чувствуют себя обманутыми.

Например, герой романа Видиядхара Сураджпрасада Найпола «Half a Life» Вилли Чандран со школьных лет благоговел перед институтами власти Англии, восхищался образом жизни англичан. Однако при первой же прогулке по Лондону исторически известные элементы культуры Англии – официальная лондонская резиденция британских монархов (*Buckingham palace*) и знаменитый «Уголок ораторов» в лондонском Гайд-парке (*Speaker's Corner*) – кажутся ему, скорее, приманкой для туристов, чем носителями демократических ценностей нации. Лексические единицы, формирующие описание Лондона, не только реализуют узуальные отрицательные оценочные коннотации (*disappointed* (-), *idle* (-) *scatter* (-), *indifferently*(-)), но и обретают их в рамках анализируемого контекста (*Buckingham palace* (-), *Speaker's Corner* (-)). Первое разочарование героя «сигнализирует» о сложности ассимиляции с «чужой» нацией и её культурой. Развёртывание текстовой ситуации показывает, что впоследствии это чувство доминирует в восприятии «чужого мира» героем (*was disappointed; didn't expect to see*).

The only two places he knew about in the city were Buckingham palace and Speaker's Corner. He was disappointed by Buckingham

palace. He thought the maharaja's palace in his own state was far grander, more like a palace, and this made him feel, in a small part of his heart, that the kings and queens of England were impostors, and the country a little bit of a sham. His disappointment turned to something like shame – at himself, for his gullibility – when he went to Speaker's Corner. He had heard of this place in the general knowledge class at mission school and he had written knowingly about it in more than one end-of-term examination. He expected big, radical, shouting crowds... He didn't expect to see an idle scatter of people around half a dozen talkers, with the big buses and the cars rolling indifferently by all the time [Naipaul, 2001, p. 50].

В описании «чужого мира» Англии включаются лексические единицы *sham*, *artificial*, *strange*, которые не просто реализуют в тексте узуальные отрицательные оценочные коннотации, но и формируют глубинную смысловую перспективу, имплицитно несоответствие реального «чужого мира» тем представлениям о нём, которые существовали в сознании героя. Так, недавно восхищавшая его система власти Англии номинируется при помощи лексической единицы *impostors* (-) (*the kings and queens of England were impostors*). Использование в тексте однокоренных повторов (*sham*, *shame*) выдвигает на передний план идею грядущего разочарования в «чужом мире», фальшь которого герой начинает ощущать (*the country a little bit of a sham*). За стремление войти в этот мир он испытывает чувство, близкое к стыду (*His disappointment turned to something like shame*). Утраченные иллюзии приводят Вилли к религии. Он выбирает путь проповедника и сравнивает себя с брахманами: *A Brahmin decides to leave his community and go elsewhere...* [Naipaul, 2001, p. 41].

Заметим, что позже герой сталкивается и с трудностями религиозного самоопределения. Он теряет в «чужом пространстве» и не может обрести жизненный смысл. Неспособность определиться с выбором верного пути эксплицируется красноречивым высказыванием: *It wasn't really my life* [Naipaul, 2001, p. 210].

Черты новой культуры утрачивают привлекательность и для протагониста романа Джона Максвелла Кутзее «Youth». «Огромный» (*huge*), «холодный» (*cold*), «неподвижный» (*stony*) и «лабиринтообразный» (*labyrinthine*) Лондон вызывает у него непонимание и заставляет испытывать чувство одиночества. Имплицитными средствами изображения одиночества выступа-

ют эпитеты, формирующие зарисовки неприветливой лондонской погоды (*low, grey, wet weather (-)*), а ведь когда-то Лондон вызывал у героя совсем иное чувство – чувство восхищения (*admirable, great*). По ходу развёртывания повествования тема одиночества в «чужом мире» становится лейтмотивом, существенное *loneliness* превращается в ключевую характеристику внутреннего состояния героя: *Saturday and Sunday evenings are the worst. Then the loneliness that he usually manages to keep at bay sweeps over him, loneliness indistinguishable from the low, grey, wet weather of London or from iron-hard cold of pavements* [Coetzee, 2002, p. 52].

Протагонист романа Дж.М. Кутзее стремится обрести профессиональный статус в «чужом мире», он хочет стать писателем, однако, его рассуждения о выборе профессии между офисным клерком и писателем (см. ниже) убеждают читателя в сложности процесса профессиональной самоидентификации. Несмотря на внешнее благополучие (*to dress in a black suit*), жизнь клерка зачастую оканчивается одиночеством и связями, далекими от настоящей любви (*do soul-destroying office-work and submit to either loneliness unto death or sex without desire*). Нелегка и жизнь писателя. Он лишён материальных благ и вынужден владеть жалкое существование: *Why is it a greater sacrifice, a greater extinction of personality, to hide out in a garret room on the Left Bank for which you have not paid the rent, or wander from cafü to cafü, bearded, unwashed, smelly, bumming drinks with friends, than to dress in a black suit and do soul-destroying office-work and submit to either loneliness unto death or sex without desire?* [Coetzee, 2002, p. 59]. Аргументов в пользу выбора профессии писателя герой так и не находит (*Why is it a greater sacrifice, a greater extinction of personality*).

Мысль рождается из мотивирующей сферы сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и эмоции [Выговский, 2001]. Внутренний монолог, т.е. изображённая автокоммуникация, эксплицирует переживания протагониста, связанные с познанием себя как личности и как профессионала, а также с тем, насколько болезненной, а иногда и невозможной, является адаптация человека к обычаям и ценностям «чужой» культуры. Герой оказывается не в состоянии принять тот образ жизни, который вынужденно вели многие писатели запад-

ной культуры, чтоб получить вдохновение (*Opium and alcohol are not his way*). Жизненные модели, усвоенные на родине, и новые жизненные модели оказываются в ситуации конфликта: *Century ago poets deranged themselves with opium or alcohol so that from the brink of madness they could issue reports on their visionary experiences. By such means they turned themselves into seers, prophets of the future. Opium and alcohol are not his way, he is too frightened of what they might do to his health* [Coetzee, 2002, p. 59].

Тема сложности нахождения «своего места» в семье раскрывается в автобиографическом романе Дорис Мей Лессинг «Under My Skin». Семья рано отталкивает героиню от себя, несмотря на привязанность к дому, она постепенно от него отдаляется. Моделируемый в тексте процесс семейной самоидентификации остаётся незавершённым. В нижецитируемом микроконтексте слова и словосочетания *to be alone, to wander, from home, far* объединены семантикой отчуждения от «своего пространства» (семейного): *She took it into her head to start worrying about my being alone. All those years I wandered about sometimes miles from home, and had tactfully not said how far I went* [Lessing, 1995, p. 155].

Решившись изменить свою жизнь (*All plans of leaving the Colony as soon as I could, for a new life*), Дорис уезжает в Англию. С этим переездом она связывает надежды на «новую жизнь», но вскоре испытывает разочарование. Англия теряет для неё прежнюю привлекательность. В описание «чужого мира» – мира за пределами семьи, который так и не становится для героини «своим», включаются отрицательные характеристики, выраженные эпитетами *grimy(-), graceless(-), bleak(-), ugly(-), dreadful(-)* (*to get away from the grimy, graceless, bleak, ugly, dreadful of England*). Мысленно, теперь уже в воспоминаниях, Дорис возвращается в свой дом, в Персию и Южную Родезию, где человек окружён природой: *We drove through mountains roads made for caravans, hoses, mules, donkeys* [Lessing, 1995, p. 165]. *The water was so cold! It was mountain water. It came running down from the mountains in stone channels. You simply had to shout as you jumped in!* [Ibid.].

Как подтверждает проведенный анализ, сознание изображаемого в тексте постколониального субъекта основывается на неустойчивой, принципиально незавершённой самоидентифи-

кации. Этот характер самоидентификации связан с культурной дислокацией субъекта, его перемещением в «чужую» культуру. Трудности, возникающие в процессе самоидентификации, нередко вызывают внутренний конфликт, отражающий ощущение «инаковости» личности. Эффективным средством художественного моделирования различных типов самоидентификации в текстах постколониального романа выступает формирование эмоционально-смысловых рядов противоположной оценочной направленности, концептуальная основа для которых создаётся универсальной оппозицией «свой – чужой». Положительное оценивание квазисубъектом вычленяемого элемента позволяет говорить о его вхождении в систему «своих» ценностей, а оценка противоположной направленности свидетельствует об отторжении рассматриваемого элемента и включении его квазисубъектом в «чужой мир». Возможная смена оценки элемента свидетельствует о процессуальности моделируемого в тексте процесса самоидентификации и сложности ассимиляции человека в «чужую» культуру.

Список литературы

- Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. М., 2001.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000.
- Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.
- Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. Диссертация на соискание ученой степени докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001.
- Coetzee J.M. Youth. London, 2002.
- Cooley Ch.H. On self and social organization. Chicago, 1998.
- Desai K. The Inheritance of Loss. London, 2006.
- Lessing D. Under My Skin. London, 1995.
- Mead G.H. The Individual and the Social Self: Unpublished Essays. Chicago, 1994.
- Naipaul V.S. Half a Life. New York, 2001.

Gasanova Indira Maksimovna (Saint-Petersburg, Russia)

FICTIONAL MODELING OF VARIOUS TYPES OF SELF-IDENTIFICATION IN THE TEXTS OF POSTCOLONIAL NOVEL

The article focuses on various types of self-identification and the linguistic means of their fictional modeling. The process of self-identification in the text of postcolonial novel is described on the basis of the universal «self / other» opposition. Special attention is paid to the opposing emotional and semantic rows used by the author to reproduce this opposition in a fictional text.

Keywords: self-identification, linguistic personality, postcolonial novel, «self / other» opposition, quasi-subject

УДК 81.111

*М.Н. Гузь, Н.В. Пигина (Санкт-Петербург, Россия)***ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ «РОЖДЕСТВЕНСКИХ» РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ**

В статье рассматриваются особенности немецких рекламных тестов, появляющихся накануне Рождества. Анализируется изменение рекламного слогана, исследуются его возможные варианты, описываются способы эмоционального воздействия «рождественской» рекламы на адресата.

Ключевые слова: рекламный текст, слоган, суггестивность, речевой акт «пожелание», эмоциональное воздействие

Любой текст, художественный или относящийся к сфере нехудожественной коммуникации, оказывает определенное воздействие на адресата, методы которого условно можно разделить на рациональные и эмоциональные, в зависимости от того, на какую сферу личности адресата они воздействуют. Исследователи отмечают в рекламном тексте «доминирование эмоциональных методов воздействия: их количество превышает количество рациональных методов более чем в четыре раза» [Орлов, 2012, с. 12–13]. Особый интерес в плане эмоционального воздействия на адресата представляют собой рекламные тексты, приуроченные к каким-либо праздникам. В данной статье предлагается рассмотреть специфику немецкоязычных рекламных текстов, которые появляются в преддверии Рождества.

Накануне Рождества стартуют рекламные кампании, результатом которых становятся рекламные тексты, отличные от «стандартных». Если традиционный рекламный текст широко использует персуазивные стратегии, так как строится на аргументированном убеждении потенциального клиента, подталкивании его к выполнению посткоммуникативного действия, то «рождественским» рекламным текстам больше присуща суггестивность. Составляющие эту группу рекламные тексты часто даже не содержат имплицитно выраженное рекламное сообщение, их цель – воздействовать на воображение, эмоции, подсознание читателя, вызвать у него определенные ассоциации и воспоминания о ярких эмоциональных переживаниях. К таким воспоминаниям

большинство людей относит воспоминания о детстве, семье [см.: Гузь, Пигина, 2013]. И наиболее ярким эмоциональным воспоминанием детства, связанным с праздниками, у большей части носителей немецкого языка является Рождество.

Рождество в немецкоязычном пространстве по праву считается светлым и радостным праздником, который принято проводить в кругу семьи. На предрождественское время в Германии приходится пик сезонных продаж. По данным консалтинговой и аудиторской компании Deloitte & Touche рождественский бюджет среднестатистического немца в 2013 году составил 485 евро [Deutsche Welle]. А по данным Handelsverband Deutschland (HDE) в Германии в ноябре и декабре 2013 г. оборот должен был составить 80,6 миллиардов евро [Nachrichten 24].

Естественно, что в это время усиливается борьба за покупателя, для продавца важно привлечь внимание клиента, завоевать его расположение. Главной задачей рекламных кампаний, стартовавших в это время, является поиск креативных решений, которые привлекли бы внимание и вызвали бы интерес покупателя, воздействовали бы на его эмоциональную сферу.

Мы считаем, что «рождественские» рекламные тексты можно выделить в особую группу текстов, так как они имеют ряд присущих только им особенностей. Прежде всего, это время начала рекламной кампании – конец ноября – середина декабря. Во-вторых, это использование определенного иконического компонента. Анализ печатной рекламы, размещенной на страницах газет и журналов, позволил сделать выводы о том, что доминирующий цвет, используемый в рождественской рекламе – красный.

В христианской культуре красный цвет символизирует кровь Спасителя [weihnachten.de]. Однако в ходе постепенной секуляризации общества красный цвет постепенно терял свое религиозное значение и стал использоваться в различной рождественской атрибутике. В современной культуре потребления акцент при праздновании Рождества переносится с религиозного значения этого праздника на внешнюю атрибутику, что широко используется в рекламе. Так, рекламный текст часто располагается на красном фоне и поддерживается визуальными образами – милыми девушками в красных шапках и варежках с белой оторочкой, красивыми коробками с подарками, машинами, везу-

щами елки и подарки, звездами и снежинками. Перечисленные изображения характерны для 58 % всех описываемых текстов. Визуальный образ, как правило, ассоциируется с традициями, известными с детства, и прежде всего с традицией дарить подарки. Согласно статистическим данным, члены 90 % немецких семей дарят друг другу подарки. По данным социологических опросов 70 % респондентов ассоциируют с праздником Рождества, в первую очередь, подарки [Die Welt]. Таким образом, подарки – главный атрибут праздника, на выбор которого уходит львиная доля рождественского бюджета среднестатистического немца. Детская радость от ожидания подарков успешно используется в предрождественской рекламной кампании, например, в виде обещания скидок, изменения графика работы магазинов (содержатся в 13 % исследуемых текстов).

Для рождественских рекламных текстов характерно изменение рекламного слогана. Нами было рассмотрено 70 рекламных текстов, размещенных на сайте Horizont.net. В 31 % исследуемых рекламных текстов мы встречаем «рождественский» слоган, то есть слоган, так или иначе связанный с наступающим праздником, но не содержащий рождественского пожелания, например реклама шоколада Rittersport: *Das Festlichste was man aus Quadraten machen kann* или реклама фирмы Bauer Media Group: *100 Plätzchenrezepte, eine App. Süßes zum Downloaden. Jetzt kann Weihnachten kommen*. 10 % текстов содержат слоган компании и «рождественский» слоган: реклама фирмы Mon Cheri: *Wer kann dazu schon nein sagen* (слоган). *Ich freue mich schon auf Auspacken* («рождественский» слоган). 21 % текстов сочетает слоган компании непосредственно с пожеланием, например реклама Netto-Marken Discount: *Einfach besser* (слоган). *Wir wünschen Ihnen frohe Weihnachten! Herzlichen Dank, dass Sie uns zum „beliebtesten Händler 2013“ gewählt haben* (пожелание). Создатели большей части «рождественских» рекламных текстов (38 %) отказываются от слогана, оставляя в рекламном тексте только клише-пожелание, принятое в немецкой культуре: *frohe, schöne Weihnachten, frohes, besinnliches, gesegnetes Weihnachtsfest, glückliches neues Jahr* и т.п.

Клише-пожелание реализует в рекламном тексте речевой акт пожелание и обычно представлено в виде простого предложения, в большинстве случаев это полное двусоставное распро-

страненное предложение: *Cruse Classics wünscht frohe Weihnachten; Lotto wünscht Frohe Weihnachten und viel Glück im Neuen Jahr; Bitte wünscht frohe Weihnachten*; реже – назывное предложение: реклама фирмы Douglas: *Schöne Weihnachten*; реклама банка Kasseler Sparkasse: *Frohe Weihnachten!*; реклама эколого-демократической партии: *Frohe Weihnachten und ein gutes neues Jahr*. В качестве подлежащего выступает имя собственное – название фирмы (*Segmüller wünscht Ihnen und Ihrer Familie frohe Weihnachten*) или личное местоимение первого лица множественного числа *wir* (реклама фирмы Fortuna: *Wir wünschen allen ein gesundes, glückliches, neues Jahr 2014!*; реклама фирмы Weko Wohnen: *Wir wünschen Ihnen ein frohes Fest*). Использование личного местоимения первого лица множественного числа *wir* служит формированию лексико-семантического поля «свой», таким образом фирма-рекламодатель внушает адресату рекламы, что они – «единое целое». В качестве сказуемого выступает глагол *wünschen*, в качестве дополнения – традиционное название праздников (*Weihnachten, Weihnachtsfest, neues Jahr*). В качестве эпитетов выступают традиционные прилагательные *froh, glücklich, neu, besinnlich, gesund*, причастие *gesegnet*. Приведенные выше в качестве примеров пожелания являются в высшей степени формализованными и могут не оказать на адресата нужного эмоционального воздействия, поэтому многие компании пытаются приблизить их к адресату, включая в текст пожелание не только радостного праздника, но и здоровья, удачи и т.п. В качестве примеров можно привести рекламу Nürnberger Bratwurst Glöckl am Dom: *Wir wünschen unseren treuen Gästen ein besinnliches und friedvolles Weihnachtsfest und viel Glück und Gesundheit für 2014* или рекламу фирмы Redeberger: *Frohe Weihnachten! Wir danken Ihnen für Ihr Vertrauen und wünschen Ihnen fürs neue Jahr Gesundheit, Glück und Erfolg*. Пожелания здоровья, счастья, удачи и так далее мы, как правило, ждем от людей близких, с которыми нас связывают дружеские отношения, таким образом, включая эти единицы в рекламный текст, фирма-рекламодатель пытается установить с адресатом более тесный контакт.

В пожеланиях, в которых адресант обозначен личным местоимением *wir*, называется также и адресат пожелания, причем номинации адресата достаточно разнообразны. Он может быть обозначен либо личным местоимением множественного числа в

дательном падеже Ihnen (*Segmüller wünscht Ihnen und Ihrer Familie frohe Weihnachten*) или euch (реклама фирмы Skimax: *Wir wünschen euch frohe Weihnachten*). В последнем случае имплицитно создается ситуация общения, где обе стороны на «ты». Кроме этого используются такие лексические единицы, как Leser, User, Teilnehmer, Kunden, Freunde, Bekannte, Mitglieder: реклама Frankfurt Business Media: *Wir wünschen allen unseren Lesern, Usern und Teilnehmern sowie Kunden ein gesegnetes Weihnachtsfest und ein gutes neues Jahr!*; реклама автомобильного салона Hansmann Automobile: *Allen Kunden, Freunden und Bekannten wünschen wir frohe Weihnachten und ein glückliches neues Jahr*; реклама банка в Пассау: *Wir wünschen unseren Mitgliedern und Kunden frohe Weihnachten und ein glückliches neues Jahr*; реклама пивоварни Privatbrauerei Erdinger Weißbier: *Wir wünschen all unseren Freunden frohe Weihnachten und ein gutes neues Jahr*.

Обращает на себя внимание, что второй коммуникант называется не только клиентом, что отражает реальные экономические отношения двух сторон, но и участником (создание иллюзии сопричастности к общему делу), а также другом (попытка имитации доверительных дружеских отношений между двумя изначально противоположными коммуникантами). Перечисленные лексические единицы во многих текстах сочетаются с притяжательным местоимением unser, которое также как и личное местоимение wir служит формированию лексико-семантического поля «свой».

Клишированное лексико-грамматическое наполнение данных текстов сближает их с поздравительными открытками, рассылка которых также является одной из рождественских традиций в немецкой этнокультуре. Тем самым коммуникация между отправителем и адресатом рекламного текста переносится в сферу отправителя и получателя пожелания. Пожелания всегда оказывают положительное эмоциональное воздействие на адресата, с одной стороны, с другой – человек ожидает получить поздравления от более или менее знакомых. Таким образом, подобные рекламные тексты моделируют дружеские доверительные отношения между фирмой-рекламодателем и потребителем рекламы.

Часть рекламных текстов кроме пожелания счастливого Рождества содержит также и наименование услуги, которую желает адресату (и оказывает) фирма-рекламодатель. При этом наименование услуги может быть встроено в пожелание, как, например,

в рекламе дрезденской транспортной компании: *Fröhliche Weihnachten und gute Fahrt mit Bus und Bahn 2014*. Особенностью этого пожелания является использование «эффекта обманутого ожидания» и объединение в одной синтаксической конструкции двух пожеланий разного типа. После соединительного союза und реципиент ожидает стандартное продолжение пожелания хорошего Нового года, но видит пожелание хорошей поездки на автобусе и поезде. Само по себе пожелание хорошей поездки является довольно стандартным клише, но при соединении с праздничным пожеланием образует зевгму, что не может не привлечь внимание адресата.

Указание услуги может быть представлено также и имплицитно, как например, в рекламе стоматологической клиники: *Das Team von ZMK wünscht Ihnen schneeweiße Weihnachten & einen tollen Start in das Neue Jahr 2014*. В данной рекламе обращает на себя внимание прилагательное schneeweiß, которое является типичным определением к существительному Zähne (зубы). Белоснежные зубы являются символом здоровых зубов, что достигнимо при обращении в клинику за стоматологическими услугами. Данная импликация усиливается также визуальным образом – падающими как снежинки зубами, и графическим оформлением – весь текст напечатан красным шрифтом, а прилагательное schneeweiß – тем же серебристым цветом, что и зубы-снежинки.

Указание на фирму-рекламодателя содержится в пожелании банка Saalesparkasse: *Frohe Weihnachten. Wünsche werden wahr. Mit Ihrer Saalesparkasse*. За традиционным назывным предложением-пожеланием следует простое повествовательное предложение, в котором констатируется факт превращения желаний в действительность. Парцелляция Mit Ihrer Saalesparkasse, являясь конструкцией экспрессивного синтаксиса, фокусирует внимание клиента на названии банка и переносит акцент с нематериальных ценностей на материальные, так как условием осуществления желаний, а соответственно и залогом счастливого Рождества, является использование услуг банка.

Отдельную группу можно выделить также рекламные тексты, в которых кроме речевого акта пожелания реализуется речевой акт благодарности. Благодарность выражается клиенту за выбор услуги, предоставляемой компанией-рекламодателем: компания Netto Marken-Discount: *Wir wünschen Ihnen frohe Weihnachten!*

Herzlichen Dank, dass Sie uns zum „beliebtesten Händler 2013“ gewählt haben. Кроме имени существительного Dank широко используются глаголы с семантикой благодарности danken, sich bedanken, как например, в рекламе фирмы Ortho-team-angerer: *Wir danken allen unseren Kunden für das entgegengebrachte Vertrauen im vergangenen Jahr und wünschen frohe Weihnachten sowie einen guten Rutsch ins neue Jahr* или рекламе пива Аугустинер: *Familie Vollmer bedankt sich bei allen Gästen aus Nah und Fern und wünscht Ihnen gesegnete Weihnachten.*

Адресат получает, таким образом, положительные эмоции не только от пожелания, но и от того, что его выбор, доверие и преданность, которые, как известно, представляют собой доминантные черты немецкого национального характера, оценены по достоинству. Пожелание проецируется на будущее, а благодарность – на прошлое, то есть на прошедший год. Соединяя в рекламном тексте временную перспективу прошлого и будущего, компания-рекламодатель подчеркивает свое постоянное присутствие в жизни клиента и стабильность экономических взаимоотношений.

В немецкой этнокультуре существует традиция в конце года рассылать деловым партнерам, постоянным клиентам, друзьям письма, которые содержат не только пожелания счастливого Рождества и Нового года, но и «взгляд назад», перечень наиболее существенных достижений уходящего года, благодарность партнерам (клиентам, друзьям) и описание планов на будущее.

Среди исследуемых рекламных текстов есть несколько текстов (1 %), которые строятся именно по такой модели, хотя и содержат не все названные компоненты. Так, реклама банка Аугсбурга содержит пожелание, благодарность и планы на будущее, не содержит ретроспективу: *Frohe Weihnachten und alles Gute für das neue Jahr. DANKE für Ihr Vertrauen, dass Sie in unsere Bankgruppe setzen. Wir werden auch in 2014 als zuverlässiger Partner „Ganz in der Nähe“ sein.* Кроме рассмотренных выше речевых актов пожелания, благодарности и соединения разных временных перспектив данный слоган содержит эксплицитно выраженную характеристику адресанта рекламы. Фирма-рекламодатель предстает не просто партнером, а «надежным партнером» – *zuverlässiger Partner* – (двойная положительная характеристика), и поскольку концепт «Sicherheit» является одним из ключевых

концептов немецкой концептосферы, такой слоган может получить более сильный эмоциональный отклик у адресата и оказать на него более эффективное эмоциональное воздействие.

В рекламе автомобильного центра Erb отсутствует блок «благодарность»: *Frohe Weihnachten und ein gesundes neues Jahr! Statt zu schenken, spenden wir in diesem Jahr 10000 Euro der Initiative „Ein Herz für Kinder“. Gemeinsam mit bundesweit teilnehmenden Händlern haben wir so bis Jahresende viel Geld getragen, um Kindern in Not zu helfen. Mehr Informationen erhalten Sie unter <http://www.volvocars-partner.de/erb/angebote/volvo-hat-ein-herz-fuer-kinder>. Genießen Sie die Feiertage und kommen Sie gut ins neue Jahr. Denn auch hier dreht sich bei uns wieder alles um Sie. Innovative Technologien, erstklassiger Service und attraktive Angebote erwarten Sie auch im nächsten Jahr bei uns.* Положительная характеристика адресанта в данном случае представлена имплицитно, что говорит о скромности фирмы-рекламодателя, которая не хвастает тем, что жертвует деньги нуждающимся детям. Перспективная составляющая (планы на будущее) сосредоточена на адресате: разговорное выражение *es dreht sich um jemanden* подчеркивает, что для фирмы-рекламодателя никого важнее ее клиентов нет, они всегда в центре внимания. Им всегда предлагается все самое лучшее, что акцентируется перечислительным рядом (однородные подлежащие следующего предложения *innovative Technologien, erstklassiger Service, attraktive Angebote*), а наречие *wieder* акцентирует повторяемость действия, стабильность политики фирмы, что привносит уверенность в завтрашнем дне.

Реклама компании GISA не сообщает о планах компании на будущее: *Die GISA GmbH wünscht frohe Weihnachten! 2013 hat die GISA ihr 20-jähriges Jubiläum gefeiert. Wie bedanken uns für die gute Zusammenarbeit und Ihr Vertrauen und wünschen Ihnen und Ihrer Familie frohe Weihnachtsfesttage. Auf ein glückliches Jahr 2014! Das Jubiläumsjahr stand auch unter dem Motto: „GISA-Mitarbeiter spenden Zeit“. Zahlreiche Mitarbeiter unterstützten tatkräftig in vielen sozialen Einrichtungen. Auf der Jubiläumsfeier der GISA sammelten die Mitarbeiter eine Spende in Höhe von 3761 Euro für den Kinderschutzbund Halle. Im Rahmen der jährlichen Weihnachtsspenden unterstützt die GISA in diesem Jahr mit insgesamt 5000 Euro gemeinnützige Einrichtungen an ihren Standorten, darunter die Björn Schulz Stiftung Sachsen-Anhalt und das*

Kinderheim Clara Zetkin in Halle, das Kinder- und Jugendheim „Völkerfreundschaft“ in Markkleeberg, das SOS-Familienzentrum in Cottbus, den Elternverein krebskranker Kinder e.V. in Chemnitz, das Ronald McDonald Haus und die Elternhilfe für krebserkrankte Kinder Leipzig. Зато подробно останавливается на благотворительной деятельности компании. Перечисление организаций, которым была оказана помощь, способствует реализации тактики положительной самопрезентации, представляет компанию как социально-ответственного и надежного партнера.

Авторы одной трети рассмотренных рекламных текстов создают «рождественский» слоган, широко используя рождественскую атрибутику, связанную, прежде всего, с подарками и сказочным персонажем, который их приносит. Реклама фирмы Idealo имитирует телеграмму немецкому деду Морозу: *Lieber Weihnachtsmann: Wir haben das im Griff. Millionen von Weihnachtsgeschenken zum besten Preis.* Компания DHL, оказывающая услуги по доставке корреспонденции, стирает границу между миром реальным и миром вымышленным, вписывает себя в рождественскую историю и заявляет о партнерских отношениях со сказочным персонажем: *Offizieller Partner des Weihnachtsmannes. Weil es nur einen einzigen Weihnachtsmann gibt, helfen ihm alle unsere Zusteller.* Дарение имплицитно и в рекламе конфет Mon Cheri: *Ich freue mich schon auf Auspacken.*

Одним из мотивов рекламных слоганов становится также традиционная немецкая рождественская кухня. Рождественский пирог (штоллен) присутствует в рекламе компании Küchenmeister: *Wer liefert den Stollen bis an den Strand? Wir.* Следует отметить, что рождественские блюда можно встретить не только в рекламе компаний, производящих еду. Так, традиционное рождественское печенье используется в рекламе авиакомпании Lufthansa: *Erst: Plätzchen backen. Dann: Plätze buchen.* Синтаксический параллелизм, поддерживаемый игрой слов, основанной на однокоренных словах Plätzchen – Plätze придает этому тексту особую суггестивность. Но если в этом случае имплицитно сохраняется традиция, то реклама авиакомпании Austrian Airlines призывает к отказу от поедания традиционного рождественского гуся, апеллируя не только к защитникам животных, но и к домохозяйкам, уставшим от предрождественских хлопот: *Retten Sie eine Gans. Fliegen Sie weg.*

В немецкоязычных странах широко распространены обычаи и традиции, связанные с рождественскими поделками. В каждой области существуют свои региональные традиции, но наибольшей популярностью во всех регионах пользуется рождественский календарь (Adventskalender). Эту особенность использует компания Fernweh-aktuell, ее рекламный слоган выглядит следующим образом: *Es gibt Geschenke! Bis Weihnachten öffnen wir jeden Tag ein Türchen an unserem Adventskalender. Mitmachen und eine Überraschung gewinnen.* А вот сеть магазинов Penny-Markt противопоставляет мир взрослых миру детей и предлагает вместо дверцы рождественского календаря открыть баночку или бутылочку пива: *Lieber Bierchen statt Türchen öffnen.* Рождественский календарь рассчитан на весь предрождественский период с 1 декабря, и каждый день дети открывают новую дверцу, за которой находят небольшой подарок или конфету. В данной рекламе имплицитно перенос традиции ежедневного открывания дверцы на ежедневное потребление пива, то есть адресату навязывается покупка как минимум 24 банок или бутылок пива. Данный слоган обыгрывает представление о мужчине как о «большом ребенке» (der ewige Junge, das Kind im Mann) [Die Zeit].

Еще одной традицией является украшение домов, офисов, магазинов. Часто для украшения используют рождественские звезды, сделанные своими руками. Банк Ульма адресует свой рекламный текст детям, желая им и их родителям получить удовольствие от создания звезды, и описывает ход работы: *Basteln für Kinder Weihnachtsstern Das brauchst du So geht es Wir wünschen euch und euren Eltern viel Spaß beim Basteln und eine besinnliche Weihnachtszeit.* Интересно, что дети как таковые не являются активными клиентами банка (по факту все банковские операции совершают за них родители). Но дети растут и становятся в будущем самостоятельными клиентами банка. Банк, таким образом, выступает в роли наставника, учителя, близкого человека, не только хорошо разбирающегося в каком-то деле (эксплицитно – в создании рождественских украшений, имплицитно – в банковском деле), но и готового поделиться своими знаниями и опытом, т.е. в роли того, кому можно доверять.

Для украшения помещений также часто используются цветы, а именно пуансеттия – *Euphorbia pulcherrina*, что отражается в рекламном слогане фирмы Dehmer: *Blühende Sterne gibt es*

bei Dehner! Пуансеттия ассоциируется с Рождеством благодаря форме прицветников, напоминающих звезду (другое название растения на немецком языке Weihnachtsstern), и сочетанию традиционных рождественских цветов – зеленого и красного (хотя существуют сорта с прицветниками других цветов, но все-таки традиционным считается красный цвет прицветников). Использование этого сезонного растения в рекламе способствует привлечению клиентов и увеличению продаж.

К рождественским немецким традициям относят и рождественские песни, фрагменты которых включаются в качестве интертекстов в рекламные слоганы, так в рекламе компании Tschibo: *Stille Nacht Stylisher Nacht* или компании Stadtwerke Halle: *Leuchte Licht mit hellem Schein. Frohe Weihnachten.*

Мы рассмотрели наиболее интересные рождественские рекламные тексты, обобщая сказанное, еще раз отметим, что эти тексты составляют особую группу рекламных текстов, которым присущ ряд особенностей. И главной является специфический рекламный слоган, содержащий пожелание, принятое в немецкой этнокультуре, элементы национальной культуры, актуализирующий ключевые для немецкого языкового сознания концепты. Появляющиеся в особенное по своему эмоциональному настрою время, эти тексты оказывают устойчивое сильное эмоциональное воздействие на адресата.

Список литературы

Гузь М.Н., Пигина Н.В. Интертекст как средство воздействия на адресата рекламного текста // *Studia Linguistica*. Вып. 22. Язык. Текст. Дискурс: Современные аспекты исследований. СПб., 2013. С. 317–327.

Орлов С.В. Психолингвистические и психологические факторы воздействия рекламного текста. Автореф дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Электронные источники

Deutsche Welle: [сайт] URL: <http://www.dw.de/во-скольком-немцам-обойдется-рождество/a-16466386> (дата обращения: 4.02.2014)

Die Welt: [сайт] URL: <http://www.welt.de/gesundheit/article123303137/Was-soll-mir-dieses-Geschenk-bloss-sagen.html> (дата обращения: 31.01.2014)

Die Zeit: [сайт] URL: <http://www.zeit.de/2006/26/KindimMann> (дата обращения: 07.02.2014)

Horizont.net: [сайт] URL: <http://www.horizont.net/kreation/magazine/pages> (дата обращения: 10.01.2014)

Nachrichten 24: [сайт] URL: <http://www.n24.de/n24/Nachrichten/Wirtschaft/d/4027700/deutsche-koennten-fuer-rekordumsatz-sorgen.html> (дата обращения: 31.01.2014)

Weihnachten: [сайт] URL: <http://www-weihnachten.de/weihnachten-infos/christbaum.htm> (дата обращения: 1.02.2014)

*Guz Maria Nikolaevna, Pigina Natalia Vladimirovna
(Saint Petersburg, Russia)*

DISTINCTIVE FEATURES OF GERMAN CHRISTMAS ADVERTISEMENTS

The article focuses on Christmas adverts that come out before Christmas. The author analyzes the transformation of advertising slogans, explores their possible variations and describes the means of emotional impact of Christmas advertising on a recipient.

Keywords: advertisement, slogan, suggestion, the speech act “well wishing”, emotional impact

УДК 81'42

Т.Г. Гусакова (Санкт-Петербург, Россия)

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье уточняется содержательный объем понятия самоидентификации и описываются особенности репрезентации в самоидентификации в художественном тексте. Цветообозначения рассматриваются как одно из языковых средств, функционально направленных на моделирование самоидентификации.

Ключевые слова: художественный текст, самоидентификация, идентичность, цветообозначения, авторское эмоционально-оценочное отношение

В период глобализации, роста социальной и трудовой мобильности, переосмысления традиционных гендерных ролей и столкновения культур закономерно возрастает интерес науки к проблемам социальной самоидентификации. Расовый, гендерный, национально-этнический, религиозный, профессиональный, классовый и возрастной аспекты этого процесса получают широкое осмысление в постколониальных, феминистских, социально-критических и психоаналитических исследованиях по психологии (З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм), социологии (М. Фуко, Ч. Кули, Дж. Г. Мид, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман, Ю. Кристева), социолингвистике (П. Бурдье, Н. Феиркло, Р. Лакофф) и литературоведению (Э. Саид, Э. Гросс, Х. Сиксу).

Введенный в аналитическую психологию Зигмундом Фрейдом термин «самоидентификация» изначально использовался в узком значении фундаментального механизма психологической защиты через бессознательное уподобление образу объекта, вызывающего страх или тревогу. Впоследствии он стал трактоваться более широко – как ведущее к формированию личностно-моральной инстанции супер эго отождествление со значимым другим (родителем, учителем, сверстником) на основании тесной положительной или отрицательной эмоциональной связи [НФС, 2003, http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/275.php].

В современной социологии и социальной психологии под самоидентификацией понимается, прежде всего, групповая или

коллективная самоидентификация, один из важнейших механизмов социализации личности путем отождествления себя с группой, общностью или человеком как воплощением присущих этим общностям свойств: образцов и стереотипов поведения, норм, целей, социальных ролей, установок и идеалов. Результатом самоидентификации является формирование групповой идентичности – концентрированного представления человека о собственной принадлежности к различным социокультурным общностям: расовой, гендерной, национальной, этнической, конфессиональной, классовой, профессиональной, семейной и возрастной. Самоидентификация начинается в раннем детстве, когда ребенок узнает себя на фотографии и в зеркале [Lewis, Feinman, 1991], и, обеспечивая непрерывность представления прошлого, настоящего и будущего в сознании человека, задает направление, цель и смысл его жизни. С одной стороны, самоидентификация предоставляет основу для социального сравнения и оценки, помогая человеку понять свое место в обществе, с другой, – определяет структуру самого общества [Erikson, 1968]. Этот процесс постоянен: в условиях крайнего динамизма социальных систем различные аспекты идентичности конструируются и переосмысливаются одновременно и непрерывно в многообразных социальных практиках (П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Фуко).

На самых ранних этапах когнитивного развития самоидентификация, одна из базовых психологических потребностей человека, получает представление в языке и речевом поведении. В раннем детстве репертуар языковых форм самоидентификации включает структуры утверждений обладания, собственных внешних физических характеристик, родства, занятий и физических умений [Крайг, Бокум, 2005, с. 307]; впоследствии он многократно расширяется и усложняется. Особый интерес представляет в этой связи художественный текст, в котором языковая личность автора получает двойную самоидентификацию – непосредственную (например, через выбор национального языка, переключение языковых кодов) и опосредованную, путем конструирования художественной модели самоидентификации персонажа-квасисубъекта [Щирова, 2000].

Исследования художественного текста с позиций социально-статусного моделирования языковой личности автора востребованы современной антропоцентрической наукой: картина мира

автора художественного текста как частный вариант концептуализации мира, а также способы актуализации индивидуально-личностного компонента авторского мировидения относятся к приоритетным интересам лингвистики текста [Карасик, 2002, с. 12–13; Щирова, 2013, с. 8–11]. Исследуется и специфика отображения процесса самоидентификации в художественном тексте, например, выделены некоторые особенности жанровой, тематической и сюжетно-композиционной организации текстов, в которых моделируется самоидентификация персонажа [Ярина, 2011, Кулагин, 2009; Плахина, 2007], систематизированы лексико-грамматические единицы, функционально направленные на художественное моделирование различных типов самоидентификации: семейного, национального, профессионального и религиозного [Гасанова, 2013]. Цветовые обозначения, используемые «персонажами» в целях групповой самоидентификации, ещё не выступали предметом самостоятельного научного описания. Остановимся на них более подробно.

К цветовым обозначениям относятся языковые единицы, которые называют оттенки цвета, составляют лексико-семантическое поле COLOUR и репрезентируют концепт COLOUR, а именно: 1) существительное *colour*, наиболее общим образом представляющее зрительно воспринимаемое свойство объектов, определяющееся их способностью отражать или поглощать свет; 2) 3 цветовых обозначения ахроматических цветов (*black, white, grey*) и 8 цветовых обозначений хроматических цветов (*red, blue, yellow, green, brown, pink, orange, purple*); 3) производные, сложные, сложнопроизводные слова и словосочетания – цветовые обозначения, семантика которых формируется посредством пропозициональной (HAVE QUALITY (COLOUR) BELONGING TO OBJECT, HAVE SOME AMOUNT OF QUALITY (COLOUR), HAVE SOME AMOUNT OF QUALITY (COLOUR) BELONGING TO OBJECT) и метонимической (WHOLE – PART) когнитивных моделей [Молибога, 2013, с. 5–6].

Основой ассоциирования цветовых обозначений и различных социокультурных общностей называется синестезия – «универсальный психический механизм взаимотрансляции семантического содержания различных перцептивных модальностей на допредметном уровне репрезентации образа мира субъекту» [Яньшин, 2001, с. 7]. Согласно данным экспериментальной психосеманти-

ки, цвет в представлениях является формой репрезентации эмоций: ассоциируя с цветом и присваивая цветовые обозначения другому, человек характеризует собственное эмоциональное состояние и оценочно-смысловое отношение, связанные с представлением об этом человеке. Цветовой портрет и автопортрет являются формой визуализации Я-концепции и эмоционально-оценочного отношения к значимому другому, хроматические и ахроматические цветовые обозначения распадаются на полюса положительной и отрицательной оценки [Яньшин, 2001, с. 22–24].

Цветовые обозначения, функционально направленные на моделирование самоидентификации персонажа, можно разделить на две группы:

1) цветовые обозначения в составе перцептуальных и метафорических языковых образов, формирующих портретные характеристики представителей социокультурной группы-объекта самоидентификации персонажа;

2) цветовые обозначения в составе перцептуальных и метафорических языковых образов – деталей топоса, ассоциируемого с той или иной социокультурной группой, значимой для персонажа, согласно авторской интенции.

Данные описания могут быть объединены и систематизированы на основании семантического признака «тон цвета». Цветовые обозначения с семантическим признаком одного тона индексируют и интегрируют сущностные характеристики социокультурных групп, значимых для персонажа (план изображенной коммуникации), и объективируют авторское положительное или отрицательное эмоционально-оценочное отношение к моделируемым в тексте социокультурным реалиям (план реальной коммуникации). Авторская эмоционально-оценочная позиция проявляется и в процессе индивидуально-авторской трансформации традиционной социокультурной символики цветовых обозначений в художественном тексте, что позволяет использовать функционально направленные на моделирование самоидентификации цветовые обозначения в реконструкции индивидуально-личностного компонента картины мира автора.

Проиллюстрировать сформулированные положения поможет текст песни «Man in Black» – протестного антивоенного и социального манифеста, написанного и исполненного в 1971 американским кантри-певцом Джонни Кэшем. Песня – творческое

кредо Кэша, которого называли «Человек в черном» (*Man in Black*) за то, что его концертная одежда всегда была черного цвета. Песня носит то же название:

*Well, you wonder why I always dress in black,
Why you never see bright colors on my back,
And why does my appearance seem to have a somber tone.
Well, there's a reason for the things that I have on.*

[Cash, 2008, p. 151].

Хроматические цветообозначения *black*, *somber*, *darkness* в портретной автохарактеристике лирического героя функционально направлены на моделирование его социальной самоидентификации в несправедливой войне, а именно на отождествление с социально и материально благополучными, но забывшими о милосердии людьми:

*I wear the black for the poor and the beaten down,
Livin' in the hopeless, hungry side of town,
I wear it for the prisoner who has long paid for his crime,
But is there because he's a victim of the time.*

*I wear the black for those who never read,
Or listened to the words that Jesus said,
About the road to happiness through love and charity,
Why, you'd think He's talking straight to you and me.*

*I wear it for the sick and lonely old,
For the reckless ones whose bad trip left them cold,
I wear the black in mournin' for the lives that could have been,
Each week we lose a hundred fine young men.*

[там же, p. 151–152].

Цветообозначения служат окказиональными смысловыми коррелятами следующих сущностных характеристик социальных групп, значимых для персонажа: подавление, лишения, боль, несправедливость, духовная скудость и слепота. Данные смыслы интегрируются эмоциями скорби, гнева и протеста.

black

(1) *the dark colour of coal or night;*

(2) *full of feelings of anger or hate;*

(3) *sad and without hope for the future;*

somber

(1) *sad and serious;*

(2) *dark and without any bright colours* [LEDO].

Цветообозначения черного актуализируют отрицательное эмоционально-оценочное отношение автора к моделируемому социо-политическому устройству современного ему общества. В тексте актуализирован и трансформирован традиционный культурный символизм черного как цвета траура (*I wear the black in mournin' for the lives that could have been*), однако эмоционально-оценочные коннотации, ассоциируемые в сознании персонажа и автора с цветообозначениями черного, не ограничиваются отрицательной направленностью. Черный цвет – это и традиционный цвет облачения священника: лирический герой определяет свою профессию как миссионерское служение, идентифицирует себя с обличителем несправедливости, проповедником и пророком:

*Well, we're doin' mighty fine, I do suppose,
In our streak-a-lightnin' cars and fancy clothes,
But just so we're reminded of the ones who are held back,
Up front there ought 'a be a Man In Black* [там же, p. 151].

Упоминания Христа и ссылка на Евангелие усиливают данную ассоциацию у читателя:

*I wear the black for those who never read,
Or listened to the words that Jesus said.*

...

*And, I wear it for the thousands who have died,
Believen' that the Lord was on their side* [там же, p. 151–152].

Вслед за автором, цветообозначения черного используются лирическим героем для актуализации таких характеристик профессиональной идентичности, как честный и критический взгляд на общество, установка на служение и преобразование.

*Well, there's things that never will be right I know,
And things need changin' everywhere you go,
But 'til we start to make a move to make a few things right,
You'll never see me wear a suit of white.*

*Ah, I'd love to wear a rainbow every day,
And tell the world that everything's OK,
But I'll try to carry off a little darkness on my back,
'Till things are brighter, I'm the Man In Black*

[там же, р. 152].

Положительную оценку перечисленных смыслов закрепляет модальность долженствования формулировки: *Up front there ought 'a be a Man In Black*.

Итак, цветообозначения в художественном тексте могут рассматриваться как языковые средства объективации авторского эмоционально-оценочного отношения к сущностным характеристикам социальных групп – объектов самоидентификации персонажа и как средства опосредованной самоидентификации самого автора.

Список литературы

Гасанова И.М. Языковые средства изображения самоидентификации личности в постколониальном романе XX–XXI вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб., 2005.

Кулагина С.А. Проблема национальной идентичности в прозе А.И. Куприна. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

Молибога Г.Л. Когнитивные основы семантики английских цветообозначений. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2013.

Плахина А.В. Романы Кристофа Рансмайра и своеобразие австрийской прозы 1980-х-1990-х годов. К проблеме национальной идентичности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Симонова Е.Г. Имплицитное цветообозначение в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб., 2000.

Щирова И.А., Гончарова Е.А., Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.

Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2001.

Ярина Е.С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Э. Елинек 1975–1980-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Cash, J. The Man in Black. In D. Batchelor (Ed.) *Colour. Documents of Contemporary Art*. London, Cambridge, 2008. P. 151–152.

Erikson E. H. Identity, youth, and crisis. New York, 1968.

Lewis M., & Feinman, S. (Eds.). *Social influences and socialization in infancy*. New York, 1991.

Marcia J.F. The status of the statuses. In J.F. Marcia, A.S. Waterman, D. Matteson, S.L. Archer, & J. Orifsky (Eds.). *Ego identity*. New York, 1993.

Электронные источники

Новейший философский словарь (НФС). М., 2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/275.php (дата обращения: 20.09.2014).

Longman Dictionary of Contemporary English Online (LEDO) [сайт]. URL: <http://www.ldoonline.com/> (дата обращения: 19.01.2014).

Gusakova Tatiana Germanovna (Saint Petersburg, Russia)

**COLOUR TERMS AS MEANS OF REPRESENTING SOCIAL
SELF-IDENTIFICATION IN FICTION:
RAISING THE ISSUE**

The article clarifies the subject matter\the referent (specifies the meaning) of the term “self-identification” and describes the distinctive characteristics of self-identification modeling in literary texts. Colour terms are discussed as one of the linguistic means employed in the representation of self-identification.

Keywords: literary text, self-identification, identity, colour terms, author's emotive-evaluative attitude

УДК 81.1

С.В. Ионова (Волгоград, Россия)

**ДЕРИВАЦИЯ В СФЕРЕ ТЕКСТОВ:
ОТ КОМИЧЕСКОГО ДО КРИМИНАЛЬНОГО**

Статья посвящена вопросу изучения текстовой деривации, распространенной в современной речевой практике. Продемонстрированы многообразные виды вторичных текстов, которые функционируют в сферах художественной литературы, интернет-коммуникации и юридического общения. Выделяется проблема явного и скрытого авторства вторичных текстов в соответствии с целями создания деривата – эстетической инновацией и реинтерпретацией традиционных текстов, симуляцией чужого текста и пиратским использованием авторских произведений.

Ключевые слова: текстовая деривация, вторичный текст, языковая личность, открытая и скрытая позиция языковой личности, жанр

Жизнь любого текста – в его воспроизведении. Изменяющиеся коммуникативные условия существования тестового произведения становятся стимулом к приращению, расширению, а иногда и преобразованию содержания написанного автором, т.е. порождению его вторичных, деривативных форм.

Эти явления неизбежны. Часто они продиктованы благими намерениями пишущих и отражают объективные явления: наложение сознания интерпретатора на смысловую структуру оригинала, стремление к развитию или обобщению мыслей автора, к воплощению его идей в новой форме, возможно, в большей степени отвечающей требованиям места и времени.

Текстовые дериваты – особое явление в нашей жизни и в лингвистике. Это производные речевые произведения, одни из которых стремятся сохранить как можно более тесную связь со своей производящей основой (близкий к тексту пересказ, списывание, перевод с одного языка на другой, подражание, конспектирование), а другие нацелены на ее творческое развитие (разные виды ремейка: интерпретация, адаптация, пародия, сверхтекст) или отнюдь не творческое искажение (см. явления рерайтинга).

Известно, что человек всегда пристрастно отражает действительность, а внутреннее устройство текста позволяет реализовать этот пристрастный взгляд на мир. В производном тексте данная

закономерность приобретает наиболее зримые черты, позволяющие наблюдать деятельность активного языкового сознания с помощью вербализованных «следов» речетворческого процесса автора текста и его «преемников», создающих тестовые дериваты.

В широком смысле, по выражению В.И. Шаховского, можно говорить о том, что «первичные тексты создаются только богом, и тогда все, что делает человек, – вторично», в то же время «есть и в человеческом мире первичные тексты – прототексты, воссоздаваемые, транслируемые традициями разных культур» [Шаховский, 2006, с. 6–7]. В наш прагматичный век первичными считаются такие речевые образцы, которые может создать любой человек, называющий себя автором. На их основе строятся производные, вторичные тексты разного типа с измененным авторством, под которым понимается физическая замена личности автора или изменение интенции языковой личности при создании производного речевого произведения, т.к. в этом случае появляется новая концепция текста [Майданова, 1994, с. 81].

Текстовый дериват – не просто результат создания связанного целого, это высказывание по поводу способа интерпретации социальной действительности, отраженной в первоисточнике, в соответствии с новой концепцией автора. За каждым текстом могут стоять разные личности, являющиеся его открытыми или скрытыми авторами, составителями, исполнителями. Представим разновидности авторского присутствия в тексте в таблице.

Вторичное речевое произведение в современной лингвистике принято рассматривать в качестве явления самостоятельного, результата интертекстуального соотнесения текста с первоисточником и его функционально-семантической переработки [Арнольд, 2008; Голев, Сайкова, 2001; Ионова, 2006; Майданова, 1994; Щирова, Тураева, 2005 и др.]. Однако не всякий дериват представляет собой самостоятельный текстовый продукт. Не каждый автор, действительно создающий (исполняющий) текст, занимает открытую позицию, и не всякий номинируемый автор является действительным его исполнителем (см. таблицу выше). Открытой является позиция пишущего, объявляемая как имя автора (авторов), скрытая позиция не предполагает названия имени пишущего.

Данные особенности многообразной природы текстовых дериватов позволяют их использовать в разных ситуациях и с раз-

Таблица.
Языковые личности (ЯЛ), стоящие за текстами

Признаки	Особенности проявления ЯЛ в тексте			
Тип ЯЛ	Самостоятельная ЯЛ автора	Несамостоятельная ЯЛ	Вторичная ЯЛ	Симулирующая ЯЛ
Соотношение «ЯЛ–текст»	1 текст – 1 ЯЛ	1 текст – 2 ЯЛ	1 текст – 2 ЯЛ	1 текст – 2 ЯЛ
Виды текстов	первичный и некоторые виды вторичных текстов	составленные тексты; редактуры; тексты, написанные под влиянием иного лица и др.	тексты перевода, переказа, списываемый текст, пародия и др.	продукты плагиата, рерайтинга и др.
Позиция авторов	открытая позиция автора или вторичной ЯЛ	открытая позиция автора и скрытая позиция вторичной ЯЛ	открытая позиция автора и вторичной ЯЛ	открытая позиция автора и скрытая позиция симулируемой ЯЛ
Цель	порождение нового текста	порождение оптимального текста	воспроизведение текста в новых коммуникативных условиях	порождение правдоподобного текста

ными целями. Известно, что вторичные варианты часто бывают более уместными и более приемлемыми формами передачи информации, чем оригиналы (см., например, тексты-примитивы (каталожные формы, оглавления, заглавия, аннотации и др.)). В ряде случаев они существуют наравне с оригиналом как новая форма (жанр) передачи актуального содержания (см. «сложные» речевые конструкты и текстотипические переработки художественных произведений на основе моделирования их жанровых черт [Вербицкая, 2000; Петрова, 2004; Александрова, 2013]). Последние, как известно из истории мировой литературы, часто становятся общеизвестными, самостоятельными литературными текстами, воспринимаемыми в качестве оригинальных речевых произведений.

Деривация в сфере литературных текстов является, возможно, одним из наиболее привычных и принимаемых читателями вторичных явлений и чаще всего выполняет функцию имитации. Имитации создаются с целью «обновления» существующих речевых произведений или достижения комического эффекта. Они характеризуются «стилистической несамостоятельностью» и направленностью «на предмет речи», и «на другое слово, чужую речь» [Вербицкая, 2000, с. 3].

В качестве основных жанров текстов имитаций рассматривают подражания (включая стилизацию), переложения (перифразы), пародии. См., например, известную пародию А. Иванова на пушкинские строки:

Один поэт, не шутки ради,
А так – чтоб выдать пару строк –
Решил писать стихи про дядю –
Он лучше выдумать не мог.

Именно в литературной среде находятся истоки текстотипической имитации, где переработке подвергается исходный текстотип: эпическая поэма, ода, трагедия или рыцарский роман. Данное явление, в частности, находит свое проявление в бурлеске как жанре комического: «Соответствия создают фон для трансформаций, которые, выдвигаясь на первый план комического текста, объективируют оценочное отношение автора к исходному тексту (в пародии) или текстотипу (в бурлеске)» [Александрова, 2013, с. 5].

Данный принцип успешно применяется и к созданию комических произведений на базе иных узнаваемых жанровых форм. Так, известно, что в английской и американской литературе широко распространен спуф (spoof) – пародия на учебно-дидактический и научно-популярный стили изложения. Объектом такой пародии становятся те усредненные представления об истории, литературе, искусстве и даже науке, которые складываются под влиянием популярных и упрощенных учебных текстов [Вербицкая, 2000, с. 19].

Современные писатели-юмористы также активно используют бурлесковые формы. См., например, текст пародии на статью закона, где комический эффект достигается с помощью резко противопоставления между формой документа и разговорно-бытовым стилем изложения:

Статья 1. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства (*Всеобщая декларация прав человека*).

Статья 1. Все нормальные люди рождаются в семье, которой должны и обязаны от рождения. Никто не вправе требовать, чтобы нормальный человек имел разум или совесть. Нормальные люди поступают в отношении друг друга, смотря по отношениям (*Всеобщая декларация прав нормального человека* (<http://www.snarky.com>)).

Подобные речевые произведения становятся все более регулярными деривативными формами текстов в практике сочинительства, языковой игры, карнавализации традиционных смыслов.

Стимулировали развитие новых жанров вторичной литературы возможности предоставляемые Интернетом. См., например, *фанфик-тексты*, создаваемые поклонниками популярных произведений искусства (фан-арта) на основе оригинального произведения с использованием его идеи, сюжета, персонажей. О популярности и распространении данного жанра в Интернете свидетельствует сформировавшаяся система словообразовательных и графических вариантов обозначений подобных речевых произведений: *Fan fiction*, *Fan-fiction*, *фан-проза*, *фан-литература*, *фэн-фикшэн*, *фэн фикшн*, *фанфикшн*, *фэнфик*, *ФФ*, *фик*. Подобные текстовые произведения часто представляют собой пародию, продолжение, предысторию, «альтернативную вселенную» ори-

гинала, а также «кроссоверы» – переплетение сюжетов нескольких произведений в новом речевом продукте [Библиотека фанфикшена, URL].

Следует отметить, что создание текстовых дериватов может быть обусловлено не только эстетическими экспериментами пишущих, их стремлением выступить в роли автора хотя и вторичного, но все же самостоятельного произведения. Нередко дериваты становятся результатом приспособления речевых образцов к потребностям современной жизни, входят в число практических проявлений нашей повседневности. Речь идет прежде всего об утилитарных текстах (по В.Г. Адмони). Так, публикации в СМИ часто представляют собой краткое изложение или адаптацию первичных документов, сообщений, их интерпретацию журналистами, а отнюдь не тестовый оригинал. Распространенным явлением сегодня стало прямое (плагиаторское) заимствование целых текстовых фрагментов в разных коммуникативных сферах, подаваемых под именем нового автора и без указания на имя автора действительного. В связи с развитием техник распознавания плагиата, а также ужесточением российского законодательства в отношении авторского права все большее развитие сегодня получают не прямые формы воспроизведения текстов под чужим именем, обрабатываемые широко применяемыми техниками рерайтинга.

Рерайтинг (англ. *rewriting*) – разуподобление текстов посредством их языковой и стилиевой переработки с целью создания уникального продукта из уже существующего текста. В отличие от авторских вторичных речевых произведений рерайт не несет в себе никакой новизны, не является чем-то концептуально новым, создаваемая уникальная форма содержит уже существующие мысли, идеи и знания автора перерабатываемого оригинала. Список услуг «специалистов» в области рерайтинга включает ряд операций, которые предлагаются любому желающему на множестве сайтов Интернета и сводятся к советам как можно интереснее изложить статью, написанную ранее, изменяя слова и сохраняя смысл материала с оригинала. См. пример:

Оригинал: Яша старательно выводил *Рерайт:* Неровные буквы имени любилончиком каждую корявенькую бимой, заботливо выводимые Яшей на букву имени возлюбленной с высоты стене белого, как снег, здания на уровне 6 этажа на стене белоснежного дома. не шестого этажа, созерцались спасатели. Снизу за его героическим подвигом лями, готовыми ловить храброго героя, наблюдали спасатели, перемещаясь милицией, готовой его «повязать», и, вместе с батутом, милиция и возлюбленная, зеленеющая от злости и стогой, багровеющей от стыда и гнева рающая от стыдобы

По словам организаторов рерайтинга в Интернете, отличие создаваемых рерайт-продуктов от авторских тестов состоит только в том, что в них используются мысли другого автора как инструмент для создания нового продукта. Как показывает приведенный выше пример, предназначенный для начинающих рерайтеров, полученный контент по своей сути – «краденый текст, но он крадется таким образом, что нет никаких доказательств. Следовательно, рерайтинг – это, в той или иной степени, пиратство» [Осьмак, URL].

Создание текстовых дериватов может иметь и юридически значимые последствия. Это, в частности, касается написания текстов анонимных документов, стилизующих черты иной языковой личности. См., фрагменты текста, написанного мужчиной от лица женщины-коллеги:

«В результате моей бездеятельности работа на местах фактически парализована – так как в отчетах нет ничего фактического, только женская логика...»;

«Мне уже 50 лет, у меня много болезней и много других проблем. Личная жизнь также не сложилась. Пора подводить итоги»;

«...Я неоднократно нарушала Присягу прокурорского работника, в связи с чем заслуживаю лишения данного почетного звания и увольнения меня из органов прокуратуры».

Поскольку речевые проявления каждого носителя языка уникальны, то лингвистические и психологические «следы» скрываемого авторства всегда обнаруживаются в симулируемом тексте.

Крайне актуальным и практически значимым является сегодня и вопрос распознавания такого юридически значимого явления, как установление несамостоятельности написания текста заявленным автором, возможного влияния на составление им

документа иного, скрытого лица. «Следы» скрываемого авторства позволяют квалифицировать подобные речевые произведения как текстовые дериваты. См. пример вероятного написания фрагментов текста под диктовку:

По факту изъятия могу пояснить, что сотовый телефон «Nokia 5300», военный билет, сверток из полимерного материала с порошкообразным веществом белого цвета принадлежат мне.

Я употребил наркотическое средство путем вдыхания его органами обоняния, и после этого впал в соответствующее состояние».

Используемые в полном тексте обороты: *порошкообразное вещество белого цвета, путем вдыхания, наркотическое средство, остановка общественного транспорта, полимерный, сверток, пакет с наркотическим средством, вызван для дачи объяснений, в ходе осмотра своей квартиры* и др., – с очевидностью показывают, что они являются клише юридического дискурса и отражают речевой стиль сотрудников правоохранительных органов, которые, вероятно, «стояли за текстом» и влияли на переработку устного или письменного рассказа автора в целях формирования оптимальной формы юридического документа определенного жанра.

Сфера криминального использования текстовых дериватов касается и других ситуаций присвоенного и симулируемого авторства, если эти факты становятся предметом юридического разбирательства.

Таким образом, активно рассматриваемые сегодня образцы вторичных текстов в сфере художественной литературы отнюдь не исчерпывают всего многообразия текстовых дериватов. Представленный в данной статье материал призван проиллюстрировать, насколько многообразны и часто неочевидны текстовые дериваты в нашей речевой практике. Ремейки атакуют читателя, зрителя, ученого, политика, школьника, покупателя. По словам известного автора вторичных поэтических произведений, «мы все живем внутри ремейка» (Д. Быков). В связи с развитием средств электронной коммуникации возможностей для их использования становится все больше.

Поскольку данные процессы неизбежны, то для носителей языка важно научиться распознавать вредоносные формы тек-

стовой деривации, способные оказывать манипулятивное воздействие на сознание. Не менее значимым является и умение создавать качественные вторичные формы, которые в ряде ситуациях устной и письменной коммуникации являются необходимыми и эффективными формами изложения содержания.

Список литературы

Александрова А.А. Категория аппроксимации в имитационных художественных текстах (на материале англоязычных текстов пародии и бурлеска). Дис... канд. филол. наук. СПб., 2013.

Арнольд И.В. Герменевтика эпиграфа // Слово – высказывание – дискурс: межвузовский сб. науч. тр. Самара, 2004. С. 8–15.

Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.

Голев Н.Д., Сайкова Н.В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты. Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 20–27.

Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 81–104.

Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. Иркутск, 2004.

Шаховский В.И. Предисловие // ИONOBA C.B. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография. Волгоград, 2006.

Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб., 2005.

Электронные источники

Библиотека фанфикшена [Электронный ресурс] URL: http://fan-fic.ucoz.ru/index/chto_takoe_fanfik/0-6 (дата обращения: 16.12.2013).

Осьмак А. Дизайн рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://osman.at.ua> (дата обращения: 14.12.2013).

Ionova Svetlana Valentinovna (Volgograd, Russia)

DERIVATION IN THE SPHERE OF TEXTS: FROM COMIC TO CRIMINAL

The paper deals with the study of text derivation which is spread in the speech practice of today. The author demonstrates various types of the secondary texts which function in the fields of fiction, Internet Communication and communication in the sphere of law. The author singles out the problem of obvious and non-obvious authorship of secondary texts according to the aim of making up a derivate: aesthetic innovation as well as re-interpretation of traditional texts, simulation of the text written by another person, and pirate usage of the certain author's literary works.

Keywords: text derivation, secondary text, language person, evident and non-evident position of a language person, genre

УДК 80.0

Э.А. Копылова (Санкт-Петербург, Россия)

КОНЦОВКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА КАК МАРКЕР ЛИТЕРАТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению структуры, сюжета и фабулы художественного текста с позиции идей отечественного формализма, рассмотрению понятия «рамки» художественного произведения, особенностей структуры модернистских и постмодернистских текстов и взаимообусловленности структуры и литературного направления. В статье также рассматривается понятие авторской игры с читателем посредством различных типов концовок произведения.

Ключевые слова: структура художественного текста, кульминация, анти-кульминация, закрытые, открытые и множественные концовки

Понятие текста и текстовой проблематики занимает важное место в современной науке, а их изучение охватывает её самые разные сферы: стилистику, поэтику, нарратологию, герменевтику и пр.

В конце двадцатых годов нашего столетия русская формальная школа на новом витке исторического развития возродила исследование текста. Проблема структуры, сюжета и фабулы художественного текста была тщательно изучена с позиций формализма такими исследователями, как В. Жирмунский, В. Шкловский, Б. Томашевский, Л. Выготский, М. Петровский.

Художественные произведения по Томашевскому, делятся на *фабулярные* и *бесфабулярные* [Томашевский, 1996, с. 179]. К первому типу относятся романы, эпические романы и повести. Под вторым типом подразумеваются описательные произведения: путешествия, хроники, дескриптивная поэзия и т.д. Поскольку большинство художественных произведений относится именно к фабулярному типу (под фабулой имеется в виду некая система или логическая цепочка событий, причем все они взаимосвязаны и взаимообусловлены), представляется целесообразным рассмотреть понятие четкой структуры, присущей подобного рода произведениям.

Структура художественного текста создается путем трансформаций различных уровней произведения во времени и пространстве, т.е. происходит развертывание и преобразование ис-

ходного материала текста посредством авторских нарративных операций.

Композиция произведения всегда являлась предметом творческого интереса поэтов и романистов, но только в новелле, взявшей начало из рассказа, она получила свое чистое развитие. На новеллу можно смотреть как на чистый вид сюжетного произведения, главным предметом которого является формальная обработка фабулы и трансформация ее в поэтический сюжет. Поэзия выработала целый ряд искусных и сложных форм построения и обработки фабулы, и некоторые из писателей четко осознавали роль и значение каждого такого приема. Примером такого осознания являются «кривые» и «прямую» линии художественного повествования Л. Стерна, где прямая служит основной сюжетной линией, главной идеей, а кривые – вспомогательными, т.е. лирическими отступлениями, поясняющими и дополняющими основную идею [Выготский, 1986, с. 185].

В теории драмы известна «Пирамида Фрайтага», разработанная немецким критиком в 1863 году и представляющая собой идеальный план построения произведения. Эта схема, созданная для типичной трагедии из пяти действий, может быть применена ко всем произведениям фабулярного типа, в которых можно выделить пять основных, вытекающих друг из друга действий: возбуждающий момент (завязка), повышение, кульминационный пункт, нисходящее действие и момент последнего напряжения (развязка) [Фрайтаг, 1863, с. 120].

В подобном ключе композиция (структура) повествовательного произведения описывается, например, В. Шкловским и Б. Томашевским. При анализе художественных произведений Шкловский указывает на развертывание повествования по принципу «ступенчатого нарастания мотивов», где кульминационный момент всегда связан с некой коллизией, столкновением разного плана героев [Шкловский, 1929, с. 69]. Как правило, такому столкновению предшествует некая интрига, а по мере развития повествование достигает своей развязки, т.е. всеразрешающего конца, зачастую совпадающего с читательским ожиданием [Томашевский, 1996, с. 180].

При подробном изучении структуры художественного текста мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью рассмотрения «рамок» художественного повествования, обусловленных, как

минимум, четырьмя значимыми факторами: правилом построения художественного произведения, авторской интенцией, жанровой принадлежностью и литературным направлением.

Прежде всего, следует обратиться к самому понятию «рамки» с позиций теории искусства. Нам известны рамки, дополняющие или украшающие картины и фотографии, рамки, обрамляющие действие на сцене и отделяющие зрителей от актеров в театре, рамки музыкального произведения, т.е. вступление и заключение, а также, рамки художественного текста – его начальный и конечный сегменты. В общем смысле, любая рамка обозначает некую границу, отделение мира реального от условного и искусственного. Всякая рамка направлена на акцентирование внимания зрителя (наблюдателя) на то содержание, которое ею обрамляется [Успенский, 1970, с. 185].

В контексте литературного произведения, рамка (начало и конец) позволяет отличить текст художественный от нехудожественного, поскольку, как известно, одними из основополагающих категорий художественного текста являются завершенность, структурированность и отграниченность (по Ю.М. Лотману).

При восприятии текста с точки зрения психологии, в памяти реципиента (адресата) в первую очередь откладывается информация, находящаяся в так называемых сильных позициях текста или сообщения. Сильными позициями именуются как раз начало или *антикульминация* и конец, т.е. *кульминация* [Тарасов, 1990, с. 11–12].

В большинстве случаев начало и конец в художественном произведении строятся по определенной модели в соответствии с его жанровой принадлежностью. Так, например, в эпическом романе концовка характеризуется наличием подробной экспозиционной информации – основные сведения о главном персонаже включают, как правило, сведения о его социальном и семейном положении, также сообщаются детальные сведения о месте и времени действия и т.д.

Однако, несмотря на существование определенных канонов построения произведения, в 20–21 вв. наблюдается тенденция к умышленному отходу от четкой композиции текста, обусловленная появлением новых направлений в литературе и искусстве в целом. Отсутствие четкого начала или конца, нарушающего структурную и логическую завершенность текста, играет роль

своеобразного литературного приема или художественной игры, обращенной к читательскому воображению и способности домысливать прочитанное.

Рассмотрим взаимосвязь и взаимообусловленность литературного направления и его формы на примере конкретных произведений.

Направление модернизма, возникшее в качестве ответной реакции на реализм и рационализм и обусловленное целым рядом кардинальных общественных изменений и значимых событий (научно-технический прогресс, связанный с появлением химии, ядерной физики, квантовой механики и т.д.), появилось на рубеже 19 и 20 вв.

В творчестве писателей-модернистов отразилось присущее им новое художественное мышление, формирующееся под воздействием динамичной многоаспектной действительности. Происходят поиски новых приемов и средств самовыражения, раскрытия своего «я», психологии своих современников. Модернисты передают жизнь по-новому, выступая смелыми экспериментаторами в прозе, поэзии и драматургии [Дубова, Михальская, Трыков, 2004, с. 4].

Ощущение некоей обреченности и катастрофичности происходящего при переходе в новую эпоху, а также крах устоявшихся мировоззрений и идеалов повлекли за собой переосмысление и, в итоге, – иррациональное восприятие окружающего мира. Мир представлялся как бесконечный хаос, враждебный и неподвластный человеческому разуму. В качестве следствия подобного восприятия проявилось целое направление в искусстве, известное под названием декаданса (от лат. *decadentia* – упадок).

Для модернистской литературы характерно перечеркивание классических форм и обращение к кардинально новым формам, отказ от внешнего мира с его условностями и сосредоточенность на мире внутреннем, как это имеет место в стиле «потока сознания» и свойственной ему нечеткой композиции, как правило, не имеющей ни начала, ни конца.

В качестве примера модернистской прозы, рассмотрим рассказ В. Вулф «Monday or Tuesday». При прочтении его первых строк у читателя возникает ощущение того, что перед ним некий фрагмент произведения, большего по размеру, поскольку повествование не имеет четких границ начала и конца:

«Lazy and indifferent, shaking space easily from his wings, knowing his way, the heron passes over the church beneath the sky. White and distant, absorbed in itself, endlessly the sky covers and uncovers, moves and remains. A lake? Blot the shores of it out! A mountain? Oh, perfect – the sun gold on its slopes. Down the falls. Ferns then, or white feathers, for ever and ever –»

Посредством использования настоящего времени, а также вопросов и ответов без четкой грамматической структуры, похожих на простую, повседневную речь, автор добивается эффекта «потока сознания», характеризующегося набором мыслей и слов, зачастую несвязанных логически или грамматически. Последнее предложение завершается знаком тире, выполняющим функцию эллипсиса и указывающим на незавершенность абзаца и мысли.

В последнем абзаце рассказа внимание читателя фокусируется на словосочетании «*lazy and indifferent*»: повествование завершается тем же словосочетанием, с которого оно и начиналось:

«Now to recollect by the fireside on the white square of marble. From ivory depths words shed their blackness, blossom and penetrate. Fallen the book?; in the flame, in the smoke, in the momentary sparks – or now voyaging, the marble square pendant, minarets beneath and the Indian seas, while space rushes blue and stars glint – truth? or now, content with closeness? Lazy and indifferent the heron returns; the sky veils her stars; then bares them.»

Повтор прилагательных *lazy and indifferent*, скорее всего, обусловлен стремлением автора придать тексту видимую завершенность, обрамление «началом» и «концом». Следует отметить, что синтаксически и пунктуационно большинство текстов модернистской литературы являются завершенными, в то время как с точки зрения логики и смысла они сохраняют свою незавершенность. Обратим также внимание на само название рассказа «Monday or Tuesday», которое, за счет разделительного союза *or*, наполняется неопределенностью и размытостью.

Упомянем несколько типов концовок (финалов), известных в теории литературы:

- Закрытые концовки
- Открытые или размытые концовки
- Множественные концовки

Под закрытыми концовками понимается четкий, всеразрешающий конец, легко угадываемый или ожидаемый читателем,

либо, в зависимости от жанра произведения, неожиданный, но единственно возможный финал.

Открытые или размытые концовки свойственны произведениям модернистской и постмодернистской литературы, где отсутствие канонической структуры само по себе является воплощением смысла и авторской концепции.

Множественные концовки, в основном, присущи литературе постмодернистского течения. Форма выносится на первый план, в то время как содержание как бы растворяется в форме и задача читателя состоит в том, чтобы найти скрытые автором ответы на вопросы или придумать свои при отсутствии таковых. Структура постмодернистского текста – бесконечное скитание читателя по лабиринту собственного воображения, стимулируемого автором посредством композиционной игры. Убедительным примером служит произведение Марка Данилевского «House of Leaves», где книга метафорически и в прямом смысле слова являет собой «дом из листьев» или «бумажный дом» и состоит из бесчисленных отрывков текстов, заключенных в геометрические фигуры, которые читаются как вертикально, так и горизонтально, фрагментов песен и фильмов, порванных, недописанных страниц, картинок и пр. Чтение текста производит на читателя эффект блуждания по бесконечному лабиринту, не дающему ни вопросов, ни ответов, ни выхода из него.

Явление постмодернизма возникло в виде своеобразного ответа-протеста модернизму в середине 20 века. На формирование постмодернизма как отдельного направления в искусстве повлиял целый ряд глобальных катастроф и радикальных, впоследствии, перемен, (первая и вторая мировые войны, Великая депрессия, массовое истребление людей в концлагерях, холокост, бомбардировки Токио и Дрездена, и т.д.), в значительной мере сказавшихся на массовом сознании и мировосприятии.

Постмодернизм зарождался в постреволюционную эпоху идеологического и эстетического плюрализма на почве неприятия стандартизации, усредненности, подражательности, маловыразительности, ставших узнаваемыми приметами культурного ландшафта уже к концу 50-х гг. Это неприятие вызвало ответную реакцию – никаких универсальных норм, сплошная относительность. Кроме того, такая реакция стала результатом характерного для 20 в. кризиса прогрессистского мышления, осознания

угрозы самоуничтожения человечества, разочарования в монотрихических идеях, претендующих на универсализм и мировое господство [Киреева, 2004, с. 7].

Постмодернизм в широком смысле – новая ступень в развитии человечества, переход от замкнутости к безграничности, от условности к вседозволенности. Для литературы постмодернизма характерны такие понятия как: игра, сарказм, черный юмор, метапроза, деконструкция, жанровый и стилевой синкретизм, театральность, явление «авторской маски» и «смерти автора».

Что касается концовки, постмодернистский текст, как уже отмечалось выше, зачастую вообще не имеет финала или сплетен из множества концовок. В русской литературе, для иллюстрации, можно сослаться на произведение Макса Фрая «Идеальный роман», постмодернистская оригинальность которого состоит в том, что весь роман «соткан» из окончаний произведений различных направлений и жанров. Читателю, таким образом, не нужно судорожно дожидаться развязки, к тому же, каждый может выбрать окончание на свой вкус. Некоторые авторы прибегают к открытому диалогу с читателем, позволяя ему не только выбрать концовку, но и дописать ее самостоятельно. Примером может послужить роман Дэвида Митчела «Number9Dream». Он представляет собой фантазмагорический водоворот событий, хитроумно переплетенные судьбы героев и незамыкающую композицию с названием «Chapter 9» в конце и с пустыми страницами для каждого читателя; читатель вправе завершить роман так, как ему видится. Отсюда – множественность концовок, возникающих уже за пределами авторского воображения и мысль о том, что писатели – постмодернисты олицетворяют собой величайших экспериментаторов своего времени и в своих творениях неустанно дают ответ на извечный вопрос: Что наша жизнь? – Игра!

Из всего вышесказанного можно сделать несколько выводов:

- Структура художественного произведения выполняет смыслообразующую функцию в произведениях литературных направлений модернизма и постмодернизма;
- Художественная игра автора с читателем осуществляется посредством создания новых форм и структур, стимулирующих читательское воображение и восприятие;
- Открытые и множественные концовки являются маркером произведений модернистской и постмодернистской литературы.

Список литературы

- Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.
 Дубова Л.В., Михальская Н.П., Трыков В.П. Модернизм в зарубежной литературе. М., 2004.
 Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М., 2004.
 Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
 Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990. С. 3-14.
 Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
 Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
 Фрайтаг Г. Техника драмы. Лейпциг, 1863.
 Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929.
 Woolf V. A Haunted house and other short stories. New York. 1944.

Kopylova Eleonora Arsenjevna (Saint Petersburg, Russia)

THE NARRATIVE TEXT ENDING AS A MARKER OF THE LITERARY MOVEMENT

The article deals with the structure, plot and story line of the fictional text from the position of the formalistic theory. The article touches upon the concept of 'frames' of the artwork, the structural peculiarities of modernist and postmodernist texts and deals with interconnection of the structure and the literary movement. Special attention is paid to the concept of the author's 'games with the reader' by means of various types of endings.

Keywords: structure of literary text, climax, anticlimax, closed, open and multiple endings

УДК 811.111'42

А.Е. Малиненко (Донецк, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ЭМОТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ-ОППОЗИЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности вербализации базовых эмотивных концептов-оппозиций. Исследование выполнено на материале англоязычного художественного дискурса. На основании анализа современных подходов уточнена роль базовых эмоций, определен круг базовых концептов. Описаны наиболее частотные средства номинации, выражения и описания эмоций, лежащих в основе таких базовых эмотивных концептов, как *SADNESS, ANGER, FEAR, DISGUST, JOY, INTEREST, SURPRISE*.

Ключевые слова: категория эмотивности, художественный дискурс, базовые эмоции. эмотивные концепты-оппозиции

Одним из приоритетных направлений современной лингвистической науки является изучение проблемы отражения эмоционального мира человека в языке. Эмоции, являясь сложным и противоречивым явлением, определяют внутренний мир индивида. Их языковое воплощение позволяет выявить особенности их представления в различных культурах. В когнитивной лингвистике психологическая категория эмоциональности трансформируется в языковую категорию эмотивности, которая имеет формальное выражение на всех уровнях языка. Изучение объективации эмоциональной сферы человека в художественном дискурсе представляется актуальным, так как текст является источником реконструкции языковой системы, а также её отдельного фрагмента – эмоционального [Семенюк, 1990, с. 37]. Текст является феноменом, который отражает фрагмент языковой картины мира автора.

Проблема определения базовых эмоций широко исследуется психологами Р. Плутчиком, П. Экманом, К. Изардом, Э. Ортони, Т. Тернером и др. В основе выделения базовых эмоций лежат психологические и биологические аспекты. Психологические механизмы возникновения базовых эмоций служат для порождения других более сложных эмоциональных состояний. В нашем исследовании мы берем за основу те эмоции, которые считаются

базовыми у большинства психологов, а именно: печаль, страх, отвращение, гнев, радость, интерес, удивление. Эмоции печали, страха, гнева и отвращения традиционно относим к отрицательным эмоциям, эмоцию радости – к положительным, эмоции интереса и удивления – к амбивалентным, так как они тяготеют или к негативному или к позитивному знаку в зависимости от ситуации, в которой они употребляются.

Объективацию положительной эмотивной лексики в английском, украинском и новогреческом языках изучала Е.С. Сарбаш [Сарбаш, 2008], поле «положительные эмоции» в тексте исследовалось И.Б. Косицыной [Косицына, 2004]. Фразеологизмы с негативным компонентом в английском и украинском языках рассматривается Е.В. Трофимовой [Трофимова, 2011]. Объектом анализа становились полярные эмоции в тексте [Карловская, 2009], была предпринята попытка тематизации эмоций в художественных текстах [Адамчук, 1996], а также выявлены обозначения эмоций в немецкоязычной и русскоязычной художественной прозе в диахроническом аспекте [Баженова, 2004].

По мнению Е.Ю. Мягковой, в английском языке насчитывается 590 лексических единиц, которые называют эмоции. Несмотря на тот факт, что состав и количество эмоций, относимых к базовым, варьируется, базовые эмоции являются универсальными для большинства культур и обычно классифицируются как положительные, отрицательные и нейтральные [Мягкова, 2000, с. 12]. Как показывает практика, иногда сложно однозначно определить знак эмоции. Идея о зыбкости границ между эмоциональными концептами и о возможности перехода эмоций в другие эмоции прослеживается, в частности, в работах В.И. Шаховского и Н.А. Красавского [Шаховский, 2003, Красавский, 2001]. Эмоциональные концепты, вслед за Н.А. Красавским, мы понимаем как ментальные единицы высокого уровня абстракции, отражающие универсальные и этноспецифические знания и представления об эмоциональных переживаниях представителей разных языковых сообществ [Красавский, 2001].

Вербализация концептов осуществляется с помощью эмотивной лексики. Изучение подобной лексики является предметом научного интереса, так как об истинной природе человеческих чувств и эмоций можно узнать благодаря той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, то

есть благодаря слову. Исследование эмотивных лексических единиц позволяет постичь идейный смысл художественного произведения и понять психологию личности в целом. Эмоциональные состояния героев представляют собой особую психологическую реальность, которая отражает внутренний мир персонажей в разных обстоятельствах.

Существует большое количество работ, посвященных проблеме описания особенностей лексики, представляющей эмоции. Так, в своих работах такие ученые, как И.В. Арнольд, В.Н. Михайловская, В.И. Шаховский и др. выделяют пласт лексики, которая выражает эмоции [Арнольд, 1973; Михайловская 1966; Шаховский, 1987]. К лексике, репрезентирующей эмоции, относят междометия и слова-интенсификаторы. Под выражением эмоций понимается их манифестация в речи, сопровождаемая внутренним и внешним переживанием.

Л.Г. Бабенко и О.Е. Филимонова понимают эмотивную лексику как лексику, называющую, описывающую и выражающую эмоции [Бабенко, 1989, Филимонова, 2001]. Некоторые ученые к описывающей эмоции лексике также относят описание жестов, телодвижений, выражения лица, тона голоса и т.п. [Покровская, 1995, Шаховский, 1987].

Ряд эмоций имеют полярную природу. Например, такие пары эмоций как радость и печаль, страх и гнев, интерес и отвращение, презрение и стыд рассматриваются как противоположные. Следует отметить, однако, что такое распределение эмоций к разным знакам полюсов не всегда точно. Противопоставление эмоций не всегда обозначает их взаимоисключение, а может подразумевать их связь друг с другом, а также возможность перехода из одной эмоции в другую. В лингвистической науке предпринимались попытки выделения противоположных концептов эмоций. Так, при исследовании эмоций в оценочном тезаурусе английского языка О.Л. Бессонова выделяет 3 группы концептов-оппозиций, которые обозначают эмоции: 1) эмоции удовольствия-неудовольствия, 2) эмоции одобрения-неодобрения; 3) эмоции любви – нелюбви [Бессонова, 2003, с. 53].

Специфика эмоций заключается в том, что они являются и объектом отражения в языке, и средством отражения самих себя и других объектов действительности, а также то, что их невозможно отделить от отражающего субъекта. В эмоциональных

текстовых ситуациях языковыми средствами описываются, выражаются и обозначаются эмоции, испытываемые субъектами речи [Шаховский, 1987].

В связи с вышеизложенным, когнитивные, психологические и социокультурные характеристики концептов-оппозиций полнее и логичнее исследовать в художественных текстах. Понятие художественного текста многоаспектно, его можно определить как образование, состоящее из набора единиц смысловой информации о взаимоотношении людей, их чувствах, эмоциональных состояниях. Художественный текст можно назвать эмотивным, т.е., вслед за В.И. Шаховским, определить его как «высказывание в пределах одного или более предложений, передающее наряду с фактуальной и эмоциональную информацию /или одну только ее /с помощью как минимум одного эмотивного средства, лингвистического или паралингвистического, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами в данной ситуации» [Шаховский, 1987, с. 28]. Художественный текст воздействует на воображение и чувства читателя, передаёт мысли и чувства автора, использует всё богатство лексики, возможности разных стилей, характеризуется образностью, эмоциональностью речи [Кулибина, 2005, с. 204].

В предлагаемом ниже анализе, вслед за О.Е. Филимоновой, используется термин «эмотивная ситуация», которая определяется как «абстрактный инвариант реальных жизненных ситуаций, в которых субъект испытывает какие-либо чувства» [Филимонова, 2007, с. 73]. Корпусом эмпирического материала для анализа эмотивных ситуаций служат фрагменты текста, для определения которых используется ещё один термин, предложенный О.Е. Филимоновой, – «эмотивный микротекст», поскольку он «содержит указание на размер по сравнению с включающим его текстом и в то же время обладает некоторой смысловой законченностью, роднящей его с целым текстом» [Филимонова, 2007, с. 68].

Материал исследования составили текстовые ситуации, в которых зафиксированы средства, номинирующие, выражающие и описывающие базовые эмотивные концепты – *SADNESS*, *ANGER*, *FEAR*, *DISGUST*, *JOY*, *SURPRISE*, *INTEREST*. Текстовые ситуации были отобраны из рассказов британских писателей XIX–XXI вв.

Объективация эмоций в художественном дискурсе реализуется номинативными, дескриптивными и экспрессивными средствами. Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что средства номинации эмоций, лежащих в основе исследуемых базовых концептов, в основном совпадают. Главным образом, это лексемы-имена концептов, их синонимы, а также другие репрезентанты концептов, выраженные различными частями речи. Например, '*A great terror and joy seized her because of the near presence of her friend*' (O. Stapledon "The seed and the flower" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]). В анализируемом микротексте происходит совмещение противоположных по знаку эмоций – страха и радости. Эмоция страха представлена словосочетанием *a great terror*, называющим ощущение большого ужаса. Лексема *terror* входит в лексико-семантическое поле эмоции страх. Эмоция радости представлена одноименной лексемой концепта *JOY*.

Анализ текстовых ситуаций, в которых вербализируется выражение исследуемых базовых эмоций, показывает, что экспрессия анализируемых концептов объективируется различными средствами для разных эмоций. Для эмоции гнев наиболее характерной является объективация с помощью предиката *to be* и лексики *angry*. В следующем контексте находит выражение эмоция отвращения: '*In about for days after my arrival, when I was already infinitely disgusted with the little Pot-house in which I was forced to stay, and had made up my mind that the people in county Mayo were a churlish set, I sent my horse onto a meet of the fox-hounds, and followed after myself on an open car*' (A. Trollope "Tales of all countries" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]). Эмоция выражается эмотивным сочетанием глагола *to be* и причастия прошедшего времени *disgusted*. Наречие-интенсификатор *infinitely* выступает в роли эмоционального усилителя. Эмоцию выражает главный персонаж рассказа, от имени которого ведется рассказ.

Следует отметить, что объективация таких эмотивных концептов, как *INTEREST* и *SURPRISE* чаще всего реализуется дескриптивными средствами. В ходе анализа было выявлено, что репрезентация описания базовых эмоций по частотности в основном совпадает с вербализацией номинаций эмоций.

Приведём пример описания нескольких эмоций: '*March followed him to the bar parlor with some wonder, and his dim sense of repugnance was not dismissed by the first sight of the innkeeper,*

who was widely different from the genial innkeepers of romance, a bony man, very silent behind a black mustache, but with black, restless eyes' (G.K. Chesterton "The man who knew too much" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]). Эмотивный микротекст репрезентирует дескрипцию совмещенного эмоционального состояния удивления *wonder* и эмоционального отношения отвращения, представленную словосочетанием *dim sense of repugnance*, которое указывает на силу чувства. Также в данном примере очевидно отображение эмоции беспокойства с помощью дескрипции невербального выражения эмоции – глазами – *restless eyes*.

Невербальное отображение эмоций, подразумевающее проксемику, жесты, позы, мимику и т.д. является одним из важных способов реализации категории эмотивности в художественном дискурсе: *'I didn't like that maddened look in her eyes: she was naked, but not in a good way'* (S. Evers "What's in Swindon?" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]). Эмотивный микротекст репрезентирует эмоциональное отношение неприязни к взбешенному взгляду другого персонажа с помощью словосочетания *maddened look in her eyes* (N+adv.): *'Something's not right, I feel...'* *she shivered*. (S. Evers "What's in Swindon?" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]) Лексема *shiver* обозначает *'shake slightly and uncontrollably as a result of being cold, frightened, or excited'* и является выражением эмоции страха, в данном случае перед чем-то неизвестным.

Еще одним способом выражения эмоций в художественном тексте являются лексические единицы, номинирующие признаки невербального общения – темп речи, паузы, смех, плач и т.д.: *'Then, about an hour later, Ms. Lucy, a young waitress from Wellington hired not long before me, came running into the staff room, crying uncontrollably'*. (E. Boman "The Diary of Emma Anderson" [<http://ebooks.adelaide.edu.au.>]).

Лексема *cry* обозначает *'shed tears in distress, pain, or sorrow'* и является репрезентацией эмоции печали.

Таким образом, вербализация эмотивных концептов-оппозиций в художественном дискурсе осуществляется в текстовых ситуациях, содержащих эмоции, с помощью номинативных, дескриптивных и экспрессивных средств и выражает главным образом эмоциональное состояние и эмоциональное отношение. Анализ материала показал, что номинативная плотность таких

концептов, как *ANGER*, *SADNESS*, *FEAR*, вербализуемых номинативными и дескриптивными средствами, превалирует над номинативной плотностью остальных анализируемых концептов. Номинация и дескрипция базовых эмотивных концептов реализуется в контекстах с помощью имен концептов и их синонимов. Чаще всего, экспрессия эмоции реализуется в речи персонажей путем номинации самой эмоции (в основном гнева), что выражено конструкцией *to be* + эмотивное прилагательное. Для концептов *SURPRISE* и *INTEREST* характерной является вербализация дескриптивными средствами. Также, наряду с вербальным выражением эмоций в художественном дискурсе реализуется невербальная коммуникация при помощи номинирования средств проксемики, кинесики, аудизации и фонации.

Список литературы

Адамчук Т.В. Тематизация эмоций в тексте (на материале совр. англ. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1996.

Арнольд И.В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. СПб., 1999. С. 148–158.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: Монография. Свердловск, 1989.

Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний та гендерний аспекти: Дис...докт. філол. наук. К., 2003.

Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте (Прагматический аспект): Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2004.

Карловская В.Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): Дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2009.

Косицына И. Б. Лексико-семантическое поле «положительные эмоции» в английском языке (текстоцентрический подход): Дис. ... канд. филол. наук. М/, 2004.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград, 2001.

Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: Монография. М., 2005.

Михайловская В.Н. Некоторые лексические средства выражения эмоциональности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.

Покровская Я.А. Языковые способы отражения авербальной эмоциональной агрессии в художественном тексте (на материале англ. языка) // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. Волгоград, 1995.

Сарбаш О.С. Семантика позитивної емотивної лексики: лінгвокогнітивний та лексикографічний аспекти: (на матеріалі англ., та новогрец. мов): Дис...канд. філол. наук. Донецьк, 2008.

Семенюк Н.Н. Статус и некоторые проблемы стилистического варьирования: исторический аспект // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 36–51.

Трофімова О.В. Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу: Дис...канд. філол. наук. Донецьк, 2011.

Филимонова О.Е. Эмоциология текста: анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб., 2007.

Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте: Монография. СПб., 2001.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Монография. Воронеж, 1987.

Шаховский В.И. Эмоции и когнициия: концептуализация и лексикализация // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума (Волгоград, 22–24 мая 2003года). Сб. статей. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 305–312.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th Ed. Oxford, 2010.

Электронные источники

Free web books online [Электронный ресурс]: The University of Adelaide. Режим доступа к книгам: <http://ebooks.adelaide.edu.au>.

Malynenko Alexandra Yevghenevna (Donetsk, Ukraine)

VERBALIZATION PECULIARITIES OF BASIC EMOTIVE CONCEPTS-OPPOSITIONS IN THE ENGLISH LITERARY DISCOURSE

The article deals with the verbalization peculiarities of emotive concepts-oppositions. The research is based on the texts of the English literary discourse. The role of basic emotions is specified, reasoning from modern approaches' analysis. The number of basic concepts is defined. The most frequent means of nomination, expression and description that underlie such basic emotive concepts as *SADNESS, ANGER, FEAR, DISGUST, JOY, INTEREST, SURPRISE* are characterized.

Keywords: the category of emotivity, literary discourse, basic emotions, emotive concepts-oppositions

УДК 821.111

Э.В. Седых (Санкт-Петербург, Россия)

СИНТЕЗ ИСКУССТВ В ПОЗДНЕВИКТОРИАНСКОЙ ПОЭТИКЕ

Научная статья посвящена анализу феномена интермедиальности в творчестве английских авторов конца XIX века. Данный феномен исследуется в контексте таких художественных направлений, как символизм и эстетизм. Особое внимание уделяется интерпретации поэтико-живописного дискурса в рамках проблематики синтеза искусств.

Ключевые слова: английская литература, викторианская поэзия, интермедиальность, символизм, эстетика модерна

В конце XIX века в викторианской поэзии, в основе которой лежала категория интермедиальности, имели место символизм и эстетизм. Именно на это время пришлось формирование в Англии детской литературы, которая создавалась в контексте данных литературных течений. Детская литература того времени отличалась по своей стилистике тем, что она была поэтической или сочетала в себе прозу и поэзию. Эту традицию заложил ещё в середине века Эдвард Лир, блестящий мастер поэзии абсурда, создатель лимериков, который также писал пейзажи в лучших традициях прерафаэлитов. Будучи художником, он выпустил поэтическую «Книгу нонсенса», включавшую забавные лимерики с собственными иллюстрациями. Впоследствии он написал и проиллюстрировал свои шуточные поэмы («Сова и кошечка», «Утка и кенгуру»), «Бессмысленные песенки», «Бессмысленный алфавит», «Стишки, чтобы посмеяться». Их героями являются весёлые и милые чудачки, говорящие звери и птицы, одушевлённые вещи. Лир явился создателем жанра абсурдной поэзии. Его светлая, искромётная, жизнеутверждающая поэтика оказала влияние на творчество Л. Кэрролла и Р. Киплинга и на поэзию XX века.

Льюис Кэрролл – псевдоним преподавателя математики, священника, писателя, поэта, иллюстратора и фотографа Чарлза Доджсона, автора сказочных повестей «Алиса в Стране Чудес» (изначально: «Приключения Алисы в подземном царстве») и «Алиса в Зазеркалье», к которым он делал автоиллюстрации

в рукописях. В данных произведениях он использовал метод «вставных текстов»: включение в прозу поэтических высказываний. Юмористические стихи, вошедшие в книги, развивают традиции «поэзии нонсенса», наиболее полно продемонстрированные им в поэме «Охота на Снарка». Его перу принадлежат также элегическая поэма «Одиночество» и сборник «Фантазматория и другие стихи», основанный на взаимодействии слова с другими искусствами: музыкой и фотографией («Меланхолетта», «Гайавата фотографирует»). Следует заметить, что многие стихотворения Кэрролла, как лирические, так и абсурдные, были положены на музыку.

Продолжателем прерафаэлитских традиций стал и Роберт Стивенсон, автор «Острова сокровищ» и других колоритных романов, который писал также стихотворения для детей. В сборнике «Детский цветник стихов» ему удалось взрастить свой собственный моррисовский «сад». Его живописно-музыкальные стихи представляют собой позитивное отражение не всегда солнечного, но счастливого детства («Мои сокровища», «Моя постель – ладья»). Он является представителем «неоромантического» направления в искусстве. В сборнике «Подлесок», прославляя человека, романтику дорог, дружбу и любовь, он противопоставляет их викторианской морали. Поэт создал ряд баллад в стиле народной поэзии, музыкально-поэтической традиции («Вересковый мёд», «Рождество в море»). Он писал музыку, в том числе, и к своим стихам; занимался фотографией и делал зарисовки.

«Прерафаэлитский» синтез искусств оказал влияние и на творчество книжных графиков конца XIX века. Последующий за У. Моррисом глава Общества Искусств и Ремёсел, живописец, дизайнер, иллюстратор Уолтер Крейн явился первым художником, с которым печатник и гравёр Эдмунд Эванс приступил к выпуску первых красочных книжек-картинок (книжки-игрушки). Такие «toy-books» издавались с 1860-х гг. до конца XIX в. Крейн считается сегодня одним из родоначальников детской иллюстрации. Среди книжных иллюстраторов поздневикторианского периода можно назвать Джона Тенниля, Ричарда Дойля, Кейт Гриневей, Рендольфа Кельдекота, Артура Рэкхема, Беатрикс Поттер. Поттер, кроме того, писала сказки о животных и делала к ним автоиллюстрации. Художники-иллюстраторы воплощали в своём творчестве как идеи символизма, так и эстетизма.

Символисты представляли реальность как отражение идей некоего идеального мира, где существовали взаимосвязи между предметами и явлениями. Они воспринимали искусство как эстетическую деятельность, имеющую метафизическую цель: подняться над материальным в духовные сферы, преодолеть внешнюю оболочку формы, проникнуть в суть вещей, в тайну бытия, приобщиться к законам мироздания. Художественное творчество воспринималось ими как эзотерическое занятие, доступное лишь избранным. Поэт и художник виделся им медиумом, умеющим выразить мир «через себя», через чувственно воспринимаемые формы («универсальная аналогия ощущений»). Символизм предполагал свободу творчества, нетерпимость к стереотипам, своеобразию творческой манеры, оригинальность и, самое главное, – взаимодействие разных искусств.

Среди представителей символизма и эстетизма можно выделить, прежде всего, членов «Клуба рифмоплётов»:

– Лайонела Джонсона – символические стихи с романтической символикой («Заповедь молчания», «Сон о былых временах»);

– Эрнеста Даусона – живописные лирические стихи («Апрельская любовь») и «декоративные» поэмы («Картузианцы»);

– Артура Саймонса – драматические монологи (сборник «Дни и ночи») и синестезийная лирика («Как аромат», «В фонтанном дворе»);

– Джона Дэвидсона – музыкально-декоративные поэмы («В концертном зале», «Эклоги Флит Стрит», сборник «Баллады и песни»);

– Джона Грейя – утончённые живописно-декоративные поэмы (сборники «Рисунки серебряным карандашом», «Синий календарь»);

– Ричарда Ле Галлинне – эстетические миниатюры («Тома инфолио»).

Эти поэты стремились возродить лирическую поэзию, выражающую личные человеческие чувства, уйти от морализирования и помпезности. Вместо популярных в викторианской Англии повествовательных поэм они создавали небольшие стихотворения, в которых главное место занимали форма стиха и категории «музыкальное», «живописное», «декоративное». «Рифмоплёты» внесли вклад в создание периодического журнала «Жёлтая книга» (1894–1897), сыгравшего знаковую роль в развитии Эстети-

ческого движения (книга находится в центре повествования в романе О. Уайлда «Портрет Дориана Грея»). Авторы, ассоциируемые с «Жёлтой книгой», выразили в ней свой протест против викторианской концепции искусства, провозгласив культ Красоты, распространяя в Англии идеи французского символизма (Поль Верлен, Стефан Малларме).

Художественным редактором журнала был Обри Бердсли, ставший впоследствии главным художником журнала «Савой». Будучи графиком, он также создавал стихотворения и эссе об искусстве, делал иллюстрации к литературным произведениям. Бердсли является видным представителем Эстетического движения, апологетом стиля модерн в искусстве. На его изобразительную манеру повлияло творчество Морриса и художника-праерафаэлита Бёрн-Джонса. Поэзия Бердсли многожанровая, живописно-декоративна, музыкальна. Он использует различные жанры: балладу («Три музыканта», «Баллада о парикмахере»), сатиру и идиллию («Прогулка в омнибусе», «Дворцы любви»), философскую лирику («Данте в изгнании», «Из слоновой кости»), лимерики (стихотворные комментарии к рисункам).

В творчестве другого представителя эстетизма – художника и писателя Джеймса Уистлера, ярко и своеобразно воплотился принцип синтеза искусств. Его увлекало музыкальное начало в живописи и живописное начало в литературе (картины «Гармония в синем и золотом», «Ноктюрн в синем и сером», «Симфония в белом»; эссе о живописи). Он пытался заниматься одновременно литературой, живописью, дизайном интерьера. Он декорировал дома в японском «литературном» стиле, основываясь на принципе гармонии составных частей (он оформил Павлиню Столовую в частном особняке, гармонирующую с его картиной, помещённой в этой же комнате). В любом виде искусства Уистлер искал стилистическую гармонию, которая подвела его к стилю модерн.

С символизмом связано творчество главы английского эстетизма Оскара Уайлда, развившего теорию «искусство для искусства». Уайлд, всё творчество которого было основано на взаимодействии литературы и живописи, литературы и музыки, утверждал, что смысл жизни – в искусстве, которое является зеркалом, отражающим того, кто в него смотрится. Задачу литературы, как и всякого искусства, Уайлд видел в том, чтобы доставлять удо-

вольствие своими книгами и наслаждаться красотой. Об этом он писал в статьях сборника «Замыслы» («Кисть, перо и отравка», «Критик как художник»), в романе «Портрет Дориана Грея», в живописно-декоративных сказках, стихах и пьесах. Будучи романистом, драматургом, сказочником, художественным критиком, он создавал поэмы и стихи, противопоставляя викторианской культуре культ прекрасного (поэмы «Равенна», «Сфинкс»; сборник «Стихотворения») и эстетскую философию страдания («Баллада Ридингской тюрьмы»). Уайлд воспевал античность и красоту искусства, прославлял поэтов прошлого, декларировал свободу искусства от «морали» не как от этической категории, а в качестве вызова викторианскому ханжеству и показному благочестию.

Уайлд, вслед за Моррисом, создал «декоративно-орнаментальную стилистику», значимыми элементами которой являются лексическая орнаментальность («декоративные словесные узоры»), живописность языка, колористичность, синестезийность, повышенная метафоричность, изысканная образность, визуальность. Уайлду удалось спроецировать декоративно-орнаментальное мышление модерна на повествовательный, художественный материал. Поверхность текста для него – и предметная поверхность, зримо воспринимаемая форма, в организации которой применимы выразительные возможности других искусств. По Уайлду, слово само по себе как самое богатое из изобразительных средств, содержит внутренние потенции музыки, живописи и скульптуры. Особый интерес он проявлял к декоративным искусствам, что привело его к созданию поэтических «декоративных фантазий» (“Le Panneau” – «Панно», “Les Ballons” – «Воздушные шары»). Вслед за прерафаэлитами поэт исповедовал в своём творчестве культ растительных форм, он создал мифо-поэтическую пространственную модель собственного «сада» («От весны до зимы», «Сад Эроса», «Розы и сострадание»).

В Ирландии идеи символизма и эстетизма были подхвачены Уильямом Батлером Йейтсом, писавшим мистические живописные поэмы. Его ранние произведения строятся на образности, сюжетах и символике ирландской мифологии («Странствия Ойзина», «Графиня Кэтлин», «Ветер в камышах»). Традиционные для символистской поэзии образы птиц, волн, ветра ассоциируются здесь с персонажами национальных мифов, в которых поэт

находил не освоенные искусством символы. Мир поэм Йейтса населён таинственными силами – духами холмов и равнин Ирландии, древними богами, вечными голосами, звучащими за гранью обыденности. Ирландская мифология постепенно превращается у него из темы в средство поэтического выражения, метафору и символ, способные передать состояние человеческой души, рассказать о мире.

В фокусе раннего творчества Йейтса находились мифологическая любовь и концепт Вечной Красоты (Мировая Душа). Воплощением красоты для него служил символ розы Уайлда. В произведениях, посвящённых розе – поэтическом сборнике «Роза», поэме «Тайная Роза» – он использовал несколько мифологических значений, связанных с этим цветком: роза как образ вечной красоты, как знак розенкрейцеров, как атрибут богини Исида, как символ Девы Марии, как фольклорное отождествление родины и возлюбленной. За аллегориями и символами его поэзии кроется большая философская глубина. Его стихи необычайно ритмичны, крайне аллитерированы, музыкальны, написаны колоритным разговорным языком, свободным от искусственности.

К концу XIX века относится и неоромантическая поэзия Редьярда Киплинга, воспевающая человеческую волю, стойкость и мужество, созданная в различных «музыкальных» жанрах («Департаментские песни», «Казарменные баллады»). Одно из лучших его стихотворений «Если...» прославляет веру в человека, в сильную личность. По мнению поэта, тот, кто способен вынести все жизненные испытания, оставшись самим собой, достоин быть человеком на земле. Стихи Киплинга приближаются к лексике и интонации разговорной речи. В них чувствуется ритм, близкий к ритму фольклорных произведений: народной баллады и песни. В сборнике рассказов «Сказки просто так» Киплинг реализовал себя одновременно как писатель, поэт и художник. Сказочные прозаические истории включают в себя стихотворения и великолепные графические иллюстрации.

Все поздневикторианские представители символизма и эстетизма стремились к имплицитности, используя возможности не только слова, но и формы, цвета, пластики. Их произведения, обладая визуальностью и мелодичностью, апеллировали к сознанию читателя на уровне ассоциаций, связанных с другими искусствами; являли собой реализацию эстетической концепции

в виде артефакта. Символизм выработал свой художественный язык, основанный на декоративности и таких средствах выразительности, как символ, метафора, аллегория, художественная деталь, ритм, звук, цвет. Структура повествования у символистов соотносится с принципами живописно-музыкального мышления, а поэт становится расшифровщиком тайного языка Вселенной, дарующим миру Красоту.

Sedykh Elina Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

SYNTHESIS OF ARTS IN THE LATE VICTORIAN POETICS

The paper analyzes the phenomenon of intermediality in the works of English authors of the end of the XIX century. This phenomenon is studied in the context of such literary trends as symbolism and aestheticism. Special attention is given to the interpretation of poetic and pictorial discourses within the problems of synthesis of arts.

Keywords: *English literature, Victorian poetry, intermediality, Symbolism, aesthetics of art Nouveau*

УДК 802.0-73

А.О. Тананыхина (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОМ АНЕКДОТЕ

В статье анализируются англоязычные анекдоты, содержащие элементы сказочно-фантазийной картины мира. Приводится типология и отмечаются структурные и языковые особенности англоязычных сказочно-фантазийных анекдотов.

Ключевые слова: *анекдот, сказка, сказочно-фантазийный дискурс, сказочно-фантазийный анекдот*

Сказка относится к одному из самых древних жанров литературы, не теряющих своей актуальности и в наши дни. Сказочно-фантазийный дискурс, который является частью современного англоязычного дискурса, можно встретить в произведениях различных литературных жанров, не имеющих отношения к жанру сказки. Дискурсивное пространство современных англоязычных сказочно-фантазийных текстов разных жанров включает в себя как сказки сами по себе (фольклорные и литературные), так и сказочно-фантазийные любовные романы, сказочно-фантазийные детективы и триллеры. Элементы сказочно-фантазийной картины мира встречаются и в произведениях нехудожественной коммуникации – рекламе, а также сказочно-фантазийных анекдотах.

Анекдот является одной из составляющих юмористического дискурса, который можно рассматривать как текст, “погруженный в ситуацию смехового общения” [Карасик, 2002, с. 363]. Анекдот относится к числу устных видов словесности, он строится по законам жанра фольклорных текстов [там же, с. 371]. По этому признаку анекдот и сказка имеют много общего в своей природе, являются смежными жанрами, именно это дает возможность В.Я. Проппу отнести анекдот к разновидности бытовой сказки: “При более пристальном изучении бытовых сказок о людях можно убедиться, что в фольклоре границы между бытовыми сказками о людях и анекдотами не устанавливаются. Возможно, что они могут быть выделены как особая разновидность таких сказок” [Пропп, 1976, с. 49]. Другие фольклористы, например,

В.Е. Гусев, считают анекдот самостоятельным жанром [Гусев, 1967]. С течением времени жанр анекдота развивается, претерпевает изменения, и поэтому трудно отнести все разновидности анекдота к бытовой сказке, думается, что отнесение анекдота к самостоятельному жанру устного народного творчества является более обоснованным.

Существует множество определений такого явления словесности как «анекдот». Слово, имеющее французские корни, в «Словаре иностранных слов» определяется как “1. рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица или фольклорного героя; 2. краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой” [Словарь иностранных слов, 1988, с. 39]. С точки зрения лингвистики, анекдот определяется как “короткий забавный рассказ” [Карасик, 2002, с. 371], малоформатный текст с неожиданной и остроумной развязкой, обладающий компактностью, лаконичностью и наличием сюжетной линии [Месропова, 1999, с. 8; Ширяева, 2007, с. 7].

Опираясь на работу А.Г. Баранова [Баранов, 1993, с. 4–5], В.И. Карасик приходит к выводу, что анекдот может рассматриваться как идеальная иллюстрация текстового триединства: актуальный текст (текст в ситуации реального общения (фрагмент дискурса), виртуальный текст (записанный текст вне ситуации общения) и текстотип [Карасик, 2002, с. 367]. Текстотип анекдота включает в себя следующие компоненты: зачин, развитие темы анекдота (повествование в реальном историческом времени, описание либо дефиниция), кульминационный момент анекдота, содержательный финал – *punch line*, который должен быть неожиданным и парадоксальным. В.И. Карасик обращает внимание на то, что кульминация в анекдоте, *punch line*, не является коммуникативным финалом, так как предполагается ответная реакция на анекдот [Карасик, 2002, с. 368].

Анекдот является жанром городского фольклора, значимость рассказывания анекдотов в русскоязычной системе речевых жанров чрезвычайно велика. Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев обращают внимание на то, что в русском языке существует специальное обозначение для этого речевого жанра – «анекдот». В других языках, например, во французском, аналогом является *histoire* или *histoire amusante* – «забавная история», в английском языке аналогом слова «анекдот» является слово *joke* – «шутка» [Шме-

лева, Шмелев, 2002, с. 20]. Можно предположить, что во французской и английской традиции устной словесности рассказывание анекдотов не является столь распространенным явлением.

В современном русскоязычном народном анекдоте широко представлены сказочно-фантазийные образы. Персонажи сказок о животных и условно-фантастические образы волшебной сказки являются чрезвычайно популярными и регулярно встречающимися субъектами [Карасёв, 2000, с. 5]. В современном англоязычном народном анекдоте сказочно-фантазийные образы встречаются не так часто. Следует согласиться с Н.С. Соколовой в том, что лингвокультурное пространство помогает раскрыть когнитивную свернутость представленной в анекдоте картины мира и обеспечивает целостность анекдота. Понимание всех заложенных в тексте анекдота смыслов возможно при наличии когнитивной базы и знакомстве с культурным контекстом языковой реальности [Соколова, 2008, с. 5]. Следует признать правоту Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева о том, что во французской или английской системе речевых жанров рассказывание анекдота в меньшей степени специфично и с точки зрения используемых при этом языковых средств [Шмелева, Шмелев, 2002, с. 20]. Видимо, именно этим определяется не слишком большое количество сказочно-фантазийных анекдотов в англоязычной культуре.

Смежность фольклорных жанров, сказки и анекдота, предопределила достаточно частое использование традиционных сказочных зачинов в англоязычных анекдотах: “Once upon a time...”, “Once there was a ...”, например: “Once there was a millionaire, who collected live alligators...” или: “There was a boy who worked in the produce section of a super market...” и т.п.

Поскольку, как отмечают исследователи, анекдот является емким, пластичным жанром, способным изменяться под влиянием времени [Бородин, 2001, с. 6, Карасёв, 2000, с. 20], в англоязычной словесности в последнее время все чаще появляются анекдоты, содержащие сказочно-фантазийные образы. Довольно много сказочно-фантазийных анекдотов, применяя классификацию Н.С. Соколовой, можно отнести к смешанному структурному типу «анекдотов-загадок» и «анекдотов-пародий» [Соколова, 2008, с. 6]. Анекдот-загадка строится по примеру вопроса и ответа, например: “Q: What do mermaids have on toast? A: *Mermerlade*”. Ответ-пародия строится по аналогии со стандарт-

ным текстом, привычным для кулинарного рецепта – на тост намазывается джем, но в слове-ответе используется языковая игра, каламбур – в слове marmalade меняются буквы и сходное по звучанию слово приобретает смысл некой субстанции, сделанной из русалок. В приведенном примере сигматика анекдота заключается в обыгрывании его звуковой стороны. В анекдоте омонимия – один из ключевых приемов. Следует согласиться с мнением Е. Курганова о том, что именно фактор омонимии используется в анекдоте с максимальной интенсивностью и высокой результативностью [Курганов, 2001, с. 173]. В следующем анекдоте-загадке обыгрывается звуковое совпадение, каламбур, заключающийся в том, что многозначное слово ball обозначает и мяч, и бал: “Q: Why was Cinderella thrown off basketball team? A: Because she ran away from the ball!”

Следующий анекдот представляет собой текст-нарратив и диалог, при этом кульминация, *punch line*, заключается в последней реплике: “A man was walking along a California beach and stumbled upon an old lamp. He picked it up and rubbed it and out popped a genie. The genie said «OK. OK. You released me from the lamp, blah, blah, blah. This is the 4th time this month and I’m getting a little sick of these wishes so you can forget about three. You only get one wish! The man sat and thought about it for a while and said, «I’ve always wanted to go to Hawaii, but I’m scared to fly and I get very seasick. Could you build me a bridge to Hawaii so I can drive over there to visit?» The genie laughed and said, «That’s impossible! Think of the logistics of that! How would the supports ever reach the bottom of the Pacific? Think of how much concrete... how much steel!! No, think of another wish!» The man said OK and tried to think of a really good wish. Finally, he said, «I’ve been married and divorced four times. My wives always said that I don’t care and that I’m insensitive. So, I wish that I could understand women... know how they feel inside and what they’re thinking when they give me the silent treatment... know why they’re crying, know what they really want when they say, 'nothing’... know how to make them truly happy... “The genie said, «You want that bridge with two lanes or four?» В этом анекдоте комический эффект достигается тем, что совершенно абсурдная идея о строительстве моста на Гавайи является более реальной для джина, чем постижение и объяснение природы женщины.

Таким образом, существует большое количество классификаций анекдотов по различным признакам, в частности анекдоты могут быть классифицированы тематически, в частности, может быть выделена группа анекдотов, репрезентирующих сказочно-фантазийную картину мира. В английской системе речевых жанров рассказывание анекдота в меньшей степени специфично, по сравнению с русской традицией, в том числе и с точки зрения используемых языковых средств. Именно этим определяется, несмотря на большую популярность сказочных текстов в современной культуре, сравнительно небольшое количество сказочно-фантазийных анекдотов в англоязычном дискурсе. Среди англоязычных сказочно-фантазийных анекдотов преобладают анекдоты-повествования или анекдоты-нарративы с короткими диалогами остроумного содержания. Значительная часть англоязычных сказочно-фантазийных анекдотов относится к смешанному структурному типу «анекдотов-загадок» и «анекдотов-пародий», в которых активно используются омоформы.

Список литературы

- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1993.
- Бородин П.А. Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.
- Карасёв И.Е. Трансформация классических образов сказок о животных и волшебных сказок в современном народном анекдоте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2000.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб., 2001.
- Месропова О.М. Структурные, прагматические и содержательные аспекты текстотипов «анекдот» и «шутка». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
- Словарь иностранных слов. М., 1988.

Соколова Н.С. Лингвокогнитивный анализ текстов типа «joke» (на материале англоязычного юмора). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

Ширяева Н.В. Лингвокогнитивная репрезентация категории комического в немецком языке: на материале типа текста «анекдот». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002.

Tananykhina Alla Olegovna (Saint Petersburg, Russia)

ISSUES OF ENGLISH FAIRY-TALE JOKES

The article focuses on the English jokes with the components of the “fairy-tale picture of the world”. The typology of the fairy-tale jokes is given and the structural peculiarities and linguistic peculiarities of the English fairy-tale jokes are analyzed.

Keywords: joke, fairy tale, fairy-tale discourse, fairy-tale joke

УДК 81.0

М.А. Тимонина (Санкт-Петербург, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТОМАСА ДЕ КВИНСИ “CONFESSIONS OF AN ENGLISH OPIUM-EATER”

Статья посвящена особенностям моделирования измененных состояний сознания в текстах психоделической литературы. Понятие измененных состояний сознания включается в контекст более широкого понятия языковой личности. Выявляется специфика языковой личности, находящейся в измененном состоянии сознания под влиянием наркотических средств, и анализируются средства её изображения в художественном тексте.

Ключевые слова: антропоцентризм, измененные состояния сознания, языковая личность, психоделическая литература

Антропоориентированность современного научного знания определяет актуальность изучения языковых средств художественного моделирования квазисубъекта-персонажа и приписываемых ему автором внутренних процессов [Щирова, 2000]. Важной, но мало исследованной составляющей описания языковой личности в художественном тексте выступает анализ измененных состояний сознания (здесь и далее ИСС).

Согласно теории ИСС, помимо обычного (нормального, разумного, естественного) состояния сознания, представляющего собой его особый тип, существуют изменённые состояния сознания. При обычном состоянии сознания поведение человека автоматизировано и алгоритмизировано, задано социальными программами и генетическим потенциалом [Козлов, 2005, с. 23]. ИСС возникают при воздействии на личность человека, пребывающего в обычном состоянии сознания, аффектогенных ситуаций, когда внешние обстоятельства становятся угрозой ведущим жизненным ценностям человека. Причинами ИСС могут служить длительная изоляция, интоксикация или стресс [Петренко, Кучеренко, 2006, с. 16]. А. Людвиг определяет ИСС как любые психические состояния, вызванные физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами и распознающиеся самим человеком как достаточно выраженные отклонения от его общего нормального состояния [Ludwig, 1969, p. 9].

ИСС, вызванные приемом наркотических средств, формируют объект описания психоделической литературы, к которой относится и автобиографическое произведение Томаса де Квинси (1785–1859) “Confessions of an English opium-eater” («Исповедь англичанина, употребляющего опиум»). Согласно признаниям де Квинси, опиум, использовавшийся во времена жизни писателя в качестве болеутоляющего средства, помогал ему, созерцавшему своё и чужое несчастье, справляться с недомоганием в дни лондонского бродяжничества. С 1813 года де Квинси превращается в «раба коварного зелья» и впоследствии не раз упоминает об этой пагубной привычке в своём творчестве («slavery», «captivity», «chain»). Из-за пристрастия к опиуму положение его семьи становится безысходным; Квинси осаждают кредиторы, его попытка издавать местную газету оказывается неудачной, и в 1821 году, гонимый страхом голода и тревогой за семью, писатель с лихорадочной быстротой создаёт «странное», «беспрецедентное» произведение, которое он публикует в журнале «The London Magazine» [Дьяконова, 2000]. Роман «Confessions of an English opium-eater» – одно из первых произведений, описывающих изменённые состояния сознания – грёзы, видения и галлюцинации, порождаемые употреблением опиума, поражает публику красотой слога.

Исследованиями ИСС занимаются представители разных наук. В качестве возможного направления исследования этой проблемы с лингвистических позиций целесообразно назвать описание изменений особенностей речи, которые сопровождают изменение состояния сознания реального субъекта и закономерно воспроизводятся в его художественной модели. Д.Л.Спивак, работавший с теми, кто испытывал ИСС в реальной действительности, выделяет типичные для них речевые особенности: на фонетическом уровне – изменение темпа речи; на лексическом уровне – возрастание числа языковых «штампов» и фразеологических оборотов; на морфологическом уровне – повышение вероятности ошибок и аграмматизмов; на синтаксическом уровне – преобладание сегментированных, неполных и эллиптических предложений [Спивак, 1998, с. 13–14]. Перечисленные особенности речи находят отражение в художественном тексте, моделирующем реальную действительность. Следует заметить, однако, что подобная модель не является копией действительности. Создавая литера-

турный текст, автор не просто копирует окружающий мир, а выбирает, перераспределяет, видоизменяет его элементы силой творческого воображения [Щирова, 2013, с. 102]. Кроме того, на описание языковой личности персонажа, находящегося в состоянии ИСС, влияют, например, индивидуально-авторский стиль и время создания произведения. Так, в текстах современной психоделической прозы, не ставящей жестких рамок по использованию жаргонной и даже ненормативной лексики (Ср., например, романы Ирвина Уэлша «Trainspotting» (1993 г.) и «Filth» (1998г.)), были обнаружены все, выделенные Д.Л. Спиваком и упомянутые выше речевые проявления ИСС. В то же время, в романе Томаса де Квинси, который принадлежит первой половине XIX века, нецензурные выражения и грамматические ошибки отмечены не были.

В качестве ещё одного возможного направления исследования рассматриваемой научной проблемы можно назвать описание лингвистических особенностей художественного моделирования ИСС в контексте понятия «языковая личность». Целью такого описания может выступить установление корреляции между изображаемыми в тексте мотивациями, особенностями мировосприятия и спецификой их вербализации (речью). Иными словами, анализ речевого поведения персонажа, пребывающего в ИСС, может позволить сделать выводы о тезаурусе его языковой личности, представлениях и интересах, потребностях, мотивах и целях. Лингвистическая составляющая языковой личности позволит сделать вывод о ее когнитивном и мотивационном уровне [Щирова, 2013, с. 52].

Обратимся к трем фрагментам из психоделического романа Томаса де Квинси.

Пример 1

*I have often been asked how I first came to be a regular opium-eater, and have suffered, very unjustly, in the opinion of my acquaintance from being reputed to have brought upon myself all the sufferings which I shall have to record, by a long course of indulgence in this practice purely for the sake of creating an **artificial state of pleasurable excitement**. True it is that for nearly ten years I did occasionally take opium for the sake of the **exquisite pleasure** it gave me; but so long as I took it with this view I was effectually protected from all material bad consequences by the necessity of*

interposing long intervals between the several acts of indulgence, in order to renew the pleasurable sensations [Thomas de Quincey, 1994, p.8].

Пример 2

...all other changes in my dreams, were accompanied by deep-seated anxiety and gloomy melancholy, such as are wholly incommunicable by words. I seemed every night to descend – not metaphorically, but literally to descend – into chasms and sunless abysses, depths below depths, from which it seemed hopeless that I could ever re-ascend. Nor did I, by waking, feel that I had re-ascended. This I do not dwell upon; because the state of gloom which attended these gorgeous spectacles, amounting at least to utter darkness, as of some suicidal despondency, cannot be approached by words [Thomas de Quincey, 1994, p. 6].

Пример 3

But I took it – and in an hour – oh, heavens! what a revulsion! what an upheaving, from its lowest depths, of inner spirit! what an apocalypse of the world within me! That my pains had vanished was now a trifle in my eyes: this negative effect was swallowed up in the immensity of those positive effects which had opened before me—in the abyss of divine enjoyment thus suddenly revealed. Here was a panacea, a [Greek text] for all human woes; here was the secret of happiness, about which philosophers had disputed for so many ages, at once discovered: happiness might now be bought for a penny, and carried in the waistcoat pocket; portable ecstasies might be had corked up in a pint bottle, and peace of mind could be sent down in gallons by the mail-coach [Thomas de Quincey, 1994, p. 40–41].

Как показывает анализ представленного выше языкового материала, в речевом сегменте протагониста, находящегося в ИСС, содержатся многочисленные повторы: на синтаксическом, лексическом уровне (Пример 1) и на фонетическом уровне (Пример 2). Все они принадлежат вербально-семантическому уровню изображаемой языковой личности, но позволяют сделать вывод об особенностях её мировосприятия и мотивациях.

Так, неоднократный повтор существительного **pleasure** и его производных (Ср. *an artificial state of pleasurable excitement; the exquisite pleasure, the pleasurable sensations*), включенный в описание протагонистом действия опиума, свидетельствует о том, что это действие ассоциируется в его сознании с наслаждением и удовольствием, во многом объясняя пристрастие к наркотику. По-

вторная номинация фокусирует внимание читателя на единицах текста, называющих и описывающих восторженные ощущения, доминирующие в мировосприятии героя. Ту же функциональную направленность имеет лексика с положительным коннотативным значением (*excitement, positive effects, divine enjoyment, happiness*) и цепочка восклицательных предложений, указывающих на степень переживаемого эмоционального подъема. (*oh, heavens! what a revulsion! what an upheaving, from its lowest depths, of inner spirit! what an apocalypse of the world within me!*).

Вместе с тем, эмоциональное состояние героя неустойчиво. Так, градация, повторы (*chasms and sunless abysses; depths below depths*) и аллитерация (*by deep-seated anxiety, descend, depths, darkness, despondency*) некоторых лексических единиц, задавая особый ритм повествования, указывают читателю на иной – депрессивный мир изображенного сознания.

Вывод о нестабильном эмоциональном состоянии протагониста позволяют сделать лексемы, противоположной оценочной и эмоциональной направленности (*pleasurable excitement (+), pleasurable sensations (+), divine enjoyment (+), happiness (+), deep-seated anxiety (-) vs. gloomy melancholy (-), hopeless (-), suicidal despondency (-)*). Каждая из двух групп лексических единиц, обладающих общим семантическим признаком, противоположна другой группе. «Оппозитивные смысловые зависимости», формирующиеся на основе противоположных оценочных полюсов «хорошо – плохо» и являющиеся одним из средств выражения мирооценки персонажа [Щирова, 2013, с. 190], свидетельствуют об изображаемом внутриличностном конфликте. Радость, которую приносит прием наркотика персонажу, противопоставляется чувству его глубокой опустошенности от невозможности освободиться от пагубной привычки – наркотической зависимости. Именно к этой зависимости приводят протагониста романа Томаса де Квинси его поиски удовольствия и желание забыться:

<...> for ten years, during which I took opium at intervals, the day succeeding to that on which I allowed myself this luxury was always a day of unusually good spirits [De Quincey, 1994, p. 45].

Как видим, языковая личность наркозависимого персонажа характеризуется психологической опустошенностью, подавленностью воли и внутренней противоречивостью, которые находят подтверждение в её лингвистической составляющей.

Список литературы

Дьяконова Н.Я. Томас де Квинси – повествователь, эссеист, критик [Электронный ресурс]. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 2000. URL: <http://lib.ru/INPROZ/KWINSI/dekwinsy.txt> (дата обращения: 12.01.2014).

Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. Методы и техники. М., 2005.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Вяльба А. П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. М., 2006. С. 16–28.

Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1998.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб., 2000.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.

De Quincey Th. Confessions of an English Opium Eater. Ware, 1994.

Ludwig A.W. Altered states of consciousness // Altered states of consciousness: A book of reading. N.Y., 1969.

Timonina Maria Alexandrovna (Saint Petersburg, Russia)

**ACTUALIZATION OF ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS
IN “CONFESSIONS OF AN ENGLISH OPIUM-EATER”
BY THOMAS DE QUINCEY**

The article deals with the main features of altered states of consciousness in the texts of psychedelic literature. The notion of altered states of consciousness is included into a wider context of language personality. Special consideration is given to the exploration of the language personality experiencing ASC under the influence of drugs. Particular attention is paid to the stylistic devices featuring this kind of language personality in a fictional text.

Keywords: anthropocentrism, altered states of consciousness, language personality, psychedelic literature

УДК 81.111

З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ИГРОВОЙ
МОДАЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

В статье высказывается гипотеза о существовании так называемой игровой модальности художественного текста как неотъемлемого свойства текстовой модальности. Игровая модальность представляет собой объективное выражение в художественном тексте авторской оценки фикциональной действительности. Языковая игра рассматривается как один из способов выражения игровой модальности.

Ключевые слова: текстовая модальность, игровая текстовая модальность, имплицитность, языковая игра, стратегия моделирования «гипертекста»

Языковая игра рассматривается как «определенный тип речевого поведения говорящих, апеллирующий к чувству эстетического восприятия (эстетической оценки) неканонического употребления языковых единиц» [Гридина, 1996, с. 4], при этом «высвечивание стереотипа в новом ассоциативном контексте слова, сам процесс его опознания создает игровую ситуацию, дает работу творческому воображению как писателя, так и читателя» [Гридина, 1996, с. 13].

Г.Ф. Рахимкулова, занимающаяся разработкой теории «игрового текста», а также таких понятий, как «игровая поэтика» и «игровая стилистика», полагает, что главным параметром игрового стиля является установка на языковую игру [Рахимкулова, 2001, с. 333–334]. Исследователь трактует в данном контексте понятие «языковая игра» как совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, целью которых является получение «квалифицированным» (посвященным) читателем – эрудитом эстетического удовлетворения от построенного на игровых взаимоотношениях с ним текста [там же, с. 334]. Не разделяя точку зрения Г.Ф. Рахимкуловой на правомерность выделения чисто «игровых» художественных текстов, что подразумевает существование неигровых текстов, можно согласиться, что «языковая игра...предполагает предельную чувствительность читателя к различного рода языковым трюкам, отстроенным на игру аспек-

там текста, с которыми он, по существу, вступает в диалогические отношения» [там же, с. 334].

На наш взгляд, следует говорить не об оппозиции игровые/неигровые художественные тексты, а о повышении «коэффициента» игровой модальности некоторых художественных текстов, экспликации в них игрового модуса, изначально присутствующего семантике художественного текста и представляющего собой особый признак категории модальности. И.Р. Гальперин, который одним из первых предложил разграничивать фразовую и текстовую модальности, отмечает, что «модальность художественного текста пронизывает все его части и что коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин – индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно – фактуальной и содержательно-концептуальной информации» [там же, с. 118]. М.В. Вербицкая под модальностью художественного текста понимает «объективное выражение авторской оценки описываемого в языковой, словесной ткани произведения, его тематике, композиции, системе образов, ритмической организации, выборе и сочетании слов» [Вербицкая, 2000, с. 22]. З.Я. Тураева указывает на важные особенности текстовой модальности в сравнении с модальностью высказывания, относя к ним *имплицитность* и потенциальную *полимодальность* [Тураева, 1990, с. 96–97]. Игровая модальность как неотъемлемая составляющая модальности художественного текста неразрывно связана с авторской оценкой так называемого «фикционального парадокса»: автор, осуществляющий «притворную референцию», может предложить читателям трактовать «вымышленную историю как расширение наших знаний о том, что существует на самом деле» [Серль, 1999, с. 45]. Тогда читатели, благодаря избранной автором коммуникативно-творческой стратегии, предполагающей среди прочего определенность дейктического модуса текста [Дымарский, 1999, с. 243], смогут воспринимать фиктивные события в режиме «как бы жизнь», на время «отменяя недоверие» и участвуя с автором в «кооперативной игре воображения» [Льюиз, 1999, с. 63]. В данном случае можно говорить об *имплицитности* игрового модуса художественного текста, прежде всего об имплицитности онтологической/эпистемической [Никитин, 2000, с. 8] авторской оценки фикциональной действительности, выражающейся, в том

числе, в отказе от «абсолютизации действительного при определении истинности» [Щирова, 2013, с. 133] и в моделировании автономного и внутренне непротиворечивого возможного мира. Любопытно в этой связи отметить, что в современной философии делаются попытки рассмотрения игровой модальности как вида алетической модальности, основным модальным оператором в которой выступает «как бы» [Костецкий, 2002, с. 30].

Очевидно, что категории текстовой модальности и оценки неразрывно связаны, причем иногда оценочность рассматривается как «составная часть или вид модальности» [Приходько, 2004, с. 49], иногда категория оценки выделяется в качестве одной из глобальных текстовых категорий [Папина, 2002]. Оценка, как справедливо пишет М.В. Никитин, «занимает центральное место и играет структурообразующую роль в области ментальной прагматики – интуитивной аксиологии сознания, но и выходит за ее пределы – в область интуитивной когниции, проявляясь как ориентировочная когнитивная оценка и когнитивные оценочные значения» [Никитин, 2000, с. 9]. Несмотря на очевидную сложность разграничения различных видов авторской оценки, объективируемых в художественном тексте, можно предположить, что возрастание коэффициента игровой модальности может также обуславливаться эксплицитностью аксиологической авторской оценки, выражаемой, в том числе, при помощи различных видов языковой игры, обладающих несомненным оценочным потенциалом [Гридина, 2011]. Разнообразные механизмы языковой игры «группируются, образуя магнитное поле» [Гальперин, 1981, с. 119] и передавая индивидуально-авторское игровое отношение к фикциональной действительности, являя читателям то иронический «лик», то пародийную маску, то образ комика-трикстера. Игровой эмоциональный настрой, «чувства напряжения и радости» [Хейзинга, 1997, с. 45], сопровождающие любую игровую деятельность и связанные, в данном случае, с процессами загадывания и разгадывания увлекательных языковых задач, являются важными составляющими игровой модальности и указывают на ее связь с текстовыми категориями напряженности и эмотивности (о связи категории эмотивности и игры см. [Филимонова, 200, с. 154–155]).

Как указывает И.Р. Гальперин, «создавая воображаемый мир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру»

[Гальперин, 1981, с. 123], при этом коэффициент модальности связан с личностью автора, его мировоззрением, художественным кредо, а также с жанром художественного произведения [там же, с. 122].

Во многих постмодернистских произведениях авторская прагматическая установка на рефлексивную и/или комбинаторную игру [Чемодурова, 2013] обуславливает выбор разнообразных прагмасемантических стратегий, моделирование неклассического повествования и ведет к эксплицитному выражению игрового модуса в семантике художественного текста. При этом коэффициент игровой модальности может значительно возрастать как благодаря обнажению «притворности» акта референции, так и в связи с массивным введением в текст различных приемов комического.

В качестве примера текста, выявляющего высокий коэффициент игровой модальности, рассмотрим рассказ выдающейся британской писательницы Анджелы Картер “A Victorian Fable (with Glossary)” (1966), в котором установка на комбинаторную авторскую игру реализуется при помощи стратегии моделирования «гипертекста», а также благодаря широкомасштабному применению языковой игры. С. Рущди описывает данный рассказ как «экстраординарный текст наполовину – Jabberwocky, наполовину – Pale Fire» [Rushdie, 1996, p. xvi], справедливо отмечая сходство творческой стратегии Картер с виртуозными языковыми экспериментами Льюиса Кэрролла и Владимира Набокова. Рассказ А. Картер представляет собой «полистилистическое» произведение, включающее краткое (две страницы) повествование, полностью зашифрованное при помощи сленга викторианской эпохи, в том числе и так называемого «рифмованного сленга» (rhyming slang). Согласно некоторым источникам, «рифмованный сленг», или прием рифмованного эха [Жаргаполова, 2007, с. 218], возник в сороковые годы девятнадцатого века и использовался изначально самыми низшими слоями лондонского населения (отсюда и другое его название: “cockney rhyming slang”) [<http://www.victorianweb.org/history/slang1.html>]. Вторая часть рассказа – это глоссарий, объясняющий значения слов, их происхождение и значительно превышающий по объему само повествование.

Игровая форма подзаголовка, вводящего пространственно-временные параметры фикционального мира рассказа, является

маркером реализации *стратегии моделирования гипертекста*, предполагающей наличие формального выбора способа чтения: читатели могут ознакомиться с закодированным текстом рассказа, попытавшись сначала отгадать общий смысл повествования. При этом данная стратегия чтения предполагает актуализацию креативного потенциала языковой игры, в духе Л. Кэрролла и его знаменитых стихов в жанре нонсенса, уже многие десятилетия развлекающих читателей и стимулирующих их творческие способности. Другим, альтернативным способом прочтения рассказа может стать постоянное обращение к глоссарию, помогающему в декодировании смысла повествования, представляющему собой иронический комментарий к лингвистической и социально-исторической ситуации викторианского Лондона и своей псевдонаучной манерой напоминаящему читателям о комментарии Кинбота к поэме Шейда у Набокова. Глоссарий занимает почти девять страниц, что значительно превышает комментируемый текст (как, впрочем, и комментарии Кинбота в «Бледном огне» Набокова).

Приведем пример из рассказа:

The Village, take a fright.

In the rookeries [Carter, 1996, p. 18].

Пояснение примера в глоссарии:

Village, the

London

take a fright

night (rhyming slang)

rookeries

a slow neighbourhood inhabited by dirty Irish and thieves [Carter, 1996, p. 20].

Таким образом, с самого начала повествования читатели вовлекаются в игровую «стихию» рассказа, сталкиваясь с необходимостью расшифровки закодированного текста, то есть участия в интеллектуальной игре, предлагаемой автором, которая сопровождается коммуникативно-познавательным, эмоциональным напряжением. А. Картер искусно использует широкий репертуар комических средств, забавляя и развлекая читателей то ироническим «подмигиванием», то пародийной игрой с набоковским интекстом (образ безумного ученого – комментатора), то явной абсурдностью сюжета. События в рассказе под названием “A Victorian Fable” развиваются поздним вечером в лондонской трущобе 19-го века. Прodelав довольно скрупулезную работу по сопоставлению зашифрованного текста с глоссарием, предполага-

ющую постоянный переход от основного текста к его метатекстовой части, что, безусловно, сказывается на системах сюжетного и читательского времени, читатели могут восстановить основную довольно незамысловатую сюжетную линию рассказа. В рассказе повествование ведется об одном из обитателей лондонского дна, который, побывав в игральном притоне и не расплатившись там за проигрыш, возвращается к своей сожительнице, напивается, сильно ее избивает и уходит в публичный дом. Написанный в 60-е годы двадцатого века рассказ, построенный на игре с различными формами сленга, отражает возрастающий интерес англоязычных сообществ к различным видам вербальных игр, в том числе и к рифмованному сленгу кокни, зародившемуся в викторианскую эпоху. Как отмечает И.А. Каргаполова, в англоязычных сообществах рекреационные вербальные игры (письменные и устные) имеют давнюю традицию, которая всячески поддерживается и постоянно обновляется [Каргаполова, 2007, с. 218]. Анжела Картер воскрешает давно забытые слова, воссоздавая атмосферу повседневной жизни лондонского дна в Англии периода правления Виктории, исторического периода, который спустя сто лет стал вызывать огромный интерес у историков, культурологов и писателей:

She had faked the rubber for her mendozy and got him up an out and out glorious sinner. There was an alderman in chains, a Ben Flake, a neddy of Sharp's Alley blood worms, with Irish apricots, Joe Savage and storrac [Carter, 1996, p. 18].

В приведенном выше последнем примере из рассказа А. Картер использование языковой игры предполагает вовлечение читателя в распутывание загаданных рифмованных головоломок. Глоссарий содержит ряд подсказок:

<i>glorious sinner</i>	<i>dinner (rhyming slang)</i>
<i>alderman in chains, an</i>	<i>a turkey hung with sausages</i>
<i>Ben Flake, a</i>	<i>a steak (rhyming slang)</i>

[Carter, 1996, p. 22–23].

Осуществляя фрагментацию повествования и моделируя глоссарий как псевдонаучный метатекст, Анжела Картер искусно поддерживает в читателях убеждение в его серьезном, объективном характере, обнажая игровую природу комментария лишь в самом конце рассказа и актуализируя механизм обманутого ожидания. Расшифровывая окончание викторианской истории

об обитателе лондонского дна, читатели узнают, что власти ловят и казнят этого персонажа, причем забавным сюрпризом для читателей становится эксплицитная оценочность последнего комментария в глоссарии:

topped, to be to be executed. Which the brute richly deserved
[Carter, 1996, p. 28].

Помещенная в сильную позицию окончания произведения парцеллированная конструкция «*Which the brute richly deserved*» может рассматриваться и как пример «речевой зоны» (по Бахтину) персонажа – избитой и брошенной подружки протагониста, представляющий собой прием металептической игры, и как иронический комментарий «маски автора». Это позволяет говорить об игровой неопределенности дейктического модуса данного художественного текста. Использование эмоционально-оценочной лексики (“the brute”, “richly deserved”) демонстрирует псевдонаучный характер глоссария, оканчивающегося «моралью», иронически воссоздающей атмосферу викторианской эпохи и перекликающейся с заглавием произведения: “A Victorian Fable” (fable – a traditional story, usually about animals, that teaches a moral lesson [Macmillan English Dictionary, p. 493]). Последовательно применяя структурообразующий принцип языковой игры при моделировании повествования, Анжела Картер мастерски создает игровую рамочную структуру в рассказе, поскольку ЛЕ “brute” реализует в контексте произведения сразу два значения: 1. a strong man who acts in a cruel and violent way 2. a big strong animal 2a. an animal that you do not like or that frightenes you [Macmillan English Dictionary, p. 173].

Таким образом, игровая модальность данного художественного текста выявляется, «кристаллизуется» (по меткому выражению И.Р. Гальперина) благодаря выбору языковых средств различных уровней, повествовательной стратегии и композиционных приемов. Рассказ может считаться превосходной иллюстрацией того, что художественное кредо многих писателей-постмодернистов – это создание таких текстов, в которых «радость творчества» (“creative joy”) [Sukenick, 1969, p. 57] разделяется как творцами художественных произведений, так и их адресатами.

Список литературы

- Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гридина Т.А. Оценочный потенциал языковой игры в художественном тексте (на материале ранних рассказов Т. Толстой) // Филологический класс. 2011. № 25. С. 37–41.
- Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество. Монография. Екатеринбург, 1996.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999.
- Каргаполова И. А. Человек в зеркале языковой игры. Монография. СПб., 2007.
- Костецкий В. Метафизика игры: от представления к понятию // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2002. № 2. С. 23–36.
- Льюиз Д. Истинность в вымысле // Логос. 1999. № 3(13). С. 48–68.
- Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Studia Linguistica. Вып. 9. СПб., 2000. С. 6–11.
- Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002.
- Приходько А.И. Семантика и прагматика оценки в современном английском языке. Монография. Запорожье, 2004.
- Рахимкулова Г.Ф. Окказионализмы в прозе В. Набокова и проблемы игрового стиля // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 331–343.
- Серль Дж. Р. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3(13). С. 35–47.
- Тураева З.Я. Модальность текста и модальность высказывания // Лексическая, категориальная и функциональная семантика: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1990. С. 92–102.
- Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). СПб., 2001.
- Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры. М., 1997.

Чемодурова З.М. Игра в постмодернистском художественном тексте (на материале англоязычных произведений 20–21 вв.). Монография. СПб., 2013.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.

Carter A. Burning Your Boats. Collected Stories. London, 1996.

Macmillan English Dictionary For Advanced Learners. London, 2005.

Rushdie S. Introduction // Carter A. Burning Your Boats. Collected Stories. London, 1996. P. IX–XVI.

Sukenick R. The Death of the Novel and Other Stories. New York, 1969.

Электронные источники

Dick Sullivan “Weeping Willow” stands for “Pillow”. 2007: [Электронный ресурс] URL: <http://victorianweb.org/history/slang1.html> (Дата обращения: 30.05.2014)

Chemodurova Zinaida Markovna (Saint Petersburg, Russia)

LANGUAGE PLAY AS A MEANS OF EXPRESSING LUDIC MODALITY IN FICTION

The article puts forward a hypothesis that ludic modality is an inherent property of literary text modality. Ludic modality can be viewed as the objective expression within the literary text of the author's appraisal of fictional reality. Speech play is considered to be one of the means of expressing ludic modality.

Keywords: text modality, ludic text modality, implicitness, speech play, 'hypertext' modeling strategy

УДК 81.0

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

В статье рассматриваются некоторые аспекты актуализации в научном описании художественного текста одного из парадигмальных признаков современной науки – антропоцентризма. Коммуникативные и интерпретативные характеристики художественного текста, его конститутивные свойства (категории текста) трактуются в статье с учетом субъектности стилей современного научного мышления.

Ключевые слова: антропоцентризм, диалогизм, познание, интерпретация, когнитивный субъект, языковая личность, художественный текст

Несмотря на существование исходных знаний, необходимых исследователю для последующих рассуждений, научная картина мира в ходе эволюции науки закономерно подвергается изменениям. Сегодня такие изменения обычно описываются в терминах модели развития науки Т. Куна: её важнейшее понятие – научную парадигму Кун именуется понятийной сеткой, сквозь которую представитель научного сообщества должен смотреть на исследуемый научный объект [Кун, 2003, с. 263–264]. Подчёркивая значимость для «понятийной сетки» современной науки т.н. антропологического поворота в осмыслении мира, Е.С. Кубрякова замечает: «Господство принципов а н т р о п о ц е н т р и з м а роднит лингвистику со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку, как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках: в физике это признание позиции наблюдателя, в литературоведении – обращение к образам автора и читателя в их разных ипостасях, в мегаэкологии – внимание ко всем проблемам окружающей среды и к достижению известной гармонии во взаимодействии человека с природой и т.д.» [Кубрякова, 1995, с. 212].

В XX веке основу для осмысления глобальных вопросов соотношения мышления и языка формирует идея субъектности. Обретая «человеческое измерение», наука этого времени воспри-

нимается как избирательность познания мира субъектом, а познание – как действенная интерпретация, вследствие чего на едином интеллектуальном пространстве сосуществуют самые разные теоретические и методологические подходы к научным объектам. Концептуальные разногласия в сфере текстовой проблематики обычно касаются компонентов триады *автор-текст-читатель*. Несмотря на то, что сложность самой природы художественного текста и антропоориентированность современной науки определяют сохранение дискуссионности в этом проблемном поле, в широкой исторической перспективе литературно-критическая мысль отказывается от идеи пассивной реконструкции авторских смыслов в пользу идеи их активного конструирования интерпретатором. Базой для подобной трансформации представлений становится переключение научных интересов в сферу диалогизма и коммуникативных начал. Антропологический поворот гуманитаристики охватывает большие области филологического опыта и закономерно охватывает все «науки о тексте», – как уходящие корнями вглубь веков (Ср. поэтику, стилистику или риторiku), так и появившиеся сравнительно недавно лингвистику текста, когнитивную поэтику или когнитивное литературоведение. «Зодчие научного знания» (Т. Кун) в области текста, представляющие многочисленный научные (фразеология Т. Куна) и интерпретативные (фразеология С. Фиша) сообщества, сходятся в признании его «человеческого измерения». Сегодня текст не рассматривается как самодостаточная реальность, а его исследователь не пытается абстрагироваться от ситуаций текстопорождения и текстовосприятия как детерминантов текстового смысла: актуализация смысла текста в сознании реципиента называется необходимым условием формирования его «жизненного» пространства. Характер заполнения смысловых лакун в структуре текста связывается с индивидуальностью опыта интерпретатора, обретаемого им в процессе интериоризации реальной и художественной действительности. Как следствие, внимание исследователя фокусируется не на знаковых последовательностях, которые формируют текст (Ср. значение текста как *word-sequence meaning*), а на знаниях, которые создают основу для их интерпретации, ассоциируются с когнитивной деятельностью коммуникантов и осмысляются в таких актуальных понятиях, как, например, *utterer's meaning* или *ludic meaning* (См. подробнее [Levinson, 2004, p. 291]). И хотя,

как было подчеркнуто выше, проблемы текста сохраняют свою дискуссионность, их решения оказываются созвучными фундаментальному тезису о *человекомерности* современной науки.

Новые концептуальные и методологические акценты в описании текста отражают интерпретативный характер научного знания.

Сегодня в тексте обнаруживают *абсолютно антропоцентричное образование*, а неоднозначность его понимания, в числе прочих причин, связывают с его онтологической сложностью и сложностью человека, порождающего текст, воспринимающего его и изображаемого в тексте. Концептуальным основанием для описания текста с традиционных и с новых синергетических позиций становится категория сложного, отражающая сложность современного мира, которому принадлежат текст и человек.

Текст рассматривается как *совокупность конститутивных свойств (категорий), не имманентно присущих «автономному» тексту, а детерминируемых рецептивной ситуацией*, т.е. как совокупность зависящих от работы сознания и репрезентируемых языковыми средствами когнитивных параметров. Это понимание категорий текста соответствует его широкому видению. Оно не сводит текст к артефакту, «мёртвому» хранилищу знаний, а признаёт его потенциальным и, с этой точки зрения, «живым» носителем значений. Размытость, неопределённость, возможный факультативный характер и зависимость категорий текста от интерпретативной ситуации свидетельствуют в пользу их описания по прототипическому образцу.

В тексте видят *концептуально-тематический информационный комплекс, понимание и толкование которого предполагает не пассивное расшифровывание, а активную когнитивную деятельность реципиента, апелляцию к совокупному знанию о мире, в том числе посредством социокультурной контекстуализации текста*. Концептуальные установки «человекомерной» науки вносят новые акценты в описание взаимосвязи текста и контекста. Экстралингвистический контекст исследуется как целостная структура знания, в которую встраивается художественный текст, порождаемый и воспринимаемый когнитивными субъектами. Первому из них традиционно приписывается статус творца, а второму – статус со-творца, хотя интерпретативный характер когнитивной парадигмы и трактовка познания как

действенной интерпретации обычно смещают эти акценты; появляются рецептивистские концепции текста, радикально ориентирующиеся на читателя. Знания, необходимые для понимания глобальных и сложных проблем, обретают междисциплинарный, трансдисциплинарный и полидисциплинарный характер. Для понимания частных данных привлекается знание целого, в то время как познание изолированных информационных сведений признаётся недостаточным. Взаимосвязи текста и литературных коммуникантов, текста и экстралингвистического (историко-социо-культурного) контекста, текста и вертикального контекста и пр. изучаются с позиции формирования целостных знаний.

В тексте обнаруживают *способ объективации индивидуально-авторской картины мира как концептуальной системы*, позволяющий делать научные выводы о своеобразии восприятия, познания и оценки лингвокреативным субъектом не только созданного им художественного, но и реального мира. Являясь уникальным творческим продуктом, художественный текст позволяет субъекту продемонстрировать наивысшую степень такой креативности. Индивидуальная составляющая картины мира, «ускользающая» от исследователя в силу своей неповторимости, играет в художественном тексте особую роль, – именно с ней соотносятся личностные мотивации, оценки и ассоциации автора, запечатлевающие своеобразие познания им мира и выражающиеся в уникальной языковой форме. Неповторимость вербализуемого в тексте авторского мировосприятия находит отражение в «извечно актуальном» понятии *индивидуально-авторского стиля* и множестве иных, близких ему понятиях, ассоциирующихся с работой творческого сознания (*авторская оценка, авторская интонация, авторская модальность, авторская картина мира* и пр.). Наиболее очевидно оригинальность авторского видения выражается в разноуровневых образах художественного текста: языковых микрообразах; образах, формирующих отдельные смысловые и содержательно-формальные системы текста (Ср. системы образов персонажей, пейзажных образов и пр.) и в целостном образе литературного произведения. Представляется, что внимание к проблемам авторской семантики, к механизмам формирования и вербализации концептуально-тематической сути текста, которая передаётся с помощью сложной образной системы, маркирующей авторскую индивидуальность и опосредованно репре-

зентирующей нравственно-этические, эстетические, житейские и пр. аспекты творческой языковой личности, восстанавливает нередко нарушаемый сегодня баланс в описании корреляций когнитивно-продуктивной деятельности автора и читателя. Поскольку реализация индивидуально-авторского мировидения не только зависит от жанра \ типа текста и того функционального стиля, в рамках которого он репрезентируется, но и опосредуется присутствием многочисленных промежуточных повествовательных инстанций, вычленение категории «автор» в этом случае представляет очевидную сложность.

Текст исследуется как *средство общения языковых личностей автора и читателя, каждая из которых обладает субъективным видением объективного мира и отличается формирующими это видение смыслами и ценностями*. Исходя из условного разграничения реальной и изображенной коммуникации, понятие языковой личности по отношению к художественному тексту можно экстраполировать и на реальных коммуникантов – автора и читателя, и на изображенных коммуникантов, к которым традиционно причисляются персонаж, повествователь и рассказчик. Для исследователя-лингвиста, не располагающего фактическими данными об интенции реального автора и особенностях восприятия текста реальной читательской аудиторией, автор и читатель в подобных теоретических построениях неизбежно являются гипотетическими сущностями. Более того, они представляют собой идеальные ментальные конструкты, поскольку наделяются в исследовательском сознании одинаковым набором компетенций, опытом и знаниями. Хотя, в силу уникальности каждой личности, совпадение смысловых полей реальных коммуникантов исключается, это упрощение оказывается продуктивным, поскольку позволяет лингвисту сосредоточить внимание на языковой данности текста. На основании этой данности и делаются предположения и выводы об образе автора или читателя, авторской интенции или интерпретационной программе текста, закладываемой в него автором и реализуемой читателем. Текст, таким образом, рассматривается как компонент абстрактной коммуникативной ситуации, формируемой не реальными, а ментальными конструктами, позволяющими конструировать субъективно полезные модели реальности.

Текст изучают как *возможный мир, истинность которого релевантна лишь по отношению к нему самому*. Мир «внутри

текста» (вымышленный, возможный мир) воспринимается как *условно автономный*, а истина по отношению к составляющим его вымышленным компонентам – субъектам, свойствам и действиям, – как истина, релевантная для этого мира, но не как абсолют. Принципиально важным выводом из этого предположения становится вывод о том, что ложное по отношению к объекту художественного моделирования (реальному миру) является истинным в возможном мире текста. Этот вывод укладывается в рамки традиционно практикуемого условного разграничения планов художественной и реальной коммуникации. Более того, он не подразумевает отрыва вымышленного мира от реального мира, а представляет их связь как необходимое условие для понимания фикции. Подобное понимание «истины текста» коррелирует с прагматизацией и субъективизацией научной истины, в целом, и исходит из эвристической полезности научного знания. Тезисы о гипотетичности знания и истинности как эвристической полезности, свидетельствуя об антропоцентричности научной парадигмы, нередко маркируют концептуальный переход от онтологических споров об обоснованности обсуждаемых концепций к спорам об их практической целесообразности (Ср. радикальный в своей основе эпистемологический анархизм П. Фейерабенда и его знаменитый методологический принцип *anything goes*).

В тексте видят *средство активизации когнитивной деятельности адресата*. Особенности организации и усложнение повествовательной структуры в современных художественных текстах зачастую затрудняют идентификацию авторского оценочного мнения. Нарушение жанровых канонов и вытесняющая «всезнающего автора» полифония повествующих голосов; иллюзорная авторская отстраненность от изображаемых событий и «авторская маска»; иронический модус повествования и открытые концовки текстов становятся важными структурообразующими принципами литературного произведения, создают условия для реализации богатого интерпретативного потенциала адресата в прозе, полной «масок и лазеек» (выражение М. Бахтина).

Сложность текста переключение научных интересов с объектов познания на субъект оправдывают интеллектуальную толерантность: сегодня природа текста находит множественные прочтения. Однако какое бы из текстовых «измерений» ни интересовало исследователя, и какие бы методы ни привлекались для его

изучения, современные науки о тексте демонстрируют «человекомерность». Помогая исследователю вырабатывать новое знание о мире, субъектные стили мышления заставляют его видеть в знании средство ориентации человека в сложных и динамичных жизненных условиях, формируют по отношению к ним активную исследовательскую позицию. В осмысление природы текста активно вовлекаются понятия, реализующие идею субъекта: *антропотекст, субъект и личность, интенциональность и интенция, понимание и интерпретация, интерпретативная программа и интерпретативная стратегия* и пр. Все эти понятия имплицитно взаимодействуют двух когнитивных субъектов. Творческий когнитивный субъект реализует свою интенцию через лексическую, синтаксическую и композиционную организацию текста, через конкретные коммуникативно-творческие стратегии и сформированные посредством реализации данных стратегий прагматические фокусы. Со-творческий когнитивный субъект воспринимает и декодирует авторскую интенцию через «заключенные» в эти фокусы эмотивно-оценочные смыслы. Создаются принципиально новые концептуальные и методологические основы для освоения знания. Оно обретает форму активного диалога познающего и познаваемого: отношение к миру и «Я» как к его части осмысливается с учетом зависимости от *Другого* – носителя индивидуального, группового или общественного сознания. Признание интерпретативного начала познания закономерно заставляет исследователя акцентировать индивидуально-личностный характер «проживания» читателем художественной ситуации. Такая расстановка акцентов, однако, не отрицает когнитивного статуса текста как частного варианта концептуализации мира. Текст в этом статусе является действенным способом убеждения читателя в правомерности авторской ценностной позиции, инструментом для вторжения в когнитивную систему читателя с целью её модификации в аналогичном авторскому ценностном направлении. Диалектическую трактовку описанного взаимодействия обнаруживаем у М.М. Бахтина: «Эстетический объект никогда не дан как готовая, конкретно наличествующая вещь. Он всегда задан как интенция, как направленность художественно творческой работы и художественно-сотворческого созерцания» [Бахтин, 2000, с. 502–503].

Список литературы

- Бахтин М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
- Levinson J. Intention and Interpretation // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology. Oxford, 2007. P. 98–106.

Schirova Irina Alexandrovna (Saint-Petersburg, Russia)

ON A FEW TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF TEXTUAL ANTHROPOCENTRISM

The article dwells on a few aspects of textual actualization of anthropocentrism, which is treated as a distinctive feature of modern scientific paradigm. The description of communicative, interpretative and constitutive characteristics (text categories) of a fictional text takes into consideration the subjective styles of modern humanitarian thinking.

Keywords: anthropocentrism, dialogism, cognition, interpretation, cognitive subject, cognitive activity, linguistic personality, fictional text

Содержание

ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

АРКНПРОВ I.K. The English Articles at Historical Crossroads: a Cognitive Analysis	3
ВЫШЕНСКАЯ Ю.П. Ситуативный аспект процесса формирования художественного стиля периода Зрелого Средневековья	12
ЛУКИНА А.Е. Морфологическая вариативность глагольных форм в исследованиях по истории французского языка.	18

ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛА

БЕССОНОВ Н.Ю. Семантика аналитического каузатива в английском языке (на материале глагола to get)	27
БОЛЬШАКОВА Т.М. Взаимодействие функционально-семантических категорий в оформлении побудительного высказывания в немецком языке	35
ВИШНЯКОВА С.Г. Фразеологические единицы со значением крайней меры степени в английском языке	41
КОЗЛОВА Т.О. Непрозрачная иконичность наименований детских игр	47
КОРЮКИНА Е.Е. Формирование англоязычной терминосистемы инклюзивного образования	56
КУЗЬМЕНКО О.Н. О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа)	63
НИФАНОВА Т.С. Сопоставительное изучение семантически осложненного образа (на материале имен денотативных классов английского и французского языков)	71
ОЛАДЫШКИНА А.А. Расхождение в грамматическом роде имён существительных в венском урбанолекте, австрийском и собственно немецком вариантах немецкого языка	79
ТОЛОЧИН И.В. Идиома как механизм иносказательной оценочности в языке (once in a blue moon).	86

ЯЗЫК И ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

БЕРЕЗИНА О.А. Наблюдаемость как фундаментальный признак семантики безличных высказываний (на материале современного английского языка).	95
ГУРОЧКИНА А.Г. Понятие «категория» в лингвистике	102

КУТУЗОВ А.А. Категоризация как этап формирования когнитивной структуры.	109
ПРИХОДЬКО А.А. Роль концептуальной метафоры “DEATH” в экспликации концепта “VAMPIRE”	116
ФИЛИМОНОВА О.Е. Интенсификаторы в современном английском языке	121

ЯЗЫК, ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В ЯЗЫКЕ

ДАНИЛОВА В.А., ДАНИЛОВА Г.И. Фразеологизмы с кулинарным компонентом в контексте гастрономического кода немецкой национальной культуры	128
КОПЧУК Л.Б. Фразеология немецкого языка Швейцарии в контексте национальной культуры.	137
НЕМЦЕВА К.И. Идиоэтничность фразеологической системы как особенность национального религиозного сознания.	147
ПАВЛЕНКО Н.А. Семантика английских фразеологических единиц с гендерным компонентом	155
ПРИХОДЬКО А.И. Культурологический аспект фразеологии.	163
ПЯГАЙ А.Н. Речевой этикет vs. дисфемизация	170
СЕРГАЕВА Ю.В. Референция и имятворчество: кто в имени моём?	177
СЕРОВА И.Г. Некоторые постмодернистские основания лингвистических гендерных исследований.	186
ХЕЙХЕЛЬ М.И. Влияние экстралингвистических факторов на англоязычные наименования лица по возрасту в XX в.	193

ЯЗЫК, ТЕКСТ И ТВОРЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

ТУРАЕВА З.Я. Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед	200
АЛЕКСАНДРОВА А.А. Аппроксимация как средство объективации комической картины мира автора в текстах пародии и бурлеска	209
ВОРОНЦОВА Т.И. О роли образа автора в формировании художественного текста.	217
ГАСАНОВА И.М. Художественное моделирование различных типов самоидентификации в текстах постколониального романа	224
ГУЗЬ М.Н., ПИГИНА Н.В. Особенности немецкоязычных «рождественских» рекламных текстов	232
ГУСАКОВА Т.Г. Цветообозначения как средство художественного моделирования социальной самоидентификации: постановка проблемы.	244
ИОНОВА С.В. Деривация в сфере текстов: от комического до криминального.	253

НАШИ АВТОРЫ

КОПЫЛОВА Э.А. Концовка повествовательного текста как маркер литературного направления 263

МАЛИНЕНКО А.Е. Особенности вербализации базовых эмотивных концептов-оппозиций в англоязычном художественном дискурсе 271

СЕДЫХ Э.В. Синтез искусств в поздневикторианской поэтике. 280

ТАНАНЫХИНА А.О. К вопросу об англоязычном сказочно-фантазийном анекдоте. 287

ТИМОНИНА М.А. Актуализация измененных состояний сознания в произведении Томаса де Квинси “Confessions of an English Opium-Eater” 293

ЧЕМОДУРОВА З.М. Языковая игра как способ выражения игровой модальности художественного текста 299

ЩИРОВА И.А. О некоторых тенденциях в развитии текстового антропоцентризма. 308

Наши авторы 319

АЛЕКСАНДРОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка филологического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

АРХИПОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

БЕРЕЗИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

БЕССОНОВ НИКИТА ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры германской филологии Донецкого национального университета.

БОЛЬШАКОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

ВИШНЯКОВА СОФИЯ ГЕННАДЬЕВНА – соискатель кафедры английской филологии Донецкого национального университета.

ВОРОНЦОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков, заведующая кафедрой фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ВЫШЕНСКАЯ ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГАСАНОВА ИНДИРА МАКСИМОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов Лингвистического центра Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУЗЬ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУРОЧКИНА АЛЛА ГЕОРГИЕВНА – Почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУСАКОВА ТАТЬЯНА GERMANOVNA – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

ДАНИЛОВА ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института между-

народных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.

ДАНИЛОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ИОНОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета.

КОЗЛОВА ТАТЬЯНА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Запорожского национального университета.

КОПЧУК ЛЮБОВЬ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КОПЫЛОВА ЭЛЕОНОРА АРСЕНЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

КОРЮКИНА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КУЗЬМЕНКО ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КУТУЗОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЛУКИНА АННА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

МАЛИНЕНКО АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Донецкого национального университета.

НЕМЦЕВА КСЕНИЯ ИГОРЕВНА – аспирант кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске.

ОЛАДЫШКИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ассистент кафедры романо-германских языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ПАВЛЕНКО НИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры английской филологии Донецкого национального университета.

ПИГИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПРИХОДЬКО АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Запорожского национального университета.

ПРИХОДЬКО АННА ИЛЬИНИЧНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета.

ПЯГАЙ АЗЕЛЛА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СЕДЫХ ЭЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СЕРОВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

ТАНАНЫХИНА АЛЛА ОЛЕГОВНА – докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

ТИМОНИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ТУРАЕВА ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА – доктор филологических наук, профессор.

ФИЛИМОНОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ХЕЙХЕЛЬ МАЙЯ ИГОРЕВНА – соискатель кафедры английской филологии Донецкого национального университета.

ЧЕМОДУРОВА ЗИНАИДА МАРКОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Подписано в печать 10.06.2014. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. .
Тираж 200 экз. Заказ 285.
Отпечатано в типографии ООО «К-8»
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.